К 44 6/150

К 44 6/750

МОСКОВСКІЯ ПРЕЛЕСТИ.

2496

СЦЕНЫ У МИРОВЫХЪ СУДЕЙ,

УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ,

ОЧЕРКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ,

РАЗСКАЗЫ И ПРОЧ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
И. И. ГЛАЗУНОВА
ВЪ МОСКВѢ

МОСКВА,
ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, У МЯСНИЦКИХЪ ВОРОТЪ, Д. ВОЕЙКОВА.
1869.

Государств. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
11193.31

Дозволено цензурой. Москва, 9 августа 1869 г.

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКАЯ
№ 11193
21-V-1931
БИБЛИОТЕКА.

К 44 6
150

СОДЕРЖАНІЕ КНИЖКИ.

Стр.

1. *Дѣло* о почетной гражданкѣ *Мазуриной*, обвиняемой въ сопротивленіи полиціи силою 1
2. *Дѣло* о ссорѣ происшедшей въ одномъ изъ подгородныхъ кафе-ресторановъ, между Рижс. граж. *Трузе* и коммерціи совѣтникомъ *А. И. Хлудовымъ* 36
3. *Дѣло* объ оскорбленіи дѣйствіемъ врача *Смирнова* кандидатомъ на судеб. долж. *Моисеевымъ* 90
4. *Дѣло* объ оскорбленіи Бельгійскаго подданнаго *Лоне* экономомъ Московскаго Нѣмецкаго клуба *Тасье* . . . 94
5. *Дѣло* о Московскомъ 1-й гильдіи купцѣ *И. И. Каулинѣ* и мѣщанкѣ *Константиновой*, обвиняемыхъ въ нанесеніи этими лицами оскорбленія чести жены купца *Пуговкина* 97
6. *Дѣло* о купцѣ *Бутиковѣ*, обвинявшемся въ оскорбленіи частнаго пристава *Гольмъ* на письмѣ 106
7. *Дѣло* Богородскаго купца *А. П. Шелаева*, объ оскорбленіи имъ мѣщанина *Вялова* 108
8. *Дѣло* о нанесеніи побоевъ студенту *А. Акимову* и неслужащему дворянину *А. П—ну*, содержателемъ дома терпимости купцемъ *Рудневымъ* 116

Стр.

9. *Дѣло* о побояхъ нанесенныхъ мировому судьѣ Басманнаго участка г. *Скопину*, титул. сов. *В. Никитинымъ*. 125
10. *Дѣло* о шумѣ и безпорядкахъ, произведенныхъ въ Московскомъ театрѣ студентами 128
11. *Дѣло* по отзыву пристава *Врубеля* 131
12. *Дѣло* о дракѣ между перевозчиками черезъ рѣку и молодыми людьми. 133
13. *Дѣло* о купцахъ: *Поляковѣ* и *Рожновѣ* 136
14. *Дѣло* купцовъ: *Майкова, Струкова* и *Шувалова*, объ обманныхъ поступкахъ армянина *Маркалова*. 138
15. 16. *Дѣло* о взаимныхъ оскорбленіяхъ между гг. *Красильниковымъ, Доримедонтовой, Горскимъ* и *Шебалинымъ* 141
17. *Дѣло* о крестьянинѣ *Алферовѣ*, обвиняемомъ въ намѣреніи сбыть фальшивыя деньги 159
18. *Дѣло* о цеховомъ *Н. Савиновѣ*, обвиняемомъ въ допущеніи игры въ трынку въ своемъ заведеніи 163
19. *Дѣло* о дворянинѣ *Н. Дурново* и синодальномъ прокурорѣ г. *Потемкинѣ*, о самоуправствѣ. 166
20. *Дѣло* о буйствѣ чиновницы *Макаровой* 173
21. *Дѣло* крестьянки *Григорьевой* по жалобѣ ея на полковницу *Гладкову*, объ оскорбленіи дѣйствіемъ и неразсчетѣ 174
22. *Дѣло* крестьянина *И. И. Красноложкина* и купца *Н. Д. Зимина* о чертяхъ 179
23. *Дѣло* 15-тилѣтняго мальчика, Московскаго цеховаго *Н. Воробьева*, обвиняемаго въ кражѣ часовъ. 184
24. *Дѣло* Рижскаго гражданина *Шульцѣ*, обвинявшаго въ клеветѣ на него Прусскаго подданнаго *Катцъ* 189
25. *Дѣло* учителя начальныхъ школъ *Носова* и таковаго-же учителя *Ганимедова* объ оскорбленіи. 194

Стр.

26. *Дѣло* о буйственныхъ поступкахъ жены коллежскаго секретаря *А. Макаровой* 198
27. *Дѣло* о сынѣ надворн. сов. *В. И. Ильинѣ*, мѣщанинѣ *С. Жидковѣ* и почетн. гражд. *Мичуринѣ* 199
28. *Дѣло* князя *Голицына* и коллежскаго совѣт. *Семичева*, о ссорѣ 205
29. *Дѣло* Московскаго купца *Тимофѣева*, о фальшивомъ духовномъ завѣщаніи 210
30. *Дѣло* объ оскорбленіи *И. Акимовымъ*, мѣщанки *А. Николаевой* 218
31. *Дѣло* о церковномъ старостѣ Казанскаго собора, почетномъ гражданинѣ *С. Г. Котовѣ*, обвинявшемся въ оскорбленіи, городской части пристава, майора *Тимирязева* 224
32. *Дѣло* о смотрителѣ матросской богадѣльни *Соболевѣ*, обвинявшемся въ ругательствѣ неприличными словами. 235
33. *Дѣло* объ отставномъ бомбардирѣ *В. Бабичевѣ*, судившемся за покушеніе на отравленіе жены своей 241
34. *Дѣло* о мѣщанинѣ *И. Успенскомъ*, обвиняемомъ въ покушеніи на убійство съ цѣлію ограбленія 245
35. *Дѣло* о статскомъ совѣтникѣ *Н. Калачевскомъ*, объ оскорбленіи помощника секретаря Окружнаго суда *Торопова* 251
36. *Дѣло* о редакторѣ «*Развлеченія*» и купцѣ *Рытовѣ* . . 253
37. *Дѣло* о губернскомъ секретарѣ *С. де-Ладвезѣ*, обвиняемомъ въ нанесеніи побоевъ извощику 255
38. *Дѣло* о *А. Шубинѣ*, обвинявшемся въ убійствѣ жены 257
39. *Дѣло* объ убійствѣ экономa Чудова монастыря *Стефана*. 262
40. *Дѣло* о потѣхѣ *торговцевъ* Смоленскаго рынка надъ собакой 271

Стр.

41. *Дѣло* о сынѣ коллежскаго регистратора *М. Раевскомъ*, о неизбраніи себѣ рода жизни 272
42. *Дѣло* о рядовомъ *С. Мироновичѣ*, за прошеніе милостыни 274
43. *Дѣло* о взысканіи денегъ купцомъ *Сытинымъ* съ купца *Нефедова* 275
44. *Дѣло* о купчихѣ *Н. Кирпичевой*, обвинявшейся въ нанесеніи побоевъ крест. *Филипповой* 277
45. *Дѣло* о кражѣ у дворянина *Степанова* 283

ОЧЕРКИ.

I. Новая промышленность 289
II. Таинственная незнакомка 294
III. Дешевые товары 301

МОСКОВСКІЯ ПРЕЛЕСТИ.

1.

Дѣло о почетной гражданкѣ Мазуриной, обвиняемой въ сопротивленіи полиціи силою.

(Мировой судъ).

1866 года Августа 20 числа у мироваго судьи срѣтенскаго участка разбиралось дѣло о почетной гражданкѣ Мазуриной, обвинявшейся въ сопротивленіи силою законнымъ распоряженіямъ полиціи. Обстоятельства это дѣла слѣдующія: Съ г-жи Мазуриной предписано было взыскать, незначительную сумму, въ 1,128 р. 53½ к. Должница оспаривала это взысканіе и неоднократно подавала отзывы и протесты, въ которыхъ жаловалась на такое распоряженіе. Наконецъ, вслѣдствіе предписанія, послѣдовавшаго отъ г. московскаго военнаго генералъ-губернатора, Управа

Благочинія строго предписала частному приставу Яузской части, въ которой проживаетъ г-жа Мазурина, подъ личною отвѣтственностію этого полицейскаго офицера, взыскать съ должницы причитающуюся сумму, не принимая по этому дѣлу никакихъ отзывовъ отъ нея и отписокъ. Частный приставъ поручилъ квартальному надзирателю 3-го квартала, Длотовскому, взыскать означенныя деньги; въ случаѣ же отказа въ платежѣ, со стороны г-жи Мазуриной, неимѣніемъ въ наличности взыскиваемой суммы, онъ предписалъ ему описать движимое имущество должницы. Г. Длотовскій послалъ черезъ полицейскаго служителя повѣстку о томъ г-жѣ Мазуриной, но повѣстка, безъ всякой подписи, была обратно возвращена въ кварталъ нѣкоимъ г-мъ Скворцовымъ, котораго составленный полиціею актъ именуетъ „завѣдывающимъ дѣлами“ подсудимой, а сама подсудимая, или лучше сказать, адвокатъ ея, г. Имбергъ, не признаютъ за таковаго. На слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, квартальный надзиратель, въ сопровожденіи добросовѣстнаго, московскаго мѣщанина Ильи Дмитріева, отправился исполнить возложенное на него порученіе, но нашолъ ворота запертыми. Предвидя сопротивленіе со стороны г-жи Мазуриной, онъ послалъ доложить о томъ г. частному приставу

Врубель, который и поспѣшилъ на мѣсто. Частный приставъ не былъ счастливѣе своего подчиненнаго и послалъ просить г. мироваго судью Яузскаго участка, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ этого дѣла. Яузскій судья не замедлилъ явиться на приглашеніе полиціи. При немъ частный приставъ сталъ звонить у калитки; на звонъ этотъ, къ запертымъ воротамъ, вышелъ дворникъ дома г-жи Мазуриной, который на всѣ настоянія полицейскаго офицера впустить пришедшихъ, отвѣчалъ, что ворота заперты на замокъ, а ключъ находится у хозяйки. Звонъ повторялся нѣсколько разъ, дворникъ тоже нѣсколько разъ подходилъ къ запертымъ воротамъ, но на настоянія отпереть калитку *во имя закона*, былъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что полицію не велѣно впускать и что ключъ у самой Марьи Александровны... Тогда частный приставъ потребовалъ въ сосѣднемъ дворѣ лѣстницу и приказалъ полицейскому служителю, Иванову, перелѣзть черезъ ворота. Ивановъ исполнилъ приказаніе это, но вслѣдъ затѣмъ появилась у окна г-жа Мазурина и велѣла дворнику спустить цѣпныхъ собакъ. Городовой Ивановъ, увидавши это съ воротъ, сообщилъ о томъ частному приставу. Не желая подвергать опасности подчиненнаго, г. Врубель приказалъ ему слѣзть обратно, и тутъ

замѣчено было въ нижнемъ этажѣ дома окно, черезъ которое всѣ присутствующіе, не исключая и Яузскаго судьи, вошли въ кухню. Но здѣсь встрѣтилось новое препятствіе: надо было перейдти черезъ дворъ, а цѣпныя собаки охраняли его. Только послѣ *четвертаго*, настоятельнаго требованія со стороны частнаго пристава, дворникъ исполнилъ его приказаніе и привязалъ собакъ. Потомъ еще послѣднее противодѣйствіе было оказано хозяйкой дома: двери на парадное крыльцо и на черную лѣстницу были заперты. Г-жа Мазурина лично, собственной особой, стояла за дверью чернаго хода, куда направились прибывшіе, и вступила съ ними въ объясненія. На слова частнаго пристава—впустить ихъ *во имя закона*, она отвѣчала, чтобы *во имя закона они ушли прочь*; а на извѣщеніе, что мировой судья, въ числѣ пришедшихъ; она не затруднилась отвѣтомъ, что не впуститъ никого. Тогда дверь, по распоряженію частнаго пристава, была выбита, и полиція вошла въ домъ. Г-жа Мазурина грозила вошедшимъ отвѣтственностью; вошедшіе съ своей стороны приступили немедленно къ составленію формальнаго о происшестніи акта.

Дѣло было представлено въ Судебную палату и тамъ, по заключенію прокурора и постановле-

нію Судебной палаты, признано подсуднымъ мировымъ учрежденіямъ. Оно было поручено Яузскому участковому судьѣ, обсуживалось на Съѣздѣ мировыхъ судей 2-го округа — подсудно ли ему, и, вслѣдствіе раздѣленія тамъ голосовъ, передано судьѣ Срѣтенскому, которымъ и было рѣшено. Подсудимая явилась къ назначенному часу, въ черномъ платьѣ, и помѣстилась у рѣшетки; за ней находился ея защитникъ, присяжный повѣренный, г. Имбергъ. Но необыкновенное ли стеченіе публики, болѣзненное ли состояніе, или что-иное, но г-жа Мазурина вдругъ почувствовала себя дурно, потребовала доктора и была отведена въ кабинетъ. Докторъ засвидѣтельствовалъ, что подсудимая не въ состояніи не только отвѣчать на вопросы, но даже оставаться въ залѣ суда и, послѣ получасоваго и напраснаго ожиданія что къ ней вернутся силы, судья приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла. Онъ объявилъ публикѣ о внезапной болѣзни г-жи Мазуриной, присовокупивъ, что необходимые вопросы, которые онъ найдетъ нужнымъ ей предложить, онъ будетъ ей лично дѣлать въ помѣщеніи, гдѣ она находится. Затѣмъ раздался звонокъ, возвѣстившій о началѣ судопроизводства, и ровно въ $7^1/_2$ часовъ началось судоговореніе.

Мир. суд. (*частному приставу*). Прошу васъ заявить вашу жалобу.

Частн. прист. Я считаю это дѣло неподсуднымъ мировымъ учрежденіямъ; оно должно разсматриваться Судебной палатой, и вотъ квитанція въ томъ, что я подалъ объ этомъ прошеніе въ Судебную палату. (*Подаетъ квитанцію*).

Мир. суд. Не угодно ли вамъ выслушать эту статью? (*Прочитываетъ ст. Уст. гражд. суд. о прекаканіи въ подсудности*). „Прекаканія о подсудности между мировымъ судьею или мировымъ Съѣздомъ съ одной стороны и Окружнымъ Судомъ съ другой, разрѣшаются тою Судебною палатою, въ округѣ которой первоначально дѣло возникло.“

Частн. прист. Получивъ предписаніе Управы Благочинія, чтобы взыскать деньги съ почетной гражданки Мазуриной, не принимая отъ нея вновь никакихъ отзывовъ, я приказалъ квартальному надзирателю 3-го квартала, маіору Длотовскому, отправиться къ ней и произвести это взысканіе. Квартальный надзиратель извѣстилъ меня, что г-жа Мазурина не приняла отъ него повѣстки, въ которой онъ извѣщалъ ее, что прибудетъ для описи движимаго ея имущества, и что она возвратила черезъ повѣреннаго своего, г. Скворцова, эту повѣстку въ кварталъ безъ всякой подписи. Онъ до-

носилъ мнѣ приэтомъ, что ожидаетъ сопротивленія со стороны должницы и просилъ моего содѣйствія въ этомъ дѣлѣ. Я подтвердилъ маіору Длотовскому мое приказаніе—исполнить возложенное на него порученіе, и что если оказано будетъ къ тому сопротивленіе со стороны г-жи Мазуриной, то чтобы онъ извѣстилъ о томъ меня. Квартальный надзиратель исполнилъ въ точности мое приказаніе и когда встрѣтилъ предвидѣнное имъ сопротивленіе, то донесъ немедленно мнѣ о томъ. Я прибылъ на мѣсто и, найдя ворота и калитку запертыми, звонилъ нѣсколько разъ, но въ отвѣтъ получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ отъ дворника, что ворота заперты, по приказанію Марьи Александровны, на замокъ, и ключъ находится у самой хозяйки. Тогда я послалъ просить г. мироваго судью Яузскаго участка быть свидѣтелемъ всего происшествія, и по прибытіи его, послѣ неоднократно повторенныхъ и напрасныхъ требованій впустить меня, распорядился достать лѣстницу, съ помощію которой полицейскій унтеръ-офицеръ Ивановъ влѣзъ на ворота. Тогда дворникъ Степановъ, по приказанію г-жи Мазуриной, спустилъ двухъ цѣпныхъ собакъ во дворѣ. Не желая подвергать городоваго видимой опасности, я приказалъ ему спуститься обратно и тутъ усмотрѣно

было нами выходящее въ нижнемъ этажѣ на улицѣ окно, которое и было тотчасъ по моему распоряженію выставлено безъ всякаго поврежденія. Черезъ окно я вошелъ въ кухню въ сопровожденіи всѣхъ присутствовавшихъ: г. мироваго судьи, квартальнаго надзирателя, добросовѣстнаго, унтеръ-офицера Иванова и приглашенныхъ мною на этотъ разъ свидѣтелей — московскаго купца Ефима Кулешова и крестьянина Василья Аѳанасьева Жукова. Здѣсь я приказалъ дворнику Степанову привязать собакъ, что было имъ исполнено по четвертому уже моему настоятельному приказанію. Тогда мы перешли дворъ и, подойдя къ парадному крыльцу, нашли его запертымъ; на неоднократное дерганіе звонка не послѣдовало никакого отвѣта. Мы отправились по черной лѣстницѣ, но и тутъ дверь была на замкѣ, а за дверью находилась сама Марья Александровна, которая намъ объявила, несмотря на троекратное требованіе впустить насъ во имя закона, не взирая на предупрежденіе, что въ противномъ случаѣ дверь будетъ выломана,— что она полицію впустить не желаетъ. Вслѣдствіе чего я приказалъ полицейскому унтеръ-офицеру попробовать, не въ состояніи ли онъ будетъ выломать дверь простымъ напоромъ, что онъ и исполнилъ безъ всякаго затруд-

ненія. Г-жа Мазурина при этомъ грозилась жаловаться на оказанное полиціей насиліе, но несмотря на ея протестъ, я приказалъ квартальному надзирателю приступить къ описи ея имущества на сумму взысканія, что и было имъ исполнено. Вслѣдъ затѣмъ составленъ былъ о настоящемъ происшествіи актъ, который, какъ вамъ извѣстно, г. судья, подписанъ мною, маіоромъ Длотовскимъ, добросовѣстнымъ свидѣтелемъ Дмитріевымъ и свидѣтелями — московскимъ купцомъ Кулешовымъ и крестьяниномъ Жуковымъ. Г-жа Мазурина также подписала этотъ актъ, съ оговоркою, что она находитъ дѣйствія полиціи несогласными съ законами и что принесетъ, куда слѣдуетъ, на нихъ жалобу.

Мир. суд. Г, повѣренный! Что вы имѣете на это сказать?

Повѣрен. г-жи Мазуриной. Я просилъ бы г-на судью прочесть находящійся при дѣлѣ рапортъ квартальнаго надзирателя по этому случаю.

Мир. суд. (*Перелистывая дѣло*). Рапортъ, поданный послѣ болѣзни г-жи Мазуриной?

Повѣрен. Нѣтъ, поданный до ея болѣзни, въ которомъ квартальный надзиратель говоритъ, что предвидитъ со стороны г-жи Мазуриной сопротивленіе.

Мир. суд. (*Перелистовавъ все дѣло*). Такого рапорта при дѣлѣ положительно нѣтъ.

Повѣрен. Въ такомъ случаѣ я прошу прочесть предписаніе Управы Благочинія о взысканіи денегъ.

Судья. (*Читаетъ*).

„Экстренно-нужное. Г. приставу Яузской части. Управа Благочинія, препровождая при семъ копію съ предписанія г-на московскаго генералъ-губернатора, отъ 21-го марта, за № 2477, строжайше предписываетъ, чтобы вы, г. приставъ, неупустительно собирали доходы съ дома почетной гражданки дѣвицы Анны Мазуриной и представляли таковые въ Управу, а равно исполнили бы безъ малѣйшаго отлагательства времени предписаніе Управы Благочинія, отъ 4-го марта, за № 15,857, объ истребованіи отъ матери ея, Марьи Мазуриной, вмѣсто билета денегъ 1,128 р. 53½ коп., причемъ Управа предваряетъ васъ, что о малѣйшемъ упущеніи вашемъ по сему дѣлу, Управою будетъ донесено г-ну московскому генералъ-губернатору.“

Повѣрен. Гдѣ же тутъ есть предписаніе объ употребленіи силы?

Частн. прист. Полиція руководилась въ этомъ случаѣ предписаніемъ г. оберъ-полиціймейстера, за № 40-мъ, 1861 года.

Судья, приступая къ допросу свидѣтелей, спрашиваетъ у тяжущихся, желаютъ ли они допроса этого подъ присягой, или не приводя къ присягѣ свидѣтелей. Обѣ стороны заявляютъ, чтобы допросъ производился безъ присяги. Вслѣдъ затѣмъ вызывается дворникъ, въ качествѣ свидѣтеля; ему объясняютъ, что онъ освобожденъ отъ причастности къ дѣлу и чтобы, поэтому, онъ показалъ все, какъ дѣйствительно происходило, не выгораживая себя.

Мир. суд. Разскажите все это дѣло вкратцѣ, но не упуская ничего, до конца.

Дворникъ. Кончилось это....

Мир. суд. (*прерывая*). Нѣтъ, вы начните не съ конца, а съ начала.

Дворникъ чистосердечно разсказываетъ все происшествіе; показанія его, въ главныхъ чертахъ, совершенно подтверждаютъ показанія частнаго пристава.

Мир. суд. (*повѣренному*). Не угодно ли вамъ предложить вопросъ свидѣтелю?

Повѣр. Я удивляюсь, какъ онъ могъ видѣть Марью Александровну изъ окна?

Мир. суд. (*дворнику*). Когда приказано было спустить собакъ: послѣ прихода частнаго пристава, или прежде?

Дворникъ. Послѣ.

Мир. суд. Тогда ли, когда влѣзъ солдатъ, или прежде того?

Дворникъ. Этого не могу знать, не видалъ.

Повѣр. Въ дѣлѣ сказано, что Марья Александровна махала ему платкомъ изъ окна, чтобы онъ не впускалъ полиціи.

Мир. суд. Все равно, онъ показалъ, что она махала ему рукой,

Судья читаетъ записанное показаніе, въ которомъ опущены подробности о спускѣ съ цѣпи собакъ; подполковникъ Врубель замѣчаетъ это опущеніе, и показаніе свидѣтеля немедленно пополняется.

Вызывается другой представленный свидѣтель, добросовѣстный Дмитріевъ.

Мир. суд. Повторите ваше показаніе.

Добросов. Въ актѣ все показано вѣрно.

Мир. суд. Я васъ прошу повторить, что вы видѣли и слышали?

Добросовѣстный начинаетъ разсказывать уже извѣстное читателямъ происшествіе; защитникъ г-жи Мазуриной его перебиваетъ.

Повѣр. Вы сейчасъ сказали, что дворникъ подходилъ къ воротамъ во второй разъ. Почему вы это знаете?

Доброс. Потому что я слышалъ, какъ онъ подходилъ въ первый разъ.

Мир. суд. (*защитнику*). Я васъ прошу не перебивать свидѣтеля. Вы можете возражать ему послѣ.

Защитникъ умолкаетъ. Добросовѣстный продолжаетъ разсказъ. Его снова перебиваетъ возраженіемъ дворникъ, когда слова свидѣтеля касаются его собственныхъ неблагообразныхъ дѣйствій. Судья заставляетъ дворника умолкнуть, и добросовѣстный, безъ помѣхи, оканчиваетъ свой разсказъ.

Мир. суд. (*добросовѣстному*). А вы знали прежде г-жу Мазурину?

Добросов. Зналъ.

Мир. суд. (*защитнику*). Что вы хотѣли спросить у свидѣтеля?

Повѣрен. (*добросовѣстному*). Какъ вы могли, стоя за воротами, видѣть, что дворникъ ходилъ по двору?

Добросов. (*убѣдительно*). Это было слышно, потому что дворникъ подходилъ къ самымъ воротамъ, и потомъ слышно было, какъ онъ отходилъ.

Повѣрен. Какъ вы знаете Марью Александровну?

Добросов. Я четыре года добросовѣстнымъ состою и хаживалъ къ ней по разнымъ дѣламъ.

Повѣрен. Позвольте мнѣ предложить еще одинъ вопросъ: тамъ дворъ, кажется, немощенный, какъ

же вы могли слышать, что дворникъ по двору ходилъ?

Добросов. Тамъ лежатъ доски отъ крыльца до самыхъ воротъ; какъ же было не слыхать?

Переговоры между защитникомъ и свидѣтелемъ этимъ оканчиваются.

Мир. суд. Кто еще былъ свидѣтелемъ?

Частн. прист. Крестьянинъ Жуковъ.

Мир. суд. Онъ здѣсь?

Вводятъ Жукова, который становится передъ судьею.

Мир. суд. Вы были свидѣтелемъ по дѣлу г-жи Мазуриной?

Жуковъ. Былъ-съ. Меня пригласилъ частный приставъ, такъ какъ онъ сказалъ, что его г-жа Мазурина къ себѣ не допускаетъ, а онъ пришолъ именемъ закона. — Затѣмъ свидѣтель повторяетъ почти слово въ слово содержащееся въ актѣ, присовокупляя, что когда дворникъ не хотѣлъ привязывать собакъ, говоря, что ему хозяйка запрещаетъ, то частный приставъ на это ему сказалъ, что тутъ хозяинъ Императоръ, а не Марья Александровна. Онъ показываетъ однако, что Мазурина *сама приказала привязать собакъ*, когда увидѣла частнаго пристава.

Мир. суд. А вы знаете лично г-жу Мазурину?

Жуковъ. Помилуйте, какъ же не знать-съ: мы живемъ 42 года въ одной части и въ одномъ кварталѣ.

Свидѣтель, московскій купецъ Ефимъ Кулешовъ, не явился, за выѣздомъ изъ Москвы на Нижегородскую ярмарку. Вызывается городовой унтеръ-офицеръ Зыбинъ; онъ разсказываетъ дѣло, но очевидно путается въ своихъ показаніяхъ. Говоритъ, что дворникъ не отвѣчалъ ни слова на требованія отпереть ворота и, заявляя, что остался на улицѣ, у калитки, въ то время, когда всѣ вошли въ кухню черезъ окно, и не знаетъ ничего, что происходило во дворѣ.

Повѣренный. Я нахожу, г. судья, что онъ противорѣчитъ съ показаніями другихъ свидѣтелей.

Частн. прист. (*Зыбину*). Ты не слыхалъ отвѣтовъ дворника и какъ я требовалъ именемъ закона отпереть?

Зыбинъ. Виноватъ, ваше высокоблагородіе, я это упомнилъ сказать.

Мир. суд. Но я именно у васъ спрашивалъ, говорилъ ли что дворникъ?

Зыбинъ. Я это упомнилъ, для того это было давно.

Мир. суд. То есть вы забыли, отвѣчалъ ли что дворникъ.

Зыбинъ. Давно это было, виноватъ, упомнилъ.

На мѣсто Зыбина вызывается городовой Ивановъ.

Мир. суд. Какъ все дѣло происходило, разскажите теперь вы.

Ивановъ подробно повторяетъ свой разсказъ, присовокупляя, что когда онъ влѣзъ на ворота, то Мазурина ему сказала: „попробуй, попробуй слѣзть,—вотъ собаки-то тебя разорвутъ!...“

Мир. суд. Вы знаете г-жу Мазурину?

Ивановъ: Знаю, ваше высокоблагородіе, очень хорошо.

Судья вызываетъ дѣвочку, лѣтъ четырнадцати, Викторову, живущую у г-жи Мазуриной.

Мир. суд. Разскажите, что вы знаете о дѣлѣ г-жи Мазуриной?

Дѣвочка. Прихожу я поутру къ Марьѣ Александровнѣ, онѣ спятъ и мнѣ говорятъ.....

Мир. суд. Позвольте: какъ же это и *спятъ* и *говорятъ* вмѣстѣ?

Дѣвочка снова повторяетъ ту же мысль, только другими словами.

Мир. суд. Какъ же она могла и спать, и говорить съ вами?

Дѣвочка. Онѣ тотчасъ же, какъ я вошла, проснулись и сказали, что увидали на воротахъ ка-

кого-то неизвѣстнаго солдата и приказали спустить собакъ.

Мир. суд. Какъ же, когда вы вошли, онѣ могли спать и уже велѣть спустить собакъ?

Мѣткіе вопросы судьи окончательно сбиваютъ свидѣтельницу, замѣтно дававшую заученныя показанія. Судья приказываетъ записать всѣ ея показанія такъ, какъ она ихъ дѣлала.

Мир. суд. (*защитнику*). Желаете ли вы, чтобы я спросилъ прочихъ свидѣтелей?

Повѣрен. Я считаю это лишнимъ.

Мир. суд. (*частному приставу*). А вы?

Частн. прист. Я тоже считаю это излишнимъ.

Мир. суд. Я забылъ еще одного свидѣтеля, это— мироваго судью Яузскаго участка, г. Чернева.

Мировой судья Яузскаго участка встаетъ съ своего мѣста.

Мир. суд. Дайте ваши показанія.

Яузскій судья разсказываетъ обстоятельства дѣла, которымъ былъ очевидецъ. Показанія его были сходны съ изложенною жалобой подполковника Врубель.

Мир. суд. Слышны были переговоры между городовымъ и г-жей Мазуриной?

Яузскій суд. Нѣтъ, я ничего не слыхалъ.

Мир. суд. Видѣли ли вы хозяйку дома у окна?

Яузскій судъ. Я видѣлъ у окна женщинъ, но была ли то г-жа Мазурина — не могу сказать.

Окончивъ свои показанія въ качествѣ свидѣтеля, Яузскій судья занимаетъ снова свое мѣсто въ ряду мировыхъ судей.

Частн. прист. (*судьѣ*). Дѣвочка показала, что г-жа Мазурина сказала ей, что какой-то неизвѣстный солдатъ сидѣлъ на воротахъ. Позвольте вамъ доложить, что это участковый городовой, который въ годъ триста разъ побывалъ во дворѣ г-жи Мазуриной.

Мир. судъ. Это ничего не значитъ, потому, что по дальности разстоянія она могла не узнать его. Но какъ могло случиться, г. частный приставъ, что вы слышали переговоры г-жи Мазуриной съ городовымъ, сидѣвшимъ на воротахъ, а г. Мировой судья сейчасъ заявилъ, что онъ ихъ не слыхалъ?

Частн. прист. Я находился ближе, г. мировой судья могъ стоять дальше и не разслышать.

Яузскій судъ. (*подходя къ столу*). Я долженъ добавить, что я отходилъ отъ воротъ по Садовой съ г. квартальнымъ надзирателемъ Длотовскимъ, и потому переговоры эти могли происходить въ мое отсутствіе.

Судья снова допрашиваетъ дѣвочку, которая показываетъ, что она вошла къ г-жѣ Мазуриной,

когда та спала, — что, при входѣ ея, та тотчасъ же проснулась и передала ей, что она видѣла солдата на воротахъ и потому приказала спустить собакъ. Все это показаніе записывается отъ слова до слова, и свидѣтельница его скрѣпляетъ своею подписью. Вслѣдъ затѣмъ судья приглашаетъ прочихъ свидѣтелей, прочитываетъ имъ ихъ показанія, исправляетъ ошибки и пополняетъ пропуски, и потомъ даетъ имъ подписать. Свидѣтели подписываютъ.

Добросовѣстный. Вотъ тутъ прибавить нужно: „Когда г. частный приставъ приказывалъ Мазуриной отпереть дверь съ черной лѣстницы *именемъ закона*, такъ она отвѣчала: — А я вамъ приказываю *уйти вонъ именемъ закона*!....“

Судья предлагаетъ Яузскому мировому судьѣ записать свои показанія; тотъ приступаетъ къ записыванію; защитникъ подсудимой, полагая, что показаніе уже записано и что свидѣтель готовится его скрѣпить, проситъ судью, производящаго разбирательство, прежде прочесть это показаніе. Судья объясняетъ защитнику его ошибку.

Частн. прист. (*судьѣ*). Въ записанномъ свидѣтельскомъ показаніи добросовѣстнаго пропущено еще нѣсколько подробностей.

Составляется дополненіе къ показанію добросовѣстнаго.

Судья. Г. повѣренный просилъ, прежде нежели будетъ защищать г-жу Мазурину, прочесть рапортъ квартальнаго надзирателя г. частному приставу.

Частн. прист. Этотъ рапортъ можетъ только послужить во вредъ г-жѣ Мазуриной, такъ какъ квартальный надзиратель, служа шесть лѣтъ въ одномъ кварталѣ, достаточно могъ убѣдиться, что г-жа Мазурина постоянно оказываетъ сопротивленіе полиціи.

Повѣрен. Почему же квартальный надзиратель заключилъ о сопротивленіи г-жи Мазуриной послѣ отказа принять повѣстку, а не до того?

Частн. прист. Это ничего не значитъ.

Судья прочитываетъ тяжущимся показаніе мироваго судьи Яузскаго участка, писанное его собственной рукой. — „Въ маѣ мѣсяцѣ, котораго числа не помню, по приглашенію частнаго пристава, переданному мнѣ г. Длотовскимъ, между 11 и 1 часомъ, прибылъ я къ дому г-жи Мазуриной, гдѣ увидалъ довольно порядочную толпу народа, свидѣтелей и городовыхъ. При мнѣ г. частный приставъ звонилъ довольно сильно болѣе двухъ разъ въ колокольчикъ, что у воротъ, на что никто не

отворилъ воротъ. Затѣмъ г. частный приставъ велѣлъ влѣзть городовому по лѣстницѣ поставленной къ воротамъ, на нихъ, и съ той стороны, слѣзши съ воротъ, отворить ихъ. Городовой, взлѣзши на лѣстницу, отвѣтилъ, что собакъ спустили, что и потвердилось потомъ, что начался лай, котораго я прежде положительно не слыхалъ. Затѣмъ частный приставъ сказалъ, что мировой судья здѣсь, и именемъ закона проситъ отворить ворота, но и послѣ этого ворота не были отворены. Эту фразу онъ повторялъ нѣсколько разъ. Послѣ этого городовой, стоявшій ближе къ дому, нежели къ воротамъ, сказалъ, что сама Мазурина сейчасъ смотрѣла въ окно. Тогда частный приставъ, обратясь къ городовому, спросилъ: „дѣйствительно ли ты видѣлъ?“ и эту фразу повторялъ два или три раза, и всякій разъ получалъ утвердительный отвѣтъ. То же самое я спрашивалъ нѣсколько разъ самъ у городоваго и получилъ въ отвѣтъ ту же фразу. Кромѣ того, приэтомъ я видѣлъ въ окнѣ, выходящемъ на улицу, какихъ-то двухъ женщинъ, которыхъ узнать не могу, и вмѣстѣ со мною въ то же время стояло у воротъ довольно народу, который тоже долженъ былъ видѣть этихъ двухъ женщинъ. Причемъ добавлю, что когда городовой влѣзъ на лѣстницу, то я прошелся съ Длотовскимъ до

Садовой, и частный приставъ когда просилъ вторично отворить, то также нѣсколько разъ звонилъ, на что не получилъ никакого отвѣта.“ Подписано: „мировой судья К. Черневъ.“

Мир. суд. (*защитнику*). Теперь я считаю нужнымъ предложить одинъ вопросъ г-жѣ Мазуриной, но не знаю, можетъ ли она явиться сюда?

Повѣренн. Объ этомъ надо спросить у доктора.

Судья уходитъ въ комнату, въ которой находится больная.

Проходитъ нѣсколько минутъ; входитъ судья.

Мир. суд. Я предложилъ нѣсколько вопросовъ г-жѣ Мазуриной, и вотъ ея отвѣты: первое, на что я указалъ, это было показаніе дѣвочки. Г-жа Мазурина отвѣчала мнѣ, что шумъ у воротъ и появленіе въ ея комнатѣ этой дѣвочки совпадали. Потомъ я ей указалъ на противорѣчіе въ ея собственныхъ показаніяхъ судебному слѣдователю: сперва она заявила, что она видѣла на воротахъ солдата, и потомъ — что по близорукости не разсмотрѣла, кто былъ на воротахъ. Наконецъ и на непринятіе отъ Скворцова повѣстки, она привела въ свое оправданіе, что онъ, какъ не повѣренный ея, не имѣлъ права принимать, отъ ея имени, адресованное ей.

Затѣмъ защитникъ, присяжный адвокатъ г. Имбергъ, всталъ съ своего мѣста и сказалъ слѣдующую защитительную рѣчь:

„Марья Александровна Мазурина обвиняется въ томъ, что она, зная о посѣщеніи полиціи для взысканія съ нея денегъ, оставила ворота запертыми, что она не впустила полиціи, приказала отвязать собакъ, и, зная, что полиція уже во дворѣ, запрещала дворнику привязать ихъ. Но извѣщала ли полиція ее о своемъ прибытіи?.. Кто приносилъ повѣстку?... унтеръ-офицеръ, и отдалъ ее Скворцову, не повѣренному г-жи Мазуриной, а совершенно ей постороннему человѣку. Если быть строгимъ къ частному лицу, то къ лицу служебному тѣмъ болѣе. Квартальный надзиратель долженъ былъ явиться самъ и лично передать повѣстку г-жѣ Мазуриной, какъ лицо оффиціальное, но онъ этого не сдѣлалъ. Квартальный надзиратель показалъ на отзывъ г-жи Мазуриной, какъ на то, что она знала, что полиція прибудетъ. Нѣтъ, она знала только, что съ нея велѣно взыскать. Она ничего не знала, была больна, пила воды, спала, потомъ проснулась отъ шума, который частный приставъ и квартальный надзиратель надѣлали въ ея собственномъ домѣ. Проснувшись, первое, что она увидѣла въ окно, это солдата, сидящаго на воротахъ. Мнѣ скажутъ, что

то была полиція; но не такъ давно полиція являлась на Рогожское кладбище, тамъ былъ и частный, и квартальный, и городовые, да еще въ придачу и жандармскій офицеръ. Не такъ давно ограбили въ Сокольникахъ среди бѣлаго дня. Она никакъ не думала, что это полиція; она сочла ихъ за грабителей. Я не могу никакъ допустить, чтобъ г-жа Мазурина, если даже и предположить, что она рѣшилась противодѣйствовать полиціи, чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ она появилась у окна. Она ни какъ бы не показалась. Притомъ, она увидѣла, что г. Врубель лѣзетъ въ окно, она сама приказала привязать собакъ. Объ этомъ есть два свидѣтельскихъ показанія—одного представленнаго самой полиціей въ свидѣтели и давшаго такое показаніе сейчасъ въ судѣ, другаго, который далъ такое жъ точно показаніе при слѣдствіи, но въ судъ не явился. И такъ, я могу положительно сказать, что г-жа Мазурина не знала о прибытіи полиціи, потому что не получила о томъ формальнаго извѣщенія, и приняла всѣ мѣры допустить полицію въ свой домъ, когда узнала, что то дѣйствительно была полиція. Я утверждаю, что всякій, кто свершаетъ преступленіе, долженъ же имѣть какую нибудь цѣль; что у г-жи Мазуриной не могло быть цѣли свершить взводимое на нее преступленіе, то есть

остановить полицію въ исполненіи обязанностей ея—взысканіи по предписанію съ нея денегъ, потому что, имѣя недвижимое имущество, не могла же она скрыть его отъ этого взысканія. Потомъ я спрошу, почему полиція приняла такія энергическія мѣры при взысканіи съ г-жи Мазуриной? Я объясню сейчасъ, за что происходило самое взысканіе."

Затѣмъ защитникъ подробно разсказываетъ, что взысканіе слѣдовало не съ г-жи Мазуриной, а съ ея дочери, и распространяется о счетахъ и расчетахъ, не касающихся настоящаго дѣла, то есть оправданія г-жи Мазуриной въ противодѣйствіи полиціи. Потомъ онъ снова переходитъ къ защитѣ подсудимой.

„Но, можетъ быть, найдутъ г-жу Мазурину виновной; въ чемъ же она виновата? Судебная палата признала ее виновной въ самоуправствѣ и подходящей подъ 142 ст. Но я полагаю, что она скорѣе подлежитъ ст. 29-й. Притомъ, опредѣленіе Судебной палаты не должно стѣснять въ рѣшеніи мироваго судью, потому что иначе опредѣленіе это будетъ предрѣшеніемъ дѣла. Тогда мировой судья является уже не судьею, а исполнителемъ рѣшенія другаго судебнаго мѣста. Наконецъ, я долженъ замѣтить еще, что дѣло г-жи Мазуриной

надѣлало въ Москвѣ такого шуму, что о немъ всѣ толкуютъ, что о немъ всѣ говорятъ. Иные находятъ, что поступокъ Марьи Александровны Мазуриной просто—*самодурство*, и что для того, чтобъ удержать отъ самодурства другихъ, надо наказать ее примѣрно. Я думаю, что нельзя такъ утвердительно обвинять все общество, а если и такъ, то за что же г-жа Мазурина будетъ отвѣчать за грѣхи другихъ, за общее самодурство? Говорятъ потомъ, что ее нужно наказать для поддержанія достоинства полиціи; но это достигается не мѣрой строгости, а мѣрой справедливости. Полиція можетъ поставить сама себя на степень уваженія въ обществѣ своими справедливыми и законными дѣйствіями....“

Мир. суд. (*перебивая*). Мнѣ кажется, это нейдетъ къ дѣлу.

Повѣрен. Наконецъ, г. судья, я обращусь къ вамъ и напомню, что г-жа Мазурина живетъ въ той средѣ, гдѣ еще такъ мало привыкли уважать законъ, и притомъ она женщина, старая и болѣзненная женщина, а потому всякое снисхожденіе, которое вы, г. судья, оказали бъ ей, не будетъ для нея... не будетъ ей... то есть, какое бъ снисхожденіе вы ей ни оказали, вы не погрѣшите противъ справедливости!“

Эта рѣчь защитника закончила судоговореніе. Четверть часа спустя прочтено было слѣдующее:

„Разсмотрѣвъ обстоятельство дѣла, мировой судья нашолъ: что почетная гражданка Марья Александрова Мазурина, обвиняемая въ недопущеніи полицейскихъ чиновниковъ къ описи имущества своего, то есть въ прегражденіи ей пути приказаніемъ запереть ворота и спустить собакъ, въ отказѣ отворить запертыя двери дома, виновна въ самоуправствѣ потому, что, считая дѣйствія полиціи или того мѣста, предписаніе котораго она исполняла, незаконными, она, вмѣсто того, чтобы, допустивъ полицію до описи, обжаловать ея поступокъ законнымъ порядкомъ, заперла всѣ выходы своего дома и, въ видѣ охраны, спустила цѣпныхъ собакъ, и такимъ образомъ не закону поручила защиту своихъ правъ, а приняла эту обязанность на себя, слѣдовательно, поступила самоуправно, за что и подлежала бы, на основаніи ст. 142 Уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями, аресту, а именно, такъ какъ самоуправство учинено при особыхъ, увеличивающихъ вину обстоятельствахъ, высшей его мѣрѣ, то есть аресту на три мѣсяца, но принимая во вниманіе преклонныя лѣта обвиняемой, мировой судья при-

говорилъ почетную гражданку Марью Александрову Мазурину, на основаніи выпеупомянутой 142 ст. Уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями, *подвергнуть аресту на два мѣсяца*. Приэтомъ объявить обвиняемой ст. 128 и 147 Уст. Угол. Судопр. Рѣшеніе состоялось 20 августа, въ 11 часовъ пополудни."

Защитникъ г-жи Мазуриной, присяжный адвокатъ Имбергъ, заявилъ неудовольствіе на это рѣшеніе.

На Съѣздѣ столичныхъ мировыхъ судей 2-го округа, 22-го сентября, происходило разсмотрѣніе дѣла почетной гражданки Мазуриной. Рѣшеніе мироваго судьи Срѣтенскаго участка, разсматривавшаго это дѣло и произнесшаго по немъ приговоръ, не было окончательнымъ; на него г-жа Мазурина принесла апелляціонную жалобу въ Съѣздъ.

Предсѣдатель спросилъ явились ли тяжущіеся? Г. частный приставъ Врубель оказался налицо; за отсутствіемъ, по болѣзни, г-жи Мазуриной, мѣсто ея занялъ адвокатъ. Докладчикъ Съѣзда и непремѣнный членъ его, г. Бухтѣевъ, сперва изложилъ въ краткихъ чертахъ ходъ дѣла. Онъ сказалъ, что дѣло началось полицейскомъ актомъ въ день самого событія,—что этотъ актъ представленъ былъ

мировому судьѣ Яузскаго участка, который, признавъ дѣло себѣ неподсуднымъ, препроводилъ его судебному приставу. Судебный приставъ, отобравъ дознанія, представилъ дѣло это Окружному суду. Здѣсь товарищъ прокурора, г. Линдротъ, составилъ обвинительный актъ и препроводилъ его Судебной Палатѣ; но Судебная Палата, разсмотрѣвъ дѣло, согласно заключенію г. прокурора Равинскаго, признала его подсуднымъ мировымъ учрежденіямъ. Засимъ докладчикъ прочиталъ извѣстныя подробности происшествія, а также протоколъ Срѣтенскаго мироваго судьи, и наконецъ апелляціонную жалоба повѣреннаго г-жи Мазуриной, присяжнаго адвоката г. Имберга. Когда чтеніе этой жалобы окончилось, г. предсѣдатель Съѣзда предложилъ защитнику подсудимой, также присяжному адвокату, г. Соловьеву, замѣнившему въ настоящемъ случаѣ г. Имберга, добавить, что онъ имѣетъ, къ апелляціонной жалобѣ его довѣрительницы. Въ отвѣтъ на это предложеніе г. предсѣдателя, адвокатъ г-жи Мазуриной произнесъ защитительную рѣчь. Заявивъ Съѣзду, что бывшій защитникъ подсудимой, присяжный адвокатъ г. Имбергъ, не имѣя возможности самъ лично явиться, поручилъ ему г. Соловьеву, какъ собрату по корпораціи, это дѣло,—адвокатъ обѣщалъ своею рѣчью

разъяснить истину и приступилъ къ защитѣ. Онъ доказывалъ, что г-жа Мазурина не прибѣгала *ни къ какому противодѣйствію полиціи*, — что она *не знала даже о томъ, что полиція къ ней въ то утро явится*,—что *если ворота были заперты, то это сдѣлано было безъ всякаго умысла не допускать полиціи, потому что держать на запорѣ ворота въ обычаѣ у многихъ*. Затѣмъ онъ какъ бы остерегая судей, чтобы они не поддались давленію общественнаго мнѣнія, заявилъ, что прежде чѣмъ дѣло его кліентки было разсмотрѣно участковымъ судьей, газеты бойкими статьями возбудили публику противъ г-жи Мазуриной. «Самъ г. Врубель», утверждалъ защитникъ: «говорилъ, что ему при народѣ совѣстно было ретироваться отъ дома Мазуриной. Я не хочу этимъ сказать»,—продолжалъ авдокатъ,—«чтобы и мировой судья, разбиравшій это дѣло, подчинился общественному мнѣнію, но вѣдь онъ могъ ошибиться»... Потомъ защитникъ сильно и энегрически возсталъ на дѣйствія полиціи въ настоящемъ дѣлѣ, и это мѣсто его рѣчи произвело болѣе впечатлѣнія, чѣмъ все прочее. «Полиція обвиняетъ г-жу Мазурину въ самоуправствѣ, — сказалъ г. Соловьевъ, — но сама полиція поступала въ этомъ случаѣ самоуправно: кто уполномочивалъ ее вламываться въ домъ, вы-

саживать двери, выбивать окна?... Квартальный надзиратель и частный приставъ, найдя ворота запертыми, должны были донести о томъ Управѣ Благочинія, а не употреблять насиліе. Я не знаю ни одной статьи закона, гдѣ бы дозволено было полиціи лазить черезъ заборы, выставлять рамы, выламывать двери. Въ оправданіе свое исполнители представляютъ циркуляръ г. оберъ-полиційместера, но циркуляры должны соотвѣтствовать законамъ. Иначе послѣдуютъ противорѣчія между законами и циркулярами. Исполнительной власти не дано функціи законодательства». Переходя къ подробностямъ столкновенія между полиціей и г-жей Мазуриной, защитникъ говоритъ: — „Никогда денежныя взысканія, производимыя полиціей съ частныхъ лицъ, не были у насъ строги: противъ г-жи Мазуриной приняты были полицейскими чиновниками особенно-энергическія мѣры. Слѣдовательно, все дѣло истекаетъ изъ прежнихъ отношеній гражданъ къ полиціи. Обычныя же отношенія меджу полиціей и гражданами всѣмъ, полагаю, достаточно извѣстны.“

На этихъ словахъ предсѣдатель останавилъ г. Соловьева, прося его держаться собственно обстоятельствъ дѣла, а не *общихъ взглядовъ на полицію*. На это адвокатъ г-жи Мазуриной отвѣ-

тилъ, что онъ коснулся настолько этихъ „*общихъ взглядовъ*,“ чтобъ освѣтить ими настоящее дѣло. Въ заключеніе своей рѣчи онъ перешелъ къ разбору рѣшенія участковаго судьи и утверждалъ, что поступокъ его кліентки нельзя признать *самоуправствомъ*, на томъ основаніи, что „*самоуправство немыслимо безъ насилія, а насилій противъ полиціи г-жей Мазуриной оказано не было.*“ По окончаніи рѣчи защитника, предсѣдатель далъ слово г. Врубелю, какъ обвинителю подсудимой, но тотъ заявилъ Съѣзду, что считаетъ дѣло неподсуднымъ мировымъ учрежденіямъ. Онъ сказалъ, что остался недоволенъ не приговоромъ Срѣтенскаго судьи, а протестуетъ противъ всякаго разбирательства мировыми судами настоящаго дѣла. Приэтомъ онъ сослался на статьи закона и на подачу имъ жалобы на Судебную Палату въ Кассаціонный Департаментъ Сената за признаніе ею подсуднымъ мировымъ учрежденіямъ доложеннаго дѣла, и просилъ предсѣдателя Съѣзда прочесть копію съ его жалобы. Изъ этого возникло продолжительное преніе между г. предсѣдателемъ и г. Врубелемъ, пока наконецъ первый не вразумилъ убѣдительными доводами послѣдняго, и не разъяснилъ ему, что рѣшеніе Судебной Палаты, въ случаѣ препирательства о подсудности,

есть послѣдняя инстанція для руководства мировымъ учрежденіямъ. „Наконецъ, — такъ заключилъ свои доводы предсѣдатель Съѣзда — дѣло это назначено нами на сегодняшнее число къ разбирательству, и мы разсмотримъ его сегодня же непремѣнно.“

Главныя положенія г. товарища прокурора въ его заключительной рѣчи были:

1. Что г-жа Мазурина должна была знать о появленіи къ ней полиціи, хотя и не получала второй, офиціально-переданной ей, повѣстки.

2. Что подсудимая, когда полиція проникла во внутренность ея дома и приступила къ описи ея имущества, не дѣлала никакихъ къ тому препятствій.

3. Что угрозъ со стороны г-жи Мазуриной нельзя признать, потому что собаки, по приказанію ея, — что видно изъ свидѣтельскихъ показаній, — были привязаны.

4. Что проступокъ подсудимой, который есть самоуправство, тѣмъ не менѣе остается въ своей силѣ.

Касательно дѣйствій полиціи, г. товарищъ прокурора находитъ:

1. Что полиція можетъ быть обвинена въ несоблюденіи формальностей.

2. Что полиція ссылается на актъ, которымъ однакоже не руководилась.

Приэтомъ, г. товарищъ прокурора прочитываетъ циркуляры г. бывшаго оберъ-полиціймейстера Потапова, гдѣ, въ случаѣ оказываемаго сопротивленія полиціи частнымъ лицомъ, предписывается не вламываться силой въ домъ, а составить актъ о сопротивленіи.

3. Признаетъ за полиціей право дѣйствовать и силой, если она имѣетъ на то предписаніе отъ судебнаго мѣста.

4. Заявляетъ Съѣзду о неподсудности ему полицейскихъ чиновъ по исполненію ими своихъ обязанностей.

Затѣмъ г. товарищъ прокурора, припомнивъ въ самыхъ краткихъ очертаніяхъ рельефныя стороны дѣла, призналъ г-жу Мазурину виновною въ сопротивленіи полиціи и согласился съ мнѣніемъ Срѣтенскаго мироваго судьи, что поступокъ подсудимой былъ *самоуправствомъ*. Вслѣдствіе этого онъ призналъ приговоръ участковаго судьи *правильнымъ*, но представилъ притомъ на благоусмотрѣніе Съѣзда, что такъ какъ полиція въ настоящемъ дѣлѣ сдѣлала много упущеній, то не найдетъ ли Съѣздъ возможнымъ смягчить этотъ приговоръ облегченіемъ наказанія подсудимой.

Такъ какъ въ уголовныхъ дѣлахъ послѣднее слово принадлежитъ обвиняемому, то защитнику г-жи Мазуриной снова дано было слово. Тема рѣчи его была та же, но на этотъ разъ, потерявъ надежду отстоять вполнѣ свою кліентку, адвокатъ отстаивалъ преимущественно мѣру наказанія ей. „Если вы признаете, подобно мировому судьѣ, Мазурину виновной, — сказалъ онъ судьямъ — то назначьте ей домашній арестъ. Притомъ же физически-невозможно исполнить надъ нею иной приговоръ."

Съ этими словами, адвокатъ приблизился къ судьямъ и подалъ предсѣдателю какую-то бумагу. Бумага оказалось медицинскимъ свидѣтельствомъ, за подписомъ трехъ докторовъ, единогласно свидѣтельствующихъ, что г-жа Мазурина одержима такими сильными и опасными болѣзнями, что, при первомъ потрясеніи и огорченіи скрѣпившіе свидѣтельство доктора не ручаются за самую жизнь ея. Предсѣдатель, не принимая въ руки этой бумаги, предложилъ адвокату г-жи Мазуриной самому прочесть ее во всеуслышаніе. Г. Соловьевъ прочелъ сказанное свидѣтельство и въ заключеніе своей защиты сказалъ, что „событіе совершилось уже много мѣсяцевъ назадъ, что общественное мнѣніе по этому дѣлу успокои-

лось, что вліяніе прессы съ той поры уничтожилось,“ — и т. п. Рѣчь его какъ-бы вдругъ прервалась, и онъ неожиданно объявилъ, что кончилъ говорить все что имѣлъ сказать. Судьи удалились на совѣщаніе.

Слишкомъ часъ длилось совѣщаніе это; наконецъ судьи вошли, и Предсѣдатель объявилъ резолюцію: „Мировой Съѣздъ *большинствомъ голосовъ* полагаетъ: признавъ почетную гражданку Мазурину виновной въ самоуправствѣ и имѣя въ виду, что участковый судья уменьшилъ уже наказаніе, приговоръ его, какъ правильный, утвердить, а въ жалобѣ почетной гражданкѣ Мазуриной отказать.“

Впослѣдствіи по ходатайству покойнаго Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, арестъ этотъ былъ замѣненъ арестомъ домашнимъ.

2.

Дѣло о коммерціи совѣтникѣ А. И. Хлудовѣ.

(Мировой судъ).

11-го ноября, 1866 г. въ 10 съ половиною часовъ ночи, приставомъ 3-го стана, московскаго уѣзда, составленъ актъ *по заявленію г. Адельгейма* о томъ, что онъ былъ въ 9 часовъ вечера въ ресторанѣ

Юля, съ риж. граж. Трузе, его женою, купцомъ Экштейнъ, братомъ послѣдняго, сестрою Генріеттой и помощникомъ своимъ Гольштейнъ. Поужинавши, Адельгеймъ одѣлся прежде всѣхъ и сѣлъ въ сани, но прождавъ 10 минутъ, пошелъ опять въ ресторанъ, гдѣ отворивъ дверь, увидалъ компанію А. И. Хлудова, которая била его зятя; потомъ кто-то и его ударилъ по лицу, такъ что онъ упалъ, и черезъ него, топтавъ его ногами, компанія г. Хлудова вышла изъ ресторана и уѣхала. *Приставъ*, прибывъ къ Юлю, нашелъ *Трузе* съ головою перевязанною платкомъ; носъ и губа разсѣчены, изъ носу течетъ кровь; платокъ, грудь сорочки, жилетъ—испачканы кровью; причемъ Трузе представилъ сюртукъ свой весь изорванный. *Трузе* показалъ, что въ прихожей, когда обѣ компаніи вышли одѣваться, г. Хлудовъ дозволилъ себѣ выражаться неприличными словами, а когда онъ замѣтилъ г. Хлудову о неприличіи этого при дамахъ, *жена его тотчасъ вышла изъ ресторана съ сестрою Экттейнъ*; г. же Хлудовъ ударилъ его по лицу, послѣ чего вся его компанія начала бить его, Трузе, и выталкивать изъ ресторана; *на шумъ, здѣсь происходившій, пришла жена его;—ее ударилъ* г. *Хлудовъ въ животъ*, и она теперь *отъ сильныхъ побоевъ* лежитъ на ди-

ванѣ, въ ресторанѣ. Его же самаго свалили съ ногъ и избили, такъ что ему необходимо медицинское пособіе. *Жена Трузе* сказала, что отъ нанесенныхъ ей побоевъ объяснять ничего не можетъ, а проситъ послать за акушеркой по случаю ея беременности и также оказать медицинскую помощь. *Гольштейнъ* показалъ, что отъ нанесенныхъ ему *побоевъ Хлудовымъ же* и его товарищами чувствуетъ боль; причемъ подтвердилъ показаніе Трузе. *Экштейнъ* показалъ то же, что и предыдущее. Содержатель ресторана *Юль* показалъ, что видѣлъ только какъ обѣ компаніи въ страшномъ безпорядкѣ вышли на дворъ, и какъ послѣ того Трузе вошелъ съ компаніей своей въ ресторанъ, съ окровавленнымъ лицомъ, а жену Трузе велъ подъ руки Экштейнъ. Находившійся при этомъ *швейцаръ* при ресторанѣ, Сергѣевъ, показалъ, что по случаю большаго хаоса, происшедшаго въ передней, когда онъ подавалъ шубы, онъ не могъ хорошо разобрать всего, что дѣлалось, но слышалъ, какъ Трузе говорилъ кому-то изъ толпы въ передней, чтобъ не выражался неприличными словами. Актъ этотъ подписали всѣ лица этой компаніи, кромѣ жены Трузе, которая за болѣзнію подписать отказалась. Вслѣдъ за этимъ тотчасъ же сообщено уѣзд. врачу Гусеву,

объ освидѣтельствованіи лицъ, коимъ причинены побои. Свидѣтельства, отъ 11-го числа, показываютъ, что у жены Трузе никакихъ побоевъ не найдено, ребенокъ живъ, дыханіе ея свободно и вообще она здорова. У самаго же Трузе найдены боевые знаки.

Г-нъ Хлудовъ далъ слѣдующее показаніе становому приставу: „Вчера, 11-го числа сего мѣсяца, въ 9 час. вечера, былъ я съ знакомыми своими, купцами: Н. Ѳ. Сергѣевымъ, Ѳ. А. Мануйловымъ, И. Н. Деминымъ, С. Г. Князевымъ и И. М. Бирюковымъ, въ кафе-ресторанѣ купца Юль, Московскаго уѣзда, во ввѣренномъ вамъ станѣ. Пробывши здѣсь около часа, всѣ мы вышли въ переднюю; чтобы одѣться и ѣхать домой; въ передней находилось нѣсколько человѣкъ, также хотѣвшихъ одѣваться, изъ нихъ, какъ я узналъ, одинъ былъ зубной врачъ Адельгеймъ, другой рижскій гражданинъ Трузе, прочихъ же я и теперь не знаю, но могу указать въ лицо, если они мнѣ будутъ показаны; одинъ изъ послѣднихъ, примѣты коего могу припомнить, высокаго роста, въ очкахъ, черноватый, бывши сильно пьянъ, подошелъ къ г. Демину и что-то сказалъ, положивъ ему руку на плечо;—но Деминъ уклонился отъ него; тогда онъ подошелъ къ Мануйлову съ

какою-то придиркою и дерзкими словами, но и тотъ сказалъ ему, чтобы онъ оставилъ его въ покоѣ и шелъ своей дорогой съ компаніей, съ которой онъ пріѣхалъ; тогда этотъ господинъ въ очкахъ обратился ко мнѣ самымъ безцеремоннымъ образомъ, произнося весьма неприличныя ругательства. Видѣвши до какой степени забылся этотъ пьяный господинъ, я крикнулъ довольно громко, чтобы онъ убирался вонъ, и поспѣшилъ самъ одѣться, но въ это время г. Трузе подскочивъ ко мнѣ съ весьма дерзкимъ и нахальнымъ видомъ, закричалъ мнѣ,—„какъ ты смѣешь дѣлать такія дерзости, за это я разобью твою рожу,“—прибавивъ и площадную брань. Такой оборотъ дѣла, при нестерпимомъ оскорбленіи, заставилъ меня пріостановиться и приблизиться къ Трузе, но въ это время, хотя купецъ Сергѣевъ старался отодвинуть отъ меня рукою Трузе, тотчасъ же произошло общее замѣшательство и шумъ, причемъ Трузе ударилъ меня въ правый глазъ и я уже отъ ужасной боли въ глазу и головѣ не помню, какъ мы вышли вслѣдъ за тѣмъ всѣ на дворъ ресторана, гдѣ я, очнувшись, едва успѣлъ замѣтить, что трое изъ компаніи Адельгейма напали на Сергѣева, какъ двое сзади схватили меня, повалили на земь и начали наносить

мнѣ побои по чемъ попало, и если бы г. Мануйловъ не подоспѣлъ комнѣ на помощь, оттащивши этихъ двухъ господъ, то можетъ быть, они убили бы меня. Освободившись отъ нихъ, я успѣлъ сѣсть съ Мануйловымъ въ экипажъ и отправился къ вамъ, чтобы заявить объ этомъ происшествіи, но не заставъ васъ, я опять заѣхалъ въ ресторанъ Юля, гдѣ еще была компанія Адельгейма и показалъ имъ сдѣланное мнѣ увѣчье глаза, сильно распухшаго, причемъ я объявилъ, что о происшествіи этомъ доведу до свѣдѣнія кого слѣдуетъ и что отъ нанесенныхъ мнѣ побоевъ я чувствую себя очень дурно. Тутъ мнѣ сказалъ кто-то изъ компаніи Адельгейма, что нанесены будто-бы побои дамѣ; но я ее не видалъ, гдѣ она была, и кто она такая я не знаю, что и объявилъ я этой компаніи, поспѣшивъ уѣхать домой, такъ какъ я чувствовалъ себя очень дурно, не спалъ отъ этого всю ночь и рано утромъ принужденъ былъ послать за докторомъ, который, освидѣтельствовавъ меня и узнавъ причину моей болѣзни, счелъ нужнымъ составить о томъ медицинскій актъ, который, представляя при семъ на ваше усмотрѣніе и поручая это объявленіе, за невозможностію по болѣзни моей отправиться къ вамъ лично, купцамъ Мануйлову и Сергѣеву, для доставленія

къ вамъ, покорнѣйше прошу васъ допросить этихъ лицъ, купца Мануйлова, какъ свидѣтеля всего происходившаго со мною, и Сергѣева, какъ также лично оскорбленнаго компаніей Адельгейма. При чемъ долгомъ считаю дополнить, что купецъ Деминъ, также простой свидѣтель всего происшествія, можетъ дать нужныя по сему дѣлу показанія подъ присягою, какъ и купецъ Мануйловъ, а равно ямщики, пріѣхавшіе какъ съ нами, такъ и съ Адельгеймомъ."

Ноября 12-го составленъ актъ становымъ приставомъ, въ коемъ изложено показаніе Мануйлова совершенно подтвердившее объявлнніе г. Хлудова. Показаніе это г. Мануйловъ обязался подтвердить подъ присягою. Показаніе Сергѣева подтверждаетъ слова Мануйлова, съ дополненіемъ, что трое изъ компаніи Адельгейма напали на него на дворѣ ресторана и отбилъ его отъ этихъ людей Бирюковъ. Актъ медика о побояхъ, нанесенныхъ г. Хлудову былъ подтвержденъ уѣзднымъ врачомъ, г. Гусевымъ, 12-го же числа свидѣтельствовавшимъ г. Хлудова.

28-го ноября, у уѣзднаго мироваго судьи г-на Бенкендорфа, въ залѣ уѣзднаго мироваго съѣзда происходило разбирательство по дѣлу о ссорѣ, происшедшей въ одномъ изъ подгородныхъ кафе-

ресторановъ, между рижскимъ гражданиномъ г. Трузе и коммерціи совѣтникомъ, предсѣдателемъ московскаго Мануфактурнаго совѣта А. И. Хлудовымъ. Въ восемь часовъ двери Съѣзда заперлись и засѣданіе открылось. Кромѣ участвовавшихъ, къ дѣлу привлечено было до 30 свидѣтелей, прямо или косвенно знакомыхъ съ подробностями происшествія. Это были: содержатель ресторана г. Юль, его служители, ямщики, цыгане и цыганки, изъ пѣвшаго тамъ хора; приглашенные на мѣсто происшествія: становой приставъ, уѣздный врачъ и акушерка. Съ обѣихъ сторонъ было по два адвоката: отъ г-на Хлудова и лицъ его компаніи, гг. Рихтеръ и Шайкевичъ; со стороны противуположной, гг. Доброхотовъ и Соловьевъ. Засѣданіе открылось чтеніемъ предварительнаго дознанія, сообщеннаго г. мировому судьѣ становымъ приставомъ, производившимъ его. Подробности этого акта, состоящаго изъ показаній обѣихъ сторонъ и показаній данныхъ свидѣтелями на предварительномъ слѣдствіи,—уже извѣстны. По утвержденію г. Трузе и лицъ его компаніи, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Пріѣхалъ онъ 11-го ноября, часу въ 10-мъ вечера, въ загородный, въ паркѣ находящійся, ресторанъ г-на Юля, съ женой своей, беременной женщиной, зубнымъ

врачемъ Адельгеймомъ, купцомъ Экштейнъ, братомъ послѣдняго, сестрою Генріетой, гг. Гейтманъ и Гольдштейнъ. Поужинавши, г-нъ Трузе, съ лицами съ нимъ бывшими, вышелъ въ переднюю, чтобъ одѣваться и ѣхать; въ это же самое время тамъ уже была другая компанія, и принадлежавшій къ ней г. Хлудовъ позволилъ себѣ выражаться неприличными словами. Услыхавъ брань, Трузе замѣтилъ г-ну Хлудову о неприличіи такъ выражаться при дамахъ и въ отвѣтъ на это получилъ отъ г. Хлудова ударъ по лицу; услышавъ шумъ, въ переднюю вернулась жена г-на Трузе, передъ этимъ только что вышедшая къ подъѣзду; Хлудовъ ударилъ и ее, но ударилъ въ животъ и дотого сильно, что она принуждена была остаться въ ресторанѣ, лечь на диванъ и потребовать акушерку. Такъ было дѣло по словамъ г-на Трузе Но по словамъ г. Хлудова оно происходило нѣсколько иначе. А именно: 11-го числа г. Хлудовъ пріѣхалъ въ ресторанъ къ Юлю съ знакомыми ему купцами: Сергѣевымъ, Мануиловымъ, Деминымъ, Князевымъ и Бирюковымъ. Выйдя въ переднюю, чтобъ ѣхать по домамъ, они встрѣтились тамъ съ компаніей г. Трузе, и одинъ изъ лицъ этой послѣдней, на предварительномъ слѣдствіи не бывшій, но описанный весьма по-

дробно г-мъ Хлудовымъ, а именно г-нъ Гейтманъ, въ сильно пьяномъ видѣ, подошелъ къ купцу Демину и, положа ему руку на плечо, сталъ къ нему придираться, причемъ обратился съ ругательствами и къ г-ну Хлудову. Будучи выведенъ изъ терпѣнія, г-нъ Хлудовъ крикнулъ ему довольно громко, чтобъ онъ убирался вонъ. За Гейтмана вступился г. Трузе, произошла суматоха, причемъ г-нъ Хлудовъ получилъ отъ Трузе сильный ударъ въ правый глазъ, послѣ котораго, не помня себя отъ страшной боли, г. Хлудовъ вышелъ на дворъ ресторана, гдѣ едва успѣлъ очнуться, какъ двое сзади схватили его, повалили на земь и стали бить по чемъ попало, покуда не освободилъ его г. Мануиловъ. Вотъ сущность показанія г. Хлудова. Медицинскій осмотръ показываетъ, что у жены г. Трузе никакихъ побоевъ не найдено, ребенокъ живъ, дыханіе свободно и вообще она здорова.

По прочтеніи этихъ показаній, г. судья обратился съ вопросомъ къ г. Трузе:—всѣ ли бывшіе съ нимъ въ ресторанѣ Юля участвовали въ дракѣ?—на что тотъ отвѣчалъ, что всѣ, кромѣ братьевъ Экштейнъ. Но г-нъ Хлудовъ замѣтилъ, что это неправда, что всѣ дрались и особенно одинъ, въ очкахъ, который подалъ поводъ къ

скандалу, а именно Гейтманъ. Со стороны Хлудова, компанія Трузе признала всѣхъ участвовавшими въ дѣлѣ. Г-нъ Хлудовъ, на предложенный ему въ свою очередь вопросъ судьи,—что имѣетъ онъ сказать на показанія г. Трузе, отвѣчалъ, что онъ никого не трогалъ и пальцемъ, но что его дѣйствительно били. Сергѣевъ, бывшій въ компаніи Хлудова, заявилъ, что компанія Трузе первая начала бить его, и что его дѣйствія были только отвѣтомъ на вызовъ. Показанія остальныхъ совершенно тождественны съ показаніями г-на Хлудова. Такъ, г. Мануиловъ слѣдующимъ образомъ разсказалъ судьѣ начало исторіи: одинъ изъ присутствовавшихъ съ г. Трузе подошелъ ко мнѣ и, положа руку на мое плечо сталъ ко мнѣ придираться, но я его оттолкнулъ отъ себя, говоря ему, чтобы онъ шелъ съ своей компаніей; тогда онъ обратился къ А. Ив. Хлудову съ самыми неприличными словами; Алексѣй Ивановичъ замѣтилъ ему, чтобы онъ неругался, и между ними начался споръ. Тутъ г. Трузе обратился къ г. Хлудову съ вопросомъ: какъ онъ смѣетъ говорить неприличныя слова при дамахъ? Видя разгоравшуюся ссору, бывшій въ передней, товарищъ г. Хлудова, Сергѣевъ, сталъ между нимъ и г. Трузе затѣялъ драку; я же предлагалъ, для пре-

кращенія скандала, поскорѣе выбраться изъ ресторана, что и было сдѣлано. Выбравшись на дворъ, Мануиловъ, увидавъ Сергѣева отбивающимся отъ двоихъ неизвѣстныхъ людей, кинулся къ нимъ и освободилъ Сергѣева. Послѣ драки, они всѣ поѣхали къ становому приставу, не заставъ котораго дома, возвратились къ Юлю; откуда, сказавъ еще находившейся въ ресторанѣ компаніи Трузе, что этого дѣла они такъ не оставятъ, уѣхали домой. При этомъ г. Мануиловъ добавилъ, что онъ не знаетъ кто билъ г-на Трузе, а запомнилъ только, что видѣлъ г-жу Трузе сидѣвшую въ саняхъ, но не видалъ, чтобы кто-нибудь ее ударилъ.

На вопросъ г. судьи, что можетъ сказать г. Трузе на показанія, данныя противъ него, тотъ объяснилъ, что онъ, выходя изъ комнаты ресторана въ переднюю для того чтобы одѣваться, увидалъ тамъ компанію г. Хлудова, въ шубахъ, и услыхалъ, что г. Хлудовъ кого-то ругаетъ слишкомъ неприличными словами. Г. Трузе замѣтилъ г. Хлудову, чтобы онъ выражался поделикатнѣе, но въ отвѣтъ на это г. Хлудовъ плюнулъ Трузе въ лицо и толкнулъ его въ грудь. Г-нъ, находящійся съ лѣвой стороны отъ Трузе, ударилъ его при этомъ такъ, что онъ упалъ на полъ.

Мир. судья г-ну *Трузе*. Значитъ, вы не признаете взводимаго на васъ обвиненія?

Трузе. Нѣтъ.

Мир. судья. Г. Адельгеймъ, а вы?

Адельгеймъ. Тоже нѣтъ.

Остальные изъ компаніи г. Трузе также отвергаютъ обвиненіе.

Затѣмъ, г. судья прочелъ врачебныя свидѣтельства, относительно состоянія здоровья замѣшанныхъ въ процессѣ лицъ. Приэтомъ, по поводу показанія врача, относительно состоянія здоровья г-жи Трузе, находящейся въ 5-мъ мѣсяцѣ беременности,—въ которомъ значилось, что у нея никакихъ боевыхъ знаковъ не найдено, поврежденія ребенку не сдѣлано, г. присяжный повѣренный Доброхотовъ замѣтилъ, что онъ, по поводу этого осмотра, а также относительно показаній о состояніи здоровья г. Хлудова, желалъ бы дать врачу нѣсколько вопросовъ.

Мир. судья сказалъ на это, что врачъ будетъ спрошенъ.

Затѣмъ было прочитано показаніе двухъ врачей относительно состоянія здоровья г. Хлудова, изъ которыхъ одно составлено домашнимъ врачемъ его г. Каминскимъ.

Прис. пов. Доброхотовъ спрашиваетъ, котораго числа составлены эти показанія?

Мир. судья говоритъ, что 12-го.

Г. Доброх. Былъ кто нибудь при этомъ?

Мир. судья. Ст. приставъ Протопоповъ.

Г. Доброх. Не сказано, гдѣ былъ составленъ актъ осмотра?...

Мир. судья. Не сказано.

Присяж. повѣр. Соловьевъ. А объявленіе когда было подано?

Мир. судья. Тоже 12-го числа.

Г. Доброх. Не видно изъ дѣла, по какому поводу является врачъ?

Г. Шайкевичъ. Вслѣдствіе подачи объявленія г. пристава.

Мир. судья. Да, (*читаетъ это объявленіе*).

Г. Шайкевичъ. Изъ дѣла выясняется, что приставъ былъ при постановленіи вызваннаго врача, слѣдовательно осмотръ былъ произведенъ у пристава.

Г. Доброх. Позвольте, свидѣтельство о болѣзни подано 12-го числа и того же числа гг. Мануйловъ и Сергѣевъ подали отъ г. Хлудова жалобу, въ которой было сказано, что онъ по болѣзни не можетъ выѣхать изъ дому. Я просилъ бы пообстоятельнѣе распросить у врача разъясненія недо-

разумѣній относительно того, гдѣ былъ составленъ актъ осмотра.

Миров. судья. Я уже сказалъ вамъ, что врачъ будетъ допрашиваемъ особо.

Послѣ этого прошенія, продолжалъ судья,—г. Трузе обратился ко мнѣ съ новымъ объясненіемъ для дополненія о побояхъ, нанесенныхъ ему и лицамъ бывшимъ съ нимъ. Въ этомъ объясненіи г. Трузе утверждаетъ, что онъ 11-го числа ноября, отправившись съ своими родственниками и знакомыми за городъ, заѣхалъ въ ресторанъ Юля, гдѣ просидѣвши часа полтора и поужинавши, сталъ собираться домой. Когда онъ вышелъ въ переднюю, то увидалъ тамъ нѣсколько посторонних людей, въ числѣ которыхъ былъ г. Хлудовъ, ругавшійся самыми неприличными словами. Когда г. Трузе обратился къ нему съ просьбою прекратить свою брань, такъ какъ онъ здѣсь съ женой и другими дамами, то г. Хлудовъ на это плюнулъ ему въ лицо и ударилъ его; кромѣ того г-нъ, находящійся съ лѣвой стороны, также ударилъ его чрезвычайно сильно. Въ то время когда г. Хлудовъ ругался, жена Трузе вышла изъ ресторана и сѣла въ сани, но потомъ, возвратившись и увидавъ мужа въ крови, бросилась къ нему, но въ это время получила отъ Хлудова

два удара, отчего тутъ же и упала. Товарищи Хлудова, поваливъ г. Трузе, вытащили его на крыльцо, били тамъ и топтали ногами. Послѣ, когда г. Хлудовъ съ товарищами возвратились снова въ ресторанъ, то ругали компанію Трузе, говоря, что имъ одно только досадно, что мало еще колотили. Въ доказательство справедливости своихъ словъ, г. Трузе просилъ допросить свидѣтелей: содержателя ресторана г. Юля, швейцара, прислугу и хоръ цыганъ Гаврила Федорова. Въ какомъ положеніи находилась жена моя, объяснилъ г. Трузе, это подтвердятъ цыгане, изъ которыхъ многіе съ сожалѣніемъ о ней говорили:— „бѣдная, какъ ее избили!“

Г. Шайкевичъ. Я считаю нужнымъ разъяснить нѣкоторыя обстоятельства дѣла. Но мнѣ кажется что я не имѣю права самъ допрашивать свидѣтелей, а потому позвольте мнѣ черезъ васъ, г. судья, сдѣлать нѣсколько вопросовъ, по моему мнѣнію, клонящихся къ разъясненію дѣла.

Мир. судья. Объ этомъ послѣ. Позвольте мнѣ допросить сначала людей заинтересованныхъ лично. Господа, я записалъ вкратцѣ ваши показанія, изъ которыхъ явствуетъ, что всѣ вы, по предъявленіи вамъ акта дознанія, признали справедливыми ваши показанія, изложенныя становымъ

приставомъ, и что никто изъ васъ не сознался въ своей повинности. Подтверждаете вы это?

Всѣ. Подтверждаемъ.

Г. Рихтеръ. Они подтвержаютъ конечно лишь то, что признаютъ правильно переданнымъ каждый свое показаніе?

Мир. Судья. Я объ этомъ только и спрашивалъ.

Г. Доброхотовъ. Я считаю снова нужнымъ обратить на время составленія акта осмотра г. Хлудова и подачи отъ него заявленія становому приставу.

Г. Соловьевъ. И со стороны г-жи Трузе заявляю то же самое.

Г. Шайкевичъ. Я считаю съ своей стороны необходимымъ разъяснить слѣдующіе вопросы: прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что одно изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, а именно г-жа Трузе, ничего не показываетъ. Кромѣ того есть много темныхъ сторонъ, которыя требуютъ разъясненія; я хотѣлъ бы разъяснить кто прежде находился въ прихожей....

Г. Рихтеръ. Я считаю нужнымъ также обратить вниманіе на этотъ вопросъ, потому что я вижу относительно его положительное противорѣчіе въ показаніяхъ.

Мир. суд. Прежде вызова свидѣтелей, я допрошу обвиняемыхъ, и тогда уже вы можете дѣлать ваши вопросы. Г. Хлудовъ, позвольте спросить васъ. Вы въ своемъ показаніи говорите, что застали компанію въ прихожей; что эта компанія дѣлала тамъ въ это время?

Хлуд. Они одѣвались, разговаривая между собою по-нѣмецки; я сталъ дожидаться, пока они одѣнутся. Въ это время, вотъ этотъ господинъ,— показывая на Гейтмана,—подошелъ ко мнѣ и обругалъ меня.

Мир. суд. То есть какъ же это, безъ всякаго повода съ вашей стороны? Такъ, ни съ того, ни съ сего?

Хлуд. Нѣтъ; онъ былъ пьянъ до безобразія (*въ публикѣ смѣхъ. Судья звонитъ*). Подходитъ онъ ко мнѣ и начинаетъ меня ругать такими площадными словами, какихъ я отъ роду не слыхивалъ. Я ему говорю на это, „господинъ, я васъ не трогаю, отойдите прочь отъ меня.“

Мир. суд. Только это и сказали, а не оттолкнули вы его?

Хлуд. Ничуть. Пальцемъ не трогалъ. Тутъ г. Трузе подходитъ ко мнѣ съ словами: — „какъ ты смѣешь такъ кричать“? — и началъ меня ругать самымъ неприличнымъ образомъ. Потомъ нача-

лась драка: но кто ее началъ, я не знаю; помню только, что г. Трузе первый ударилъ меня въ глазъ.

Мир. суд. Позвольте еще вопросъ:—ударъ полученъ былъ вами въ прихожей?

Хлудовъ. Въ прихожей. А потомъ меня съ ногъ сшибли, — я правду скажу, мнѣ врать не изъ чего, — купецъ Мануиловъ поднялъ меня за руку и говоритъ имъ: за что, говоритъ, вы его, господа, бьете?.. Потомъ меня еще сшибли на дворѣ и опять били.

Мир. суд. Послѣ драки, вы поѣхали къ становому приставу?

Хлудовъ. Да. Но не застали его дома. Какой-то мужикъ попался намъ навстрѣчу и сказалъ, что становаго пристава нѣтъ; мы поѣхали назадъ. Я послѣ этого десять дней былъ дома, никуда не выходилъ; вотъ какъ они меня избили!

Мир. суд. Между тѣмъ вы отъ становаго пристава вѣдь не домой поѣхали?..

Хлудовъ. Нѣтъ. Къ Юлю.

Мир. суд. Что же вы тамъ дѣлали?

Хлудовъ. Я тамъ только сказалъ этимъ господамъ:—„за что,— говорю,—вы меня такъ избили! это не хорошо, съ вашей стороны.“ А потомъ и уѣхалъ.

Мир. суд. Больше ничего не имѣете заявить?..

Хлудовъ. Больше ничего. Я все сказалъ.

Мир. суд. Г. Адельгеймъ, вы въ своемъ заявленіи становому приставу объявили, что прежде всѣхъ вышли изъ ресторана.

Адельгеймъ. Да; потому что моя шуба была въ той комнатѣ, гдѣ мы сидѣли; я одѣлся и пошелъ къ санямъ.

Мир. суд. Одни? Дамъ съ вами не было?

Адельгеймъ. Не было. Я одинъ пошелъ и сѣлъ въ сани.

Мир. суд. Онѣ тутъ же, у крыльца стояли?

Адельгеймъ. Нѣтъ, шагахъ въ 16-ти отъ крыльца; я сѣлъ во вторыя сани.

Мир. суд. Онѣ были далеко отъ первыхъ?

Адельгеймъ. Нѣтъ, шагахъ въ 10-ти, въ 12-ти.

Мир. суд. Вы никого не видали чтобъ кто сидѣлъ въ первыхъ саняхъ?

Адельгеймъ. Нѣтъ, никого не видалъ. Только просидѣвши минутъ пять, я замѣтилъ, что изъ первыхъ саней выскочила дочь моя и побѣжала въ ресторанъ...

Мир. суд. Почему же вы узнали, что это была именно дочь ваша?

Адельгеймъ. Я ее узналъ по капору.

Мир. суд. Но вѣдь прежде вы не видали, чтобы кто нибудь изъ дамъ выходилъ изъ ресторана?

Адельгеймъ. Нѣтъ, дамы я не видалъ; и когда моя дочь вышла изъ ресторана, этого не знаю.

Мир. суд. Между вашими санями и тѣми, въ которыхъ была дочь ваша, было что нибудь?

Адельгеймъ. Нѣтъ; было пустое пространство шаговъ въ 12-ть. Когда дочь моя выскочила изъ саней, побѣжалъ за ней и я и услыхалъ сильный шумъ въ комнатѣ. Вдругъ отворяется дверь, и меня этотъ, кажется, г. Мануиловъ, ударилъ кулакомъ въ грудь такъ, что перебросилъ совершенно въ другую сторону. Потомъ меня начали топтать ногами, но кто — я не видалъ,—такъ что чуть подъ лошадей не подбили. Тутъ недалеко отъ меня я разглядѣлъ моего затя и помощника моего г. Гольдштейна, которыхъ топчутъ ногами какіе-то трое; одинъ изъ нихъ былъ этотъ — г. Сергѣевъ. Слышу, г. Сергѣевъ кричитъ: „сколько, говоритъ, васъ тутъ, подавай больше!“ схватилъ онъ за ноги Трузе и разорвалъ ему сюртукъ. Потомъ они сѣли въ сани и уѣхали. Я кричу Юлю:— кто эти господа? онъ мнѣ назвалъ. Я сталъ требовать полицію; Юль далъ мнѣ дворника, съ которымъ я и поѣхалъ къ становому приставу.

Мир. суд. Вы прямо вслѣдъ за Хлудовымъ поѣхали изъ ресторана?.. *Адельгейм.* Да. *Мир. суд.* Видѣли вы его компанію на дорогѣ?.. *Адельг.* Нѣтъ. *Мир. суд.* Не при васъ они возвращались изъ Всесвятскаго, отъ становаго пристава?—*Адельг.* Нѣтъ, не при мнѣ. *Мир. суд.* Не знаете ли вы, нѣтъ ли другой дороги отъ стан. пристава къ ресторану г. Юля? *Адел.* Этого я не знаю. *Мир. суд.* На въѣздѣ въ Всесвятское вы никого не встрѣчали ни туда ни обратно: *Адельг.* Никого. — Присяж. пов. Рихтеръ проситъ мироваго судью внести въ протоколъ, что г. Адельгеймъ сидѣлъ въ саняхъ и видѣлъ дочь сидящую въ другихъ. *Адельгейм.* Нѣтъ, я не видалъ, что она тамъ была; я видѣлъ только, что изъ саней вышла дочь моя. — *Г. Рихтеръ*: — А постороннихъ на дворѣ вы никого не видали?—*Адельг.* Нѣтъ, я никого невидалъ, хотя и не могу сказать утвердительно, былъ тамъ кто нибудь изъ постороннихъ, или нѣтъ.

Мир. суд.:—Г-жа Трузе, вы гдѣ надѣвали шубу?.. *Г-жа Трузе*: — Въ передней. *Мир. суд.* Кто вамъ подавалъ ее? *Г-жа Трузе.* Г. Экштейнъ. *Мир. суд.*:— Въ передней никого не было, когда вы вышли?.. *Г-жа Трузе*: — Никого. Отецъ мой вышелъ изъ ресторана первый. Когда я, послѣ его ухода, надѣвала въ передней шубу, то я услыхала руга-

тельства и поспѣшила выйти вслѣдъ за отцомъ. Не доходя до двери, я услыхала голосъ мужа, который сказалъ кому-то: „будьте приличнѣе“. Я сѣла въ сани. Вдругъ слышу, что въ ресторанѣ происходитъ шумъ. Я пошла обратно, отворила дверь и, увидавъ тамъ мужа въ крови, схватила его за руку. Въ это время г. Хлудовъ ударилъ меня сначала въ голову, а потомъ въ бокъ. *Мир. суд.*:—Вы въ это время стояли между вашимъ мужемъ и г. Хлудовымъ? *Г-жа Трузе*: — Не помню. *Мир. суд.*:—По крайней мѣрѣ, кто къ вамъ стоялъ ближе?—*Г-жа Трузе*. Я стояла лицомъ къ вѣшалкѣ, и мужъ былъ ближе ко мнѣ, а г. Хлудовъ былъ ближе къ дверямъ. *Мир. Суд.*: — Видѣлъ ли васъ г. Хлудовъ?.. *Г-жа Трузе*: — Да; онъ замахнулся ударить именно меня; я хотѣла отклониться, но въ это время получила удары въ голову и въ бокъ. *Г. Рихтеръ*:—Вы получили удары на дворѣ, или въ ресторанѣ? *Мир. суд.*: —Г-жа Трузе показала, что она въ это время стояла у вѣшалки, слѣд. въ ресторанѣ. *Мир. суд.*: — (*Къ г-ну Трузе*): Когда вы вошли въ переднюю, г. Хлудовъ былъ уже тамъ? — *Г. Трузе*:—Да, компанія г. Хлудова стояла уже тамъ, въ шубахъ, а мы еще только вышли одѣваться. *Мир. суд.*:—Въ то время, когда супруга ваша пришла со двора, вы гдѣ стояли?

Г. Трузе: — Я стоялъ спиной къ вѣшалкѣ, а онъ спиной къ дверямъ. *Г. Шайкевичъ*: — Былъ ли во время удара г. Экштейнъ въ передней? *Г. Трузе*:— Да, онъ даже поддержалъ мою жену, когда она падала. *Мир. суд.*: — Г. Хлудовъ, когда вы вошли въ переднею, компанія г. Трузе были уже тамъ? *Хлуд.*:— Да. *Мир. суд.*:— Вы въ шубахъ были въ это время? *Хлуд.*· — Нѣтъ, мы пришли для того чтобы одѣваться.

Мир. суд.:—„Такъ какъ ни одна сторона не сознается въ томъ, что она оскорбила другую сторону, то мнѣ остается приступить къ допросу свидѣтелей.“ — Всѣ свидѣтели были спрошены подъ присягою, кромѣ г. стан. пристава, акушерки и врача г. Гусева, хотя г. Рихтеръ и требовалъ спросить ихъ также подъ присягою, чтобы поколебать ложные слухи, разнесшіеся даже печатно въ городѣ о подкупѣ свидѣтелей. Причиною отвода г. врача отъ свидѣтельства подъ присягою, присяж. повѣренный г. Доброхотовъ привелъ то обстоятельство, что осмотръ врача былъ слишкомъ поверхностенъ: во 1-хъ не указано мѣста гдѣ былъ произведенъ осмотръ; во 2-хъ не сдѣлано показанія о томъ, какимъ орудіемъ нанесены были удары; въ 3-хъ, ни слова не сказано о положеніи ребенка. *Мир. суд.*: — Такъ какъ г.

врачъ не написалъ подробно осмотра, то я считаю нужнымъ переспросить г. доктора и акушерку. Распросы будутъ происходить при закрытыхъ дверяхъ; поэтому и приглашаю обѣ стороны или ихъ защитниковъ удалиться со мной въ особую комнату для разспросовъ врача и акушерки. Г. судья, возвратившись черезъ часъ и три четверти, объявилъ, что такъ какъ обнаружились небольшія недоразумѣнія при составленіи акта осмотра, то съ согласія обѣихъ сторонъ, онъ порѣшилъ вызвать на слѣдующій день врачей-экспертовъ, гг. профессоровъ моск. университета Коха и Полунина для разъясненія степени важности этого обстоятельства, чтобы рѣшить подсудно ли настоящее разбирательство мировому судьѣ. Врачъ Гусевъ показалъ, что когда онъ подошелъ къ г. Трузе, то увидалъ, что у него голова завязана платкомъ, а изъ носу течетъ кровь; на вопросъ— отъ чего это? тотъ отвѣчалъ что отъ побоевъ по лицу. По осмотрѣ оказалось: носъ у г. Трузе опухшій, синебагроваго цвѣта, на концѣ носа ссадины, слизистая оболочка нижней губы разсѣчена. Величина раны небольшая. У г. Адельгейма была ссадина на лицѣ, но докторъ не припомнитъ на которой именно сторонѣ. У г. Гольдштейна разбито предплечье. Докторъ усумнился

было въ томъ, цѣлы ли кости; но кости оказались цѣлыми. У г. Гейтмана знаковъ не оказалось, хотя онъ и жаловался на ушибъ. Про остальныхъ г. врачъ сказалъ, что онъ подверждаетъ свои показанія, данныя имъ прежде. — *Г. Доброхот.* доктору: Позвольте мнѣ предложить вамъ вопросъ: вы сказали, что голова у г. Трузе была завязана платкомъ; когда вы развязали платокъ, на головѣ и на лбу у г. Трузе не было знаковъ отъ побоевъ? Г. Гусевъ. Нѣтъ не было. *Г. Доброх.* Для чего же г. Трузе завязалъ голову? *Г. Гусевъ.* Я предполагаю, что у него вѣроятно болѣла голова, впрочемъ я его объ этомъ не спрашивалъ; я еще добавлю, что когда я распрашивалъ г. Трузе о побояхъ, то онъ замѣтилъ мнѣ, что лицо его было покрыто кровью, которую онъ смылъ.

Мир. судья. Гдѣ и въ какое время вы свидѣтельствовали г. Хлудова съ его компаніей?

Г. Гусевъ. Я свидѣтельствовалъ этихъ господъ далеко за полночь, часу въ 7-мъ или 8-мъ, въ квартирѣ письмоводителя моего, Трубецкаго.

Мир. судья. Вы подтверждаете показаніе домашняго врача г. Каминскаго, что у г. Хлудова былъ глазъ опухшій?

Г. Гусевъ. Да, глазъ дѣйствительно былъ опухшій, но цѣлъ.

Затѣмъ г. судья обратился къ допросу становаго пристава 3-го стана. Г. приставъ показалъ, что онъ 11-го ноября до половины 9-го вечера былъ въ селѣ Тушинѣ по служебнымъ обязанностямъ; но вернувшись оттуда, онъ никуда уже не уѣзжалъ болѣе, а сидѣлъ дома. Къ нему до пріѣзда г. Адельгейма никто не являлся, и еслибы кто нибудь пріѣзжалъ, то мнѣ, говоритъ г. приставъ, непремѣнно бы доложили; послѣ однакоже мужики сказывали, что пріѣзжалъ генералъ Хлудовъ. На другое утро, часовъ въ 8, пріѣхали ко мнѣ купцы Мануиловъ и Сергѣевъ и привезли жалобу отъ г. Хлудова. На вопросъ мой почему г. Хлудовъ самъ не пріѣхалъ, они показали, что ему совѣстно, потому что у него глазъ подбитъ; но я во всякомъ случаѣ потребовалъ, чтобы г. Хлудовъ пріѣхалъ самъ; тогда гг. Мануиловъ и Сергѣевъ отправились и во 2-мъ часу привезли съ собою г. Хлудова. Докторскія показанія были представлены мнѣ 15-го ноября, г. врачемъ написанныя, согласно съ черновыми показаніями, составленными начерно 12-го ноября. *Г. Шайкевичъ*: — Вы показали, что вамъ не докладывали о пріѣздѣ г. Хлудова, но вѣдь могло случиться, что

кто нибудь изъ крестьянъ деревни сказалъ ему, что васъ нѣтъ дома. *Стан. приставъ*:—Очень можетъ быть. *Г. Шайкевичъ*:—Это у васъ случается? *Стан. прист.*: Случается.

Послѣ показаній пристава, домашній врачъ г. Хлудова г. Каминскій просилъ чтобы его какъ свидѣтеля спросили подъ присягой. Г. Соловьевъ замѣтилъ на это, что онъ хотя законныхъ причинъ къ отводу его отъ присяги не имѣетъ, но вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, разъясненныхъ судебныхъ слѣдствіемъ, онъ просилъ бы, чтобы г. Каминскій не былъ спрошенъ.

Г. Каминскій. Отчего же меня совсѣмъ не хотятъ спрашивать. Вѣдь г. Гусева спрашивали же? *Мир. судья.* Г. Гусевъ былъ спрошенъ какъ оффиціальное лицо въ этомъ дѣлѣ. Г. Каминскій:—Да вѣдь и я оффиціальное лицо. *Мир. судья.* Я говорю оффиціальное лицо въ этомъ дѣлѣ. Вы же не были представлены въ качествѣ свидѣтеля ни одной изъ сторонъ. Впрочемъ, если изъ дѣла окажется нужнымъ спросить васъ, я спрошу; а покуда предлагаю вамъ удалиться.

Послѣ допросовъ безприсяжныхъ свидѣтелей, приведены были къ присягѣ лица привлеченныя къ дѣлу въ качествѣ свидѣтелей: г. Юль, содержатель ресторана,—по лютеранскому обряду, при-

слуга его, ямщики, и хоръ цыганъ —по православному. Допросъ начался съ швейцара, безсрочноотпускнаго Сергѣева. Онъ показалъ, что не замѣтилъ кто раньше пріѣхалъ: г. Трузе или г. Хлудовъ, что помѣстились они въ разныхъ комнатахъ, черезъ залу. *Мир. суд.* къ швейцару: Кто изъ нихъ вышелъ въ переднюю прежде?—Сначала вышелъ г. Хлудовъ съ компаніей, а потомъ тѣ.—Компанія г. Хлудова вся вышла сразу?—Они всѣ вмѣстѣ никогда не выходятъ, а сначала одинъ, потомъ другой. Тутъ сначала дамы кажется вышли, потомъ мужчины, и встрѣтились въ прихожей.—Ну а была ли между ними драка?—Драки я не замѣтилъ.—Какъ, совсѣмъ не замѣтилъ драки?—Не замѣтилъ.—И шуму никакого не было?—Шуму тоже не было. Разговоръ крупный у нихъ о чемъ-то шолъ.—Бранились?—Да, бранились.—Кто же бранился?—Не замѣтилъ.—Какъ же это, однако, любезнѣшій; вѣдь ты тутъ былъ, какъ же ты не слыхалъ кто и какъ тутъ бранился?—Не замѣтилъ, слышалъ только, что кто-то сказалъ, что не должно, говоритъ, произносить такія дурныя рѣчи.—Стало быть говорили дурныя рѣчи?—Должно быть говорили, только я не слыхалъ дурныхъ рѣчей.—А драки не было?—Драки не было. Былъ только разговоръ крупный.—А крику не было?—Не было.

Только разговаривали немного крупно.—Ты вѣдь подавалъ въ это время одѣваться?—Я.—Какъ же ты ничего не видалъ, чтобы кто нибудь тутъ толкнулъ кого нибудь или ударилъ.—Ничего не видалъ.—И не замѣтилъ, кто сказалъ: не бранитесь?—Не замѣтилъ. Доджно быть, Хлудовъ.—Стало быть и бранныхъ словъ или драки ты не слыхалъ и не видалъ?—Нѣтъ.—Кто изъ нихъ прежде уѣхалъ?—Г. Хлудовъ прежде.—Ну, а на улицу всѣ выходили?—Всѣ.—И тамъ драки не было?—Я не знаю. Я оставался въ передней; слышалъ только, что тамъ какой-то шумъ былъ.—Когда же г. Хлудовъ уѣхалъ?—Да тутъ же послѣ драки и уѣхалъ.—А во второй разъ онъ пріѣзжалъ?—Пріѣзжалъ.—Шумѣлъ онъ?—Нѣтъ. Тихо пріѣзжалъ. Повернулся только въ передней и уѣхалъ.—Не говоря ни слова?—Не говоря ни слова.—Въ боковую комнату онъ не входилъ?—Не замѣтилъ.—Изъ передней никому громко ничего не говорилъ?—Нѣтъ; я не замѣтилъ чтобы онъ что нибудь громко говорилъ.—Ну, а не слыхалъ ли ты, послѣ, разговору о томъ, что тутъ барыню обидѣли?—Нѣтъ, не слыхалъ.—Г. *Шайкев.* швейцару: Вы не выходили никуда изъ передней? Никуда.—Былъ тамъ народъ еще кромѣ компаніи г. Хлудова и компаніи г. Трузе?—Нѣтъ, никого не было.—И вы положительно не замѣти-

ли, чтобы была тамъ драка?—Не замѣтилъ, потому что я былъ занятъ, шубы подавалъ.—Вы говорите, кто вышелъ первымъ?—Прежде вышелъ г. Трузе.—Вы давеча сказали, что первый вышелъ г. Хлудовъ?—Съ обѣихъ сторонъ выходили, я и не замѣтилъ, кто вышелъ прежде—Вы не замѣтили, чтобы компанія Хлудова бранилась, когда уходила?—Нѣтъ. Разговаривали только во время одѣванья. — Неприличныхъ словъ не говорили? — Нѣтъ.—Изъ компаніи Трузе всѣ говорили по-русски?—Да. Впрочемъ, можетъ быть, говорили и понѣмецки. Я не знаю. *Г. Рихтеръ* къ швейцару: А вы не замѣтили, была ли компанія г. Трузе выпивши?—Не замѣтилъ.—А компанія Хлудова?—Тоже не замѣтилъ.—*Г. Доброхотовъ*, швейцару: г. Хлудовъ не говорилъ, что у него глазъ подбитъ?—Ничего не говорили.—Вы гдѣ въ это время стояли?—Напротивъ вѣшалки, отъ печки къ окну.—А компаніи Хлудова гдѣ стояла?—Да онѣ обѣ вмѣстѣ были смѣшавшись.—А барынѣ шубу кто подавалъ?—Я.—Въ это же время?—Нѣтъ, она вышла прежде Хлудова.—Скоро ли вернулся г. Хлудовъ послѣ своего отъѣзда?—Часа черезъ два.—Кто ѣздилъ къ становому приставу?—Дворникъ съ сосѣдней дачи съ г. Адельгеймомъ.—Когда барынѣ слѣлалось дурно, ее ввели въ комнату?—Да.—

Одна-ли она была или нѣтъ? — Съ ней были двое мужчинъ; изъ нихъ одинъ вотъ этотъ,—показываетъ на г. Экштейнъ,—другаго не помню.—Компанія г. Хлудова была въ это время на дворѣ?—Да-съ, и изъ той компаніи остальные были на дворѣ. *Г. Рихтеръ* швейцару: А когда барынѣ дурно сдѣлалось, Хлудова тутъ не было?—Небыло. *Г. Рихтеръ* къ мир. суд:—Я прошу записать это въ протоколъ. Это слишкомъ важно. *Мир. суд.* швейцару:—Ты не видалъ когда барынѣ сдѣлалось дурно?—Не видалъ-съ.—И не знаешь когда съ ней сдѣлалось дурно?—Не могу знать-съ.—*Г. Рихтеръ* къ швейцару:—Да ты самъ-то былъ въ это время трезвъ или совершенно пьянъ?—Никакъ нѣтъ-съ, трезвый. *Г. Шайкевичъ*, къ швейцару:—Были ли цыганки въ передней?—Не замѣтилъ.—Подходили ли онѣ къ дверямъ?—Не могу знать.—*Г. Соловьевъ* къ швейцару:—А въ маленькой комнатѣ изъ передней, сидѣлъ въ это время кто нибудь?—Не видалъ.—То-есть, вы не знаете или не помните?—Не знаю.—*Г. Доброхотовъ* къ швейцару:—Вы давеча сказали, что г. Хлудовъ уѣхалъ послѣ драки, стало быть вы видѣли, что была драка?—Тутъ послѣ сказывали.—*Мир. суд.* Кто сказывалъ!—Не запомнилъ.—По крайней мѣрѣ не слыхали ли вы, чтобы на другой день говорили что нибудь о дра-

кѣ?—Разговору не было. Сказывали только, что дрались, а больше ничего.—Сказывали потомъ, что кто нибудь побилъ кого нибудь? — Ничего не знаю.—*Мир. суд.*—Г. судеб. приставъ, потрудитесь отвести этого свидѣтеля въ особую комнату, чтобы онъ не могъ имѣть сообщенія съ другими свидѣтелями.

Введенъ содержатель ресторана г. Юль: *Мир. суд. къ г. Юль*:—Въ вашей гостинницѣ когда былъ шумъ, вы были дома?—Да.—Вы знаете кто у васъ былъ?—Какъ же; былъ г. Хлудовъ съ компаніей, потомъ въ маленькой комнатѣ былъ купецъ Рогожинъ съ компаніей, и еще человѣка четыре, которыхъ не знаю. Сысоевъ купецъ былъ еще.—Кто пріѣхалъ раньше, г. Хлудовъ, или г. Трузе?—Г. Трузе гораздо раньше; г. Хлудовъ уже спустя долго пріѣхалъ, и прошелъ въ заднюю комнату, бывшую довольно далеко отъ той, гдѣ сидѣлъ г. Трузе.—Изъ компаніи г. Хлудова никто не переходилъ къ г. Трузе и на оборотъ?—Никто.—Вы были при ихъ разъѣздѣ?—Я былъ въ это время въ залѣ и услыхалъ оттуда, что въ передней шумъ; я вышелъ въ переднюю когда уже тамъ никого не было и спросилъ у швейцара, что такое тамъ сдѣлалось; тотъ сказалъ мнѣ, что тамъ господа бранились.—А вы слы-

шали брань?—Да.—А не слыхали вы, чтобы въ передней дрались?—Нѣтъ, не слыхалъ.—И швейцаръ вамъ не разсказывалъ?—Нѣтъ, я уже объ этомъ послѣ узналъ.—Когда вы вошли, никого уже не было въ передней?—Только г-жа Трузе осталась, и при ней г Экштейнъ.—Который?—Вотъ этотъ (показываетъ на другаго брата). *Г. Доброхотовъ* къ судьѣ:—Это показаніе важно въ связи съ показаніемъ швейцара, который говорилъ, что въ передней оставались двое; изъ нихъ одинъ г. Генрихъ Экштейнъ, а другой, значитъ, былъ братъ его. *Мир. суд.* къ г. Юль:—Вы видѣли, что г.жа Трузе сидѣла?..—Да-съ, тутъ есть скамейка, она и сидѣла на ней.—Развѣ ей сдѣлалось дурно что ли, что она сидѣла?..—Вѣроятно,—вѣроятно.—Въ передней, кромѣ г-жи Трузе, гг. Экштейнъ и васъ, никого не было?—Нѣтъ, швейцаръ былъ.—Вы потомъ куда же пошли?..—Я вышелъ на дворъ и встрѣтилъ тамъ г. Трузе, который сказалъ мнѣ, что его избили и просилъ, чтобы я вступился за него. Я отвѣчалъ ему, что не мое дѣло, а дѣло полиціи, что онъ долженъ обратиться къ становому приставу; тогда онъ попросилъ меня, чтобъ я далъ ему дворника съ сосѣдней дачи Брюхатовой, такъ какъ моего дворника не было въ это время дома.—Вы сказали,

что вы о дракѣ узнали послѣ, но все-таки вѣдь до отъѣзда гг. Трузе?—Да, это было передъ тѣмъ какъ я вышелъ на дворъ.—Отъ кого вы услыхали объ этомъ, не помните?..—Мнѣ сказалъ объ этомъ одинъ изъ оффиціантовъ, но кто именно не помню.—Когда вы увидали г. Трузе, вы не замѣтили, былъ на немъ изорванъ сюртукъ?..—Да, на немъ сюртукъ изорванъ былъ.—Что же было послѣ отъѣзда компаніи г. Хлудова?—Всѣ изъ компаніи г. Трузе вошли въ ресторанъ и помѣстились въ отдѣльную комнату, гдѣ и сидѣли спросивъ себѣ чаю...—Вы видѣли когда во второй разъ пріѣзжалъ въ ресторанъ г. Хлудовъ?—Нѣтъ, я Хлудова не видалъ, но видѣлъ только г. Демина. Онъ пріѣхалъ и вошелъ въ переднюю. Увидавъ меня, онъ сказалъ, что ихъ обидѣли и избили. Я ему отвѣчалъ на это, что безъ полиціи ничего не могу сдѣлать.—Вы положительно не знаете, чтобы г. Хлудовъ билъ г. Трузе?—Не видалъ.—Однако вѣдь вы видѣли, что г. Трузе былъ въ крови?—Это видѣлъ.—Вы, вѣдь, видѣли когда всѣ выходили, не слыхали вы о чемъ они толковали?—Нѣтъ, не слыхалъ, шумъ былъ.—И бранныхъ словъ не слыхали?—Нѣтъ не слыхалъ.—*Г. Шайкевичъ* къ г-ну Юль:—Позвольте вамъ сдѣлать вопросъ относительно расположенія комнатъ.

Гдѣ сидѣли г. Трузе съ компаніей, и гдѣ г. Хлудовъ?—Направо изъ передней сидѣли гг. Трузе, потомъ слѣдуетъ залъ, гдѣ и былъ я; дальше черезъ комнату, сидѣлъ г. Хлудовъ.—Комната г. Трузе была отворена или нѣтъ?—Затворена, но когда выходила компанія г. Хлудова, можетъ быть, и отворена была.—Какъ вы думаете, изъ нея можно бы было слышать брань въ передней, если бы дверь была отворена?—Да.—Кто первый вышелъ изъ своей комнаты, г. Хлудовъ или г. Трузе?—Первоначальной встрѣчи я не знаю.—Долго ли на дворѣ былъ шумъ?—Нѣтъ. Не болѣе 5-ти минутъ.—Кто ввелъ въ комнату г-жу Трузе!—Г. Экштейнъ ввелъ ихъ.—*Г. Рихтеръ* г-ну Юль:—Что дѣлали г. Трузе съ своей компаніей до пріѣзда г. Хлудова?—Ужинали.—А пили они что нибудь?—Да. Они спрашивали коньяку, кажется — полбутылки, и шампанскаго не знаю сколько.—*Г. Доброхотовъ* г-ну Юль:—Вы спрашивали швейцара о подробностяхъ ссоры?..— Да. Только онъ ничего подробно не говорилъ мнѣ, а лишь сказалъ, что господа поссорились, Богъ ихъ знаетъ изъ-за чего.—Да онъ у васъ всегда такой странный? Всегда не обращаетъ вниманіе на окружающее?—Да, онъ по большей части такой.—Но честь хозяина заведенія бережетъ?—О!.. бережетъ,

бережетъ.—*Г. Соловьевъ*:—Вы не знаете, кто былъ причиной плача г-жи Трузе?—Не знаю; но тутъ шумъ былъ большой.—Однако отъ шума не могла же она заплакать?—Какъ не могла? что вы! Она видитъ, что съ ея мужемъ ссорятся, срамятъ его и...—И можетъ быть бьютъ?...—Ну, можетъ быть, и бьютъ, то-есть, можетъ быть, ударили его раза два.—*Г. Доброхотовъ*: Цыгане здѣсь были?—Да, были. Но видѣть они не могли.—Но послѣ по крайней мѣрѣ видѣли г-жу Трузе?—Нѣтъ, видѣть они не могли, потому что не могли входить къ ней. Г-жа Трузе, войдя въ комнату, попросила подушку себѣ и воды.—*Г. Соловьевъ*:—Кто ей подалъ воду?—Дѣвушка, горничная, подавала.—*Г. Экштейнъ*:—Нѣтъ, человѣкъ подалъ. *Г. Юль*:—Да, подушку, кажется, человѣкъ, но воду дѣвушка. *Г. Шайкевичъ* къ г-ну Юль:—Вы не слыхали, не жаловалась г-жа Трузе на боль отъ ударовъ?—Нѣтъ, я этого не слыхалъ. — И не говорила, отчего она растроилась? — Да вѣдь я говорилъ, что непріятность ей была. Ну, шумъ и все такое... — Г. Шайкевичъ проситъ судью записать въ протоколъ, что г-жа Трузе не жаловалась на удары. *Мир. судья* къ г-ну Юль: — Вы слышали что говорили докторъ и акушерка; вѣдь они при васъ пріѣхали?—Да, они при мнѣ,

но я въ комнату входить но могъ. Это не моё дѣло.

Этимъ окончились допросы г-на Юль. Затѣмъ введенъ былъ служитель ресторана Александръ Петровъ. Онъ показалъ, что онъ служилъ 11-го ноября въ комнатѣ у г-на Хлудова; когда же г. Хлудовъ вышелъ оттуда съ компаніей, то онъ, Петровъ, убиралъ въ это время со стола и шуму никакого не слыхалъ. *Мир. судья*:—Ты и не входилъ въ переднюю?—Я входилъ только, чтобы посуду снести туда.—Никого не встрѣчалъ тамъ?—Нѣтъ, встрѣтилъ г. Хлудова, который шелъ мнѣ на встрѣчу въ залу, безъ шубы. Тамъ же видѣлъ я г. Трузе, тоже безъ шубы. Дамы въ это время тамъ одѣвались. Минуты не прошло, можетъ быть, какъ я ушелъ опять, убирать въ комнатѣ.—Ну, а на дворѣ ты не слыхалъ никакого шума?—Нѣтъ, шумъ на дворѣ слышалъ.—А драки не видалъ?—Драки не видалъ. Только видѣлъ г. Трузе что онъ былъ въ крови; его ухватилъ, кажется, г. Сергѣевъ, дернулъ, его довольно сильно и разорвалъ ему сюртукъ.—А не видалъ, чтобы кто дрался?—Нѣтъ, не видалъ —Когда г. Хлудовъ пріѣзжалъ во второй разъ, шумѣлъ онъ?—Когда г. Хлудовъ пріѣхалъ, то входилъ въ комнату, гдѣ сидѣлъ г. Трузе; я слышалъ, что тамъ былъ шумъ;

но крику не слыхалъ. Слышалъ только, что въ передней изъ компаніи Хлудова говорили, что взойдемте, говорятъ, взойдемте къ нимъ. Ну и взошли; потомъ скоро г. Хлудовъ вышелъ оттуда.—А ты не слыхалъ, чтобы кто нибудь говорилъ:—„жалко, что мало вамъ досталось“?—Нѣтъ, я этого не слыхалъ; а слышалъ я вотъ что:—на дворѣ стоялъ кто-то изъ компаніи г-на Трузе, кажется, вотъ этотъ—показываетъ на Экштейна; г. Сергѣевъ приблизился къ нему и сказалъ: вотъ, говоритъ, одинъ только порядочный человѣкъ и есть, а остальные всѣ мошенники и подлецы; г. Экштейнъ отвѣтилъ ему что-то, тогда г. Сергѣевъ приблизился къ нему и обругалъ.—Ты не слыхалъ, чтобы кто нибудь жалѣлъ о барынѣ, которую побили?—Нѣтъ, этого не слыхалъ.—*Г. Шайкевичъ*:—Горѣлъ въ это время фонарь на дворѣ?—Горѣлъ.—Но ночь была все-таки темная?—Нѣтъ, нельзя сказать, чтобы очень темная.—Скажите, какія... группы были на дворѣ. Гдѣ кто стоялъ?—Налѣво за крыльцомъ стояли Экштейнъ и Гейтманъ. Хлудовъ у самыхъ воротъ, а прочіе дальше, такъ что я не знаю въ подробности гдѣ кто стоялъ.—*Г. Рихтеръ*:—Сколько вина выпили г. Хлудовъ съ компаніей?—Одну бутылку редеру и двѣ бутылки зельтерской воды.—Долго они пробыли

въ ресторанѣ?—Съ полчаса.—Долго ли продолжался шумъ?—Въ передней минутъ пять и на дворѣ тоже.—А не слыхали, на дворѣ, никто не говорилъ: „очки, не ругайтесь!“—Нѣтъ, этого я не слыхалъ.—А сколько было выпито вина въ компаніи г-на Трузе?—Этого я не знаю.—*Г. Шайкевичъ*:—Вы видѣли, что г-жа Трузе плакала?—Да-съ она плакала.—Жаловалась она, что ее били?—Нѣтъ-съ, этого не слыхалъ. А только она кричала: ахъ, говоритъ, моего мужа бьютъ!—*Г. Доброхъ*.—Былъ ли въ это время швейцаръ въ передней?—Швейцаръ все время тутъ былъ.—Когда г. Хлудовъ пріѣхалъ во второй разъ, вы не замѣтили съ кѣмъ онъ былъ?—Нѣтъ, не замѣтилъ.—А не замѣтили вы, былъ у него глазъ подшибенъ; не говорилъ онъ про это?—Нѣтъ, не замѣтилъ, и онъ ничего не говорилъ.—Цыгане слышали шумъ?—Нѣтъ, они пѣли въ это время, гдѣ жъ имъ слышать!—*Рихтеръ*:—Я прошу васъ, г. судья, внести въ протоколъ, сколько было выпито вина компаніей г. Хлудова. (Громкій смѣхъ. Судья звонитъ). *Рихтеръ*:—Я считаю это обстоятельство довольно важнымъ. Я буду имѣть честь разъяснить это въ моей заключительной рѣчи.

Слѣдующимъ къ допросу былъ введенъ свидѣтель Владиміръ Алексѣевъ, такой же какъ и

Петровъ, служитель ресторана. Алексѣевъ показалъ, что компаніей г. Трузе выпито было 3 графина коньяку, 3 бутылки шампанскаго и съѣдено нѣсколько порцій кушанья. Кто пилъ, и сколько,—онъ не знаетъ, но выпито было все. Кто первый вышелъ въ переднюю, тоже не знаетъ; шума онъ въ ней никакого не слыхалъ, а слышалъ только крупный разговоръ. Кричали съ обѣихъ сторонъ: какъ вы, говоритъ, смѣете? а больше ничего не знаю. *Мир. суд.*—Ты не видалъ чтобы кто толкнулъ г-жу Трузе?—Нѣтъ, этого не видалъ; я въ другой комнатѣ былъ въ то время, когда происходила ссора въ передней.—Ну, а на дворѣ ты не видалъ чтобы кто дрался? Говори правду.—Нѣтъ, ничего невидалъ.—Ты видалъ когда во второй разъ пріѣзжалъ г. Хлудовъ?—Нѣтъ, онъ не пріѣзжалъ; я этого не видалъ.—А ты никуда не выходилъ изъ гостинницы?—Нѣтъ, не выходилъ.—Ты и не слыхалъ ни отъ кого, чтобы Хлудовъ возвращался?—Ни отъ кого не слыхалъ.—А брани ты также никакой не слыхалъ?—Нѣтъ, не слыхалъ. *Г. Рихтеръ*:—Прошу записать въ протоколъ количество выпитаго вина компаніей г-на Трузе.—*Г. Соловьевъ*:—Сколько рюмокъ было въ каждомъ графинѣ съ коньякомъ?—Восемь.—Какъ же это вы всѣ подробности припомнили относительно количества

выпитаго вина, а не помните, чтобы видѣли и слышали что нибудь, происходящее въ ресторанѣ?—Ничего не видалъ, потому что я занятъ былъ своимъ дѣломъ.—Когда уѣхалъ Хлудовъ, вы видѣли, что г-жа Трузе сидѣла?—Видѣлъ.—Что же она, плакала что ли?—Нѣтъ, сидѣла, какъ и всѣ прочіе.—Подушку ей кто подавалъ?—Подушку подавалъ я.—Для чего же ей понадобилась подушка?—Не могу знать.—Когда въ передней былъ шумъ, вы были въ комнатѣ гдѣ сидѣлъ г. Трузе?—Да.—Это вотъ именно эта, направо? (*показываетъ ему чертежъ*).—Да.—Дверь изъ этой комнаты была отворена, или затворена?—Была отворена.—Соловьевъ проситъ это показаніе записать въ протоколъ, потому—говоритъ онъ,—что если дверь была отворена, то свидѣтель поневолѣ долженъ былъ слышать происходящее въ передней, такъ какъ онъ былъ именно въ этой комнатѣ.—Еще скажите, спрашиваетъ г. *Соловьевъ*—сколько вамъ отдалъ денегъ г-нъ Трузе?—20 рублей.—А сколько получили сдачи?—Не помню.—Однако получили сдачу?—Копѣекъ 60-тъ нужно было дать сдачи, они мнѣ на чай дали ихъ.—А у васъ въ ресторанѣ не имѣютъ обыкновенія приписывать въ счетахъ?—Нѣтъ-съ. А почемъ у васъ продается бутылка

шампанскаго?—Продается 4 р. 50 к.—*Г. Шайкевичъ.* Вы сказали, что дверь направо изъ передней была отворена, вы говорите про ту, которая вела изъ комнаты г. Трузе? — Свидѣтель молчитъ.—*Г. Шайкевичъ*:—Вы, можетъ быть, хотѣли сказать, что была отворена дверь въ комнату, гдѣ былъ Рогожинъ?—*Г. Соловьевъ* Шайкевичу:—Да ужъ вы, пожалуйста, не подсказывайте.—Да, дверь была отворена изъ той комнаты, гдѣ былъ Рогожинъ. *Г. Шайкевичъ* г-ну Соловьеву: Онъ не понялъ васъ давеча, что вы ему начертили. *Мир. суд.*:—Я буквально записалъ показаніе Алексѣева. Онъ сказалъ, что былъ въ комнатѣ гдѣ сидѣлъ г. Трузе, и дверь изъ этой комнаты была отворена въ переднюю. *Г. Доброхотовъ* судьѣ:—прошу сдѣлать повѣрку относительно счета. Онъ сказалъ, компаніей г. Трузе было съѣдено нѣсколько порцій кушаньевъ, выпито 3 графина коньяку и 3 бутылки редереръ, и за все заплачено ему было менѣе 20 руб. Это нѣсколько странно, тѣмъ болѣе, что одна бутылка шампанскаго стоитъ 4 р. 50. *Рихтеръ*:—Онъ, кажется, сказалъ 4 рубля. — *Г. Доброхотовъ*: — Нѣтъ, онъ сказалъ 4 р. 50 к. *Мир. суд.* къ Алексѣеву:—Что было г-мъ Трузе спрашиваемо изъ ѣды?—*Алексѣевъ*:——Котлетъ порціи 3, селетка, ветчины сколь-

ко-то, не помню. Винограду еще спрашивали, еще бутылки двѣ зельтерской воды.—Что стоитъ у васъ порція котлетъ?—Стоитъ 60 к.—А селедка?—Селедка 30 коп.—Коньякъ почемъ рюмка?—20 к.—Послушай, любезнѣйшій, какъ же это: если не считать ветчину и виноградъ, то выходитъ 20 р. 80 к.; чтожъ ты отъ себя что ли ихъ угощалъ?—Никакъ нѣтъ-съ. Я не могу въ точности все упомнить. *Г. Соловьевъ*:—А вы вѣрно помните, что вина было выпито столько, сколько показали?—Да-съ.—Какъ же это вы про вино такъ вѣрно помните, а остальное забыли. Не помните ли еще, чай пили они?—Пили. Чай, впрочемъ, послѣ ужина, кажется, пили. За это отдѣльнымъ счетомъ плачено.—Послѣ этого отвѣта судеб. приставъ, по приглашенію судьи, отвелъ этого свидѣтеля въ отдѣльную комнату, такъ какъ никто болѣе допросовъ ему предложить не имѣлъ.

По уводѣ Алексѣева, мир. судья объявилъ, что такъ какъ между показаніями свидѣтелей оказывается замѣтное противорѣчіе, то онъ считаетъ нужнымъ сдѣлать очную ставку нѣкоторымъ изъ нихъ. Были введены швейцаръ Сергѣевъ и служитель Петровъ, которые показали оба то же самое, что и прежде, то есть, швейцаръ показалъ,

что онъ не слыхалъ чтобы г. Хлудовъ, выйдя въ переднюю, что нибудь говорилъ. Г. Рихтеръ заявилъ приэтомъ, что ему кажется странной манера отвѣтовъ этого свидѣтеля; что отъ него вообще нельзя добиться толку; но что самъ г. Хлудовъ подтвердилъ, что онъ входилъ въ комнату г-на Трузе и упрекалъ его. Петровъ показалъ, что онъ не видалъ и не знаетъ пріѣзжалъ ли Хлудовъ обратно. Затѣмъ былъ введенъ Алексѣевъ, который снова показалъ, что онъ никакого шума не слыхалъ и драки никакой не видалъ. Предшествовавшій свидѣтель показалъ, что денегъ отдано было г-мъ Трузе около 27-ми руб., но Алексѣевъ снова подтвердилъ, что было отдано только 20-ть руб. *Г. Рихтеръ* швейцару: — Сколько бутылокъ вина подано было въ комнату г. Трузе?—Двѣ или 3 бутылки, и 2 или 3 графина.—*Рихтеръ* проситъ записать въ протоколъ это показаніе. *Г. Соловьевъ* Рихтеру:—Да мы и не отрицаемъ подачи, мы отрицаемъ только количество выпитаго вина. *Г. Шайкевичъ* Алексѣеву:—Да у васъ записывается, сколько кто беретъ чего?—Нѣтъ-съ.—Затѣмъ былъ введенъ свидѣтель г. Юль, который показалъ, что денегъ было заплачено нѣсколько менѣе 20 руб., что спрашиваемо было нѣсколько порцій котлетъ, ветчины, икры, двѣ селедки, зельтерской воды

бутылки двѣ, но сколько вина было спрошено, этого онъ не знаетъ. Кромѣ того, пили чай до ужина и послѣ ужина, когда уже компанія Хлудова уѣхала, но за этотъ послѣдній чай деньги были заплочены особо. Коньяку подавали, кажется, графина 2, и выпили весь; но спрашивали ли шампанскаго, онъ не помнитъ. *Г. Доброхотовъ* г-ну Юль: — Однако вы можете сказать, были ли сколько нибудь выпивши г. Трузе и бывшіе съ нимъ?—О, нѣтъ, особенно когда ужъ возвратились со двора, — совершенно ничего не было замѣтно. *Мир. суд.* г-ну Юль: — А на дворѣ они долго были?—Не болѣе 5-ти минутъ. — На веселѣ они однако были?—Да, навеселѣ были; но это почти не было замѣтно. *Г. Соловьевъ* Алексѣеву: — Да вы только мелочи забыли, или вообще все не твердо помните?—Дѣйствительно, не помню въ точности всего. Можетъ и не совсѣмъ такъ показываю.— *Г. Шайкевичъ*:—Нѣтъ; относительно вина онъ помнитъ хорошо. — *Г. Рихтеръ*: Показаніе другаго свидѣтеля было, что около 27-ми руб. истрачено. *Алексѣевъ*: Нѣтъ; 20 руб. *Мир. суд.* Алексѣеву:— Такъ ты приблизительно говорилъ относительно вина, а не навѣрное утверждаешь? — Нѣтъ-съ. Приблизительно. *Г. Доброхотовъ* Юлю: Алексѣевъ могъ видѣть возвращеніе г. Хлудова?—Я думаю,

впрочемъ они пробыли въ ресторанѣ 3—4 минуты, заявили только мнѣ свое неудовольствіе, а потомъ уѣхали. *Мир. суд.* къ Юлю:—Вы показываете, что г. Хлудовъ, вернувшись въ ресторанъ, разговаривалъ съ вами, между тѣмъ швейцаръ показываетъ, что г. Хлудовъ ни съ кѣмъ ничего не говорилъ. Какъ согласить это?—*Г. Юль*: Швейцаръ говоритъ неправду. — *Мир. суд.*: Сергѣевъ, что ты на это скажешь?—Швейцаръ молчитъ.—*Г. Доброхотовъ*, швейцару:—Что же, вы объясните это чѣмъ нибудь или нѣтъ? *Швейцаръ.* Я не замѣтилъ.—Затѣмъ гг. присяжные повѣренные гг. Рихтеръ и Шайкевичъ обратились съ просьбою къ г. судьѣ пріостановить засѣданіе до завтрашняго дня, такъ какъ уже былъ 3-й часъ за полночь. Г. судья замѣтилъ на это, что онъ невправѣ отсрочить засѣданіе до тѣхъ поръ пока не будутъ спрошены всѣ свидѣтели, приведенные къ присягѣ.

Послѣ этихъ объясненій, приступлено было къ допросу дальнѣйшихъ свидѣтелей. Вводимы были поочередно цыгане. Большинство ихъ дали показанія почти одинаковыя, заключавшіяся въ томъ, что такъ какъ они цыгане были въ это время въ комнатѣ, гдѣ сидѣлъ г. Рогожинъ, и пѣли тамъ веселыя пѣсни, то и не могли ничего слышать;

остальные,—что были въ комнатахъ другихъ гостей и также ничего не слыхали. Никакого разговору послѣ объ этомъ скандалѣ у нихъ не происходило; даже на другой день, по полученіи повѣстокъ, они ничего не знали о случившемся; никто имъ ничего не говорилъ, и ни отъ кого ничего они не слыхали. Почти всѣ показали, что видѣли плачущую женщину, но узнать ее не могутъ; нѣкоторые видѣли также мужчину, съ завязанною головою, у котораго лицо было въ крови, и сюртукъ былъ изорванъ, но кто этотъ мужчина, они также узнать не могутъ. Когда пріѣзжалъ становой приставъ, не знаютъ; можетъ, послѣ, а можетъ, и прежде того, какъ они вышли въ залу. Кучеръ г Хлудова, Дмитріевъ, показалъ, что онъ, по приказанію своего хозяина, выѣхалъ изъ двора къ Московскому трактиру, откуда вышелъ г. Хлудовъ съ товарищами и поѣхалъ въ Петровскій паркъ, въ ресторанъ Юлія. Изъ ресторана компанія г. Хлудова вышла съ шумомъ; но нельзя было понять кто кого бранилъ. Дмитріевъ увидалъ своего хозяина бѣгущимъ по двору, потомъ его сшибли съ ногъ и начали топтать у воротъ, пока не подбѣжалъ Мануйловъ и не освободилъ его. Дмитріевъ, оставивъ лошадей, подсобилъ поднять хозяина—*Мир. суд.* Дмитріеву:—Ты

вѣрно знаешь, что его повалили?.. а онъ самъ никого не билъ?.. — Нѣтъ-съ. Его повалили, а онъ не билъ. Вотъ гдѣ былъ г. Сергѣевъ, тамъ должно быть другъ дружку колотили, потому что удары были слышны, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. — А въ Всесвятскомъ вы были?— Были. Спросили тутъ у мужика, который попался намъ, дома ли становой; тотъ сказалъ намъ, что его нѣтъ дома, и мы отправились назадъ, къ Юлю. Хозяинъ калоши тамъ, кажется, позабылъ.—Когда вы назадъ пріѣзжали въ ресторанъ, вы не слыхали тамъ шума?—Нѣтъ-съ, не слыхалъ, потому что мы во дворъ не въѣзжали.—Ты не замѣтилъ, когда ты стоялъ на дворѣ передъ выходомъ своего хозяина изъ ресторана, выходила оттуда какая нибудь барыня? — Не замѣтилъ.—А въ другихъ саняхъ, которыя тутъ стояли, былъ кто нибудь?—Никого не было.—*Г. Доброхотовъ*: Вамъ не попадалось тройки, когда вы выѣзжали изъ Всесвятскаго?—Нѣтъ, не попадалось ни одной тройки. —*Мир. суд.* Когда вы пріѣхали въ ресторанъ во 2-й разъ, то г. Хлудовъ самъ выходилъ изъ саней?—Самъ.—За Дмитріевымъ введенъ былъ дворникъ г. Юля, крестьянинъ Максимъ Васильевъ, который показалъ, что такъ какъ онъ пріѣхалъ домой послѣ драки часовъ въ 11 вечера, то ниче-

го сказать не можетъ. И хотя на кухнѣ послѣ и разговаривали объ этомъ, но вѣрнаго онъ ничего не знаетъ. — Затѣмъ были введены ямщики, ѣздившіе съ г. Трузе, крестьяне Васильевъ и Герасимовъ, которые показали, что они слышали шумъ, видѣли какъ неизвѣстные имъ люди, которыхъ они теперь признать не могутъ, потому что тогда было довольно темно, толкали другъ друга, и съ обѣихъ сторонъ бранныя слова были слышны.

Послѣ этихъ показаній, въ 6-мъ часу за полночь, г. судья объявилъ, что онъ, по заявленію обѣихъ сторонъ, отсрочиваетъ засѣданіе до завтрашняго дня, чтобы вызвать свидѣтелей: горничную изъ ресторана Юля, дворника, ѣздившаго съ г. Адельгеймомъ, врача Каминскаго и докторовъ-экспертовъ, гг. Коха и Полунина.

На слѣдующій день, во вторникъ 29-го ноября, въ 6 съ полов. часовъ, засѣданіе началось слѣдующею рѣчью г. судьи: „Вчерашній день, господа, мы допросили всѣхъ свидѣтелей драки, которые могли бы видѣть, или слышать все происходящее въ кафе-ресторанѣ г. Юля, вечеромъ 11-го ноября. Вмѣстѣ съ тѣмъ я допросилъ уѣзднаго врача и акушерку, но вы, гг. повѣренные, говорили, что въ ихъ показаніяхъ есть нѣкоторыя неясности, и просили вызвать экспертовъ, и кромѣ

того вызвать тѣхъ свидѣтелей, которые не были вчера на судебномъ слѣдствіи, именно: дворника, ѣздившаго къ становому приставу, дѣвушку, которая подавала воду и подушку г-жѣ Трузе. Находя правильными всѣ эти требованія, я отложилъ засѣданіе до слѣдующаго дня. Прежде всего, я считаю необходимымъ сдѣлать повѣрку свидѣтельства оффиціальнаго врача, именно по вопросу о послѣдствіяхъ, которыя могли бы быть для г-жи Трузе еслибъ произведенъ былъ ударъ. Приглашаю гг. экспертовъ и обѣ стороны, или же ихъ повѣренныхъ, въ особую комнату, для разрѣшенія этого вопроса.“ Черезъ три съ половиною часа всѣ они возвратились въ залу. *Мир. суд.*:—Господа повѣренные, вчерашній день было заявлено вами, что при осмотрѣ показаній врача о болѣзни г-жи Трузе, вы замѣтили нѣкоторыя недоразумѣнія въ этихъ показаніяхъ. Вслѣдствіе этого были вызваны эксперты, профессоры московскаго университета, гг. Кохъ и Полунинъ. Выслушавъ показанія какъ акушерки, такъ и доктора, допрошенныхъ вчера, эксперты пришли къ убѣжденію, что если положить, что побои были нанесены г-жѣ Трузе, то на вопросъ: могли ли они имѣть дурныя послѣдствія,—они должны бы отвѣтить утвердительно; но въ данномъ случаѣ, основываясь на

показаніяхъ акушерки и врача, они заключаютъ, что побои если и были нанесены, то слѣды ихъ исчезли, и въ случаѣ, если будутъ преждевременные или неправильные роды, они не могутъ утверждать—явятся ли эти роды послѣдствіемъ побоевъ или другихъ какихъ причинъ. Такъ какъ,— продолжалъ г. судья,—эти побои, по мнѣнію врачей-экспертовъ, не составляютъ сильныхъ увѣчій, то, слѣдовательно, настоящее дѣло я могу считать мнѣ подсуднымъ, и долженъ буду приступить къ дальнѣйшему его разбирательству.

Въ это время, лютеранскій пасторъ г. Дикгофъ, подойдя къ г. судьѣ, объявилъ, что онъ считаетъ себя счастливымъ, имѣя возможность объявить г. судьѣ, что г-жа Трузе, вслѣдствіе его убѣжденія, какъ служителя обители мира и любви, согласилась отъ чистаго сердца простить г. Хлудова, и забыть нанесенное имъ оскорбленіе, съ условіемъ, если г. Хлудовъ публично извинится передъ ней. Мировая сдѣлка, которую вручилъ г. Дикгофъ г-ну судьѣ, состояла въ томъ, что г. Хлудовъ, не утверждая того, что онъ умышленно наносилъ удары г-жѣ Трузе въ ресторанѣ Юля 11-го ноября,— соглашается испросить публично извиненіе у г-жи Трузе въ оскорбленіи ея дѣйствіемъ, — а та, съ своей стороны, допуская, что г. Хлудовъ, толк-

нувши ее, можетъ быть и не имѣлъ намѣренія ее ударить,—согласна простить отъ чистаго сердца г. Хлудова, если тотъ испроситъ у нея публично извиненія. — *Мир. суд.*: Г-жа Трузе, потрудитесь подтвердить написанное въ этой мировой сдѣлкѣ. *Г-жа Трузе*:—По увѣщанію нашего многоуважаемаго пастора, я считаю своимъ христіанскимъ долгомъ простить г-на Хлудова, если только онъ попроситъ у меня публично извиненія. *Мир. суд.*:—Г. Хлудовъ, согласны ли вы на мировую сдѣлку на этихъ условіяхъ? *Г. Хлудовъ*:—Да, согласенъ. *Мир. суд.*:—Потрудитесь извиниться. *Г. Хлудовъ*, обращаясь къ г-жѣ Трузе:—Извините меня, если я васъ обидѣлъ. Я никогда не думалъ ни васъ, никого другаго оскорбить. Я никогда не желалъ васъ оскорбить. Прошу васъ, извините меня.—*Г-жа Трузе*:—Отъ чистаго сердца;—подаетъ руку г-ну Хлудову.

Затѣмъ г. судья объявилъ, что дѣло объ оскорбленіи дѣйствіемъ г-жи Трузе г-номъ Хлудовымъ кончилось миромъ и не можетъ быть впредь возобновлено; но такъ какъ въ дѣлѣ усмотрѣно еще обстоятельство, а именно заключается проступокъ: ссора и драка въ публичномъ мѣстѣ, и такъ какъ нѣкоторые сами признавали себя участниками въ ссорѣ, то онъ предлагаетъ сторонамъ объяснить обстоятельства этого дѣла, независимо отъ част-

наго обвиненія. Присяжный повѣренный *г. Доброхотовъ* замѣтилъ на это, что такъ какъ шумъ и драка не были доказаны свидѣтельскими показаніями, а о нихъ говорили только лица, привлеченныя къ суду въ качествѣ обвинителей и обвиняемыхъ, равно какъ не было никакого заявленія о публичномъ скандалѣ со стороны полиціи; наконецъ, основываясь на присяжномъ показаніи одного изъ свидѣтелей—швейцара (громкій и продолжительный смѣхъ прервалъ слова г. Доброхотова) что даже никакого шума и драки въ самомъ ресторанѣ не было,—онъ не видитъ основанія начинать процессъ о шумѣ и дракѣ въ публичномъ мѣстѣ. *Г. Тайкевичъ* прибавилъ къ этому, что онъ не можетъ признать, чтобы кафе-ресторанъ могъ считаться публичнымъ мѣстомъ, на томъ основаніи, что въ законѣ прямо упомянуто что называется публичными мѣстами, а вмѣстѣ съ тѣмъ нигдѣ не упоминается, чтобы трактирныя заведенія относились къ числу ихъ,—а потому онъ признаетъ, что если и была драка въ кафе-ресторанѣ г-на Юля, то во всякомъ случаѣ нельзя причислить эту драку къ дракѣ въ публичномъ мѣстѣ. *Г. Рихтеръ* заявилъ, что такъ какъ обвинитель или истецъ не можетъ быть въ то же время и свидѣтелемъ, то онъ предложилъ бы спросить сно-

ва всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ — поддерживаютъ ли они свои взаимныя обвиненія о дракѣ; и если они прекратятъ свои обвиненія, то дѣло падаетъ само собою. Обѣ стороны положительно желаютъ прекратить дѣло. По крайней мѣрѣ таково заявленіе съ нашей стороны. *Г. Доброхотовъ* поспѣшилъ прибавить, что и его сторона одинаково желаетъ прекратить дѣло.

Послѣ этихъ объясненій, г. судья удалился въ особую комнату и, возвратившись слишкомъ черезъ два часа, объявилъ, что такъ какъ изъ обстоятельствъ дѣла оказалось, что въ ресторанѣ самой драки не было, а было только оскорбленіе дѣйствіемъ, которое и прекращено мировою сдѣлкою; самая же драка была на дворѣ гостинницы, слѣд. не въ публичномъ мѣстѣ, то г. судья опредѣлилъ всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ—освободить отъ всякой отвѣтственности.

Засѣданіе закрылось въ 3 часа за полночь.

3.

Дѣло Смирнова и Моисеева.

(Мировой судъ).

13 іюля 1867 года у мироваго судьи Арбатскаго участка, разбиралось дѣло объ оскорбленіи

дѣйствіемъ врача Н. В. Смирнова кандидатомъ на судебныя должности М. С. Моисеевымъ. Обстоятельства этого дѣла слѣдующія:

Въ 9 часовъ вечера 10 іюня объясняетъ Смирновъ въ своей жалобѣ: шелъ я съ г. Говоровымъ по Патріаршимъ прудамъ. На встрѣчу мнѣ попались Моисеевъ вмѣстѣ съ врачемъ Вильмутъ. Вдругъ Моисеевъ подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ: какъ смѣю я злословить Вильмута. Я возразилъ, что мы поговоримъ объ этомъ лучше на дому, хотя впрочемъ я никогда не отзывался дурно о г. Вильмутъ и все это есть ложь; то Моисеевъ бросился на меня, нанесъ мнѣ кулакомъ ударъ по виску и укусилъ до крови палецъ.

На разбирательство явились повѣренный Смирнова кн. А. И. Урусовъ, врачъ Говоровъ и Моисеевъ. На вопросъ судьи, обращенный къ Моисееву: признаетъ-ли онъ себя виновнымъ въ нанесеніи Смирнову оскорбленія дѣйствіемъ, Моисеевъ отвѣчалъ, нѣтъ. Свидѣтель со стороны обвиненія Говоровъ объяснилъ: „Дѣло было такъ: въ 9 часовъ по полудни 10 іюня шелъ я вмѣстѣ съ Смирновымъ по Патріаршимъ прудамъ. Моисеевъ и Вильмутъ сидѣли на садовой лавкѣ. Замѣтя насъ, Моисеевъ всталъ и подошедши къ Смир-

нову, спросилъ, какъ смѣетъ онъ называть Вильмута публично воромъ. Смирновъ просилъ незаводить здѣсь ссоры, а объясниться лучше на дому; но Моисеевъ требовалъ немедленно объясненія. „Въ такомъ случаѣ, возразилъ тотъ: это неправда и вы лжете“. Въ это время Моисеевъ, размахнувшись, ударилъ Смирнова по виску и вслѣдъ за тѣмъ вцѣпились другъ другу въ волосы. Смирновъ какъ слабѣйшій, сталъ просить своего противника оставить; но тотъ только тогда выпустилъ изъ рукъ его волосы когда услыхалъ шаги полицейскихъ и они всѣ разошлись. Идя домой, Смирновъ показывалъ мнѣ палецъ, изъ котораго текла кровъ. Больше я ничего незнаю.

Судья (Моисееву). Вы слышали г. Моисеевъ показаніе свидѣтеля?

Моисеевъ. Да, и теперь я припоминаю, что дѣйствительно ударилъ г. Смирнова за то что тотъ толкнулъ меня въ грудь.

При этомъ Моисеевъ сослался на г. Вильмутъ, который, за силою 3 п. 96 ст. Уст. уг. суд., какъ лице участвующее въ этомъ дѣлѣ не могъ быть спрошенъ въ качествѣ свидѣтеля.

Судья (Моисееву). Что можете прибавить въ свое оправданіе.

Моисеевъ. Смирновъ очень часто отзывался дурно какъ обо мнѣ, такъ и о Вильмутѣ.

Судья. Не хотите-ли кончить дѣло миромъ.

Обѣ стороны отъ примиренія отказались. Судья на основанія 119 ст. Уст. уг. суд. приговорилъ Моисеева къ полуторамѣсячному аресту.

На это рѣшеніе Моисеевъ чрезъ повѣреннаго своего Гриневича принесъ аппелляціонную жалобу, въ которой, между прочимъ, объяснилъ, что считаетъ рѣшеніе это неправильнымъ потому что не спрошенъ какъ свидѣтель врачъ Вильмутъ, бывшій очевидцемъ ссоры. Повѣренный Смирнова кн. Урусовъ въ свою очередь подалъ въ мировой съѣздъ жалобу, въ коей просилъ увеличить наказаніе Моисееву вдвое противъ положеннаго. При этомъ на спросъ г. Вильмута и вновь выставленнаго студента Карташева въ качествѣ свидѣтелей согласился.

Въ 1-мъ Округѣ Московскаго Мироваго Съѣзда дѣло это разсматривалось 4 сентября. По спросѣ свидѣтелей Вильмута и Карташева, которые новаго впрочемъ ничего не показали и рѣчи кн. Урусова, просившаго не объ увеличеніи уже наказанія, а лишь о томъ, чтобы проступокъ Моисеева не остался безнаказаннымъ, Судъ постановилъ: подвергнуть Моисеева аресту на одну не-

дѣлю при городскомъ арестантскомъ домѣ. Защитникъ подсудимаго приговоромъ этимъ остался недоволенъ.

4.

Дѣло Нѣмецкаго клуба и Лоне.

(Мировой судъ).

24 августа 1867 года, у мироваго судьи Сущевскаго участка разбиралось дѣло по жалобѣ Бельгійскаго подданнаго Лоне объ оскорбленіи его г. Носовымъ и экономомъ Нѣмецкаго клуба Тасье. Оскорбленіе, по словамъ г. Лоне, заключалось въ слѣдующемъ: Ночью съ 22 на 23 іюля Лоне былъ въ лѣтнемъ помѣщеніи Нѣмецкаго парка, и по нечаянности, въ темнотѣ зашелъ въ отдѣленіе, назначенное для дамъ и при выходѣ отдуда сошелся съ почетнымъ гражданиномъ Носовымъ, ноторый былъ со своею женою. Носовъ, обратясь къ одному изъ слугъ клуба, сказалъ: „какъ смѣютъ пускать сюда мужчинъ; каждаго, кто зайдетъ сюда, надо выгонять въ шею!“ Будучи хорошо знакомъ съ Носовымъ, Лоне замѣтилъ ему неприличіе такихъ словъ. „Знаю, знаю, что ты за человѣкъ“, воскликнулъ Носовъ: „Ты, братъ, любишь въ карманъ залѣзть“. Оскорбленный такими

словами Лоне просилъ его отправиться въ контору клуба; но Носовъ, продолжая ругаться площадными словами, уѣхалъ изъ клуба. Отъѣзду его способствовала администрація клуба. Не смотря на это Лоне все таки требовалъ въ конторѣ клуба отъ дежурнаго старшины Гартмана засвидѣтельствовать объ нанесенномъ ему оскорбленіи; но Гартманъ, не выслушавъ его заявленія, изъ конторы вышелъ. Лонѣ остался въ конторѣ, гдѣ былъ также и клубскій экономъ Тасье, который весьма грубо обошелся съ нимъ, а два лакея вытолкали Лоне изъ конторы. Все это видѣла публика и только, благодаря ея настоянію, былъ составленъ мѣстною полиціею обо всемъ случившемся актъ. При этомъ г. Лоне выставилъ свидѣтелей, коихъ и просилъ вызвать.

Г. Носовъ и старшины Нѣмецкаго клуба также обратились къ мировому судьѣ съ жалобою на г. Лоне о неприличномъ поведеніи его въ саду. Свидѣтели, выставленные Лоне, три брата Фиргангъ, Кригеръ, Савицкій и Коробческій подтвердили жалобу Лоне. Свидѣтели со стороны Тасье и клуба: старшина Гетлеръ, оффиціантъ Яковъ Егоровъ, сынъ старшины Гартмана, Ивановъ и Матвѣевъ показали, что г. Лоне производилъ шумъ. Сторожъ-же объяснилъ, что предупреждалъ

Лоне не ходить въ дамское отдѣленіе и тотъ, послушавшись его, исполнилъ свою потребность у входа.

Мировой судья, по выслушаніи сторонъ, нашелъ, что такъ какъ г. Лоне самъ сознается, что зашелъ въ дамское отдѣленіе и, поссорившись изъ-за того съ г. Носовымъ, нарушилъ тѣмъ тишину и порядокъ въ клубѣ; а г. Тасье позволилъ себѣ противъ него самоуправство приговорилъ обѣихъ къ аресту при городскомъ арестантскомъ домѣ: 1-го на пять дней, а 2-го на пять недѣль.

Рѣшеніемъ этимъ обѣ стороны остались недовольны и перенесли дѣло въ Мировой Съѣздъ, гдѣ происходило разбирательство онаго 20 сентября того же 1867 года.

Повѣренный старшинъ клуба г. Рихтеръ въ жалобѣ своей объяснилъ въ числѣ прочихъ обстоятельствъ слѣдующія: во 1-хъ, что г. Лоне не въ первый разъ являлся въ клубъ и слѣдовательно не могъ не знать гдѣ помѣщаются отдѣленіе для дамъ и гдѣ для мужчинъ, которое находится въ совершенно противоположной сторонѣ; во 2-хъ, что онъ не могъ ошибиться въ томъ по случаю темноты, ибо садъ въ это время былъ иллюминованъ; въ 3-хъ, что сторожъ предупредилъ его и въ 4-хъ, что онъ бранилъ жену г. Носова, въ

чемъ на судѣ предъ нею и извинялся. По этому г. Рихтеръ проситъ подвергнуть Лоне наказанію.

Повѣренный г. Тасье г. Гриневичъ основываясь на показаніяхъ свидѣтелей своего довѣрителя, просилъ его отъ всякаго взысканія освободить.

Повѣренный г. Лоне кн. Урусовъ, по случаю отлучки изъ Москвы, къ судоговоренію не явился. Лоне просилъ Судъ отложить это разбирательство до другаго раза вслѣдствіи отлучки его повѣреннаго. Судъ находя, что другая сторона была на лицо, въ просьбѣ ему отказалъ. По выслушаніи показаній свидѣтелей и объясненій повѣренныхъ, постановилъ: приговоръ мироваго судьи объ арестѣ г. Лоне на пять дней утвердить; относительно же ареста г. Тасье на пять недѣль отмѣнить.

Бывшій на разбирательствѣ новый повѣренный г. Лоне на приговоръ этотъ изъявилъ неудовольствіе.

5.

Дѣло о московскомъ 1-й гильдіи купцѣ Н. П. Каулинѣ.

(Мировой судъ).

3-го ноября 1867 года, у мироваго судьи Городскаго участка, А. А. Лопухина, происходило разбирательство по частной жалобѣ 2-й

гильдіи купца П. М. Пуговкина, на 1-й гильдіи купца Н. И. Каулина и на московскую мѣщанку, Д. Ф. Константинову, за нанесеніе этими лицами оскорбленія чести жены г. Пуговкина. Защитниковъ подсудимыхъ былъ г. Доброхотовъ; адвокатомъ со стороны г. Пуговкина былъ г. Михайловъ. Разбирательство этого дѣла, по смыслу ст. 133 Устава о наказаніяхъ, происходило при закрытыхъ дверяхъ, въ присутствіи свидѣтелей, и семи человѣкъ постороннихъ лицъ, выбранныхъ съ обѣихъ сторонъ. Дѣло это начавшись въ 4 съ половиною часа пополудни, окончилось въ 9 съ половиною часовъ приговоромъ, произнесеннымъ судьею уже при открытыхъ дверяхъ. Изъ объясненія дѣла по жалобѣ 2-й гильдіи купца П. М. Пуговкина, обвиняющаго 1-й гильд. купца Каулина и моск. мѣщ. Д. Константинову, какъ равно и изъ свидѣтельскихъ показаній и составленнаго полиціею акта, судья заключилъ, что Константинова изобличается въ томъ, что дозволила себѣ, 26 окт. войдя въ квартиру Пуговкина, предложить, черезъ горничную, женѣ его свиданіе съ купц. Каулинымъ; а равно, что куп. Каулинъ дозволилъ себѣ подкупать Константинову на подобное посредничество. На основаніи всего этого, мировой судья приговорилъ Константинову къ трехъ-

мѣсячному аресту при полиціи, а купца Каулина— къ аресту на полтора мѣсяца при городскомъ арестантскомъ домѣ. Въ Мировомъ Съѣздѣ, куда перенесено было это дѣло по жалобамъ подсудимыхъ, разбирательство происходило 4 декабря. Повѣренный г. Пуговкина объяснилъ, что 22 октября мѣщанка Дарья Константинова около вечера подъѣхала къ воротамъ Мурашевскаго подворья гдѣ живетъ Пуговкинъ и просила дворника вызвать горничную Пуговкина, которую дворникъ и вызвалъ. Константинова увидя ее передала ей, что Н. И. Каулинъ влюбленъ въ ея хозяйку, Мар. Ѳед. Пуговкину, и просила сказать Марьѣ Ѳедоровнѣ, что онъ желаетъ видѣться съ нею или въ трактирѣ „Саратовъ“ или на квартирѣ Константиновой. За отвѣтомъ Константинова хотѣла пріѣхать въ другой разъ. Черезъ три дня, 25 октября Константинова пріѣхала опять и снова вызвала горничную; но та сказала ей, что боится передать своей хозяйкѣ сообщеніе Константиновой. Константинова начала ее уговаривать, говоря, что если бы за это даже уволили ее отъ должности, то Н. И. Каулинъ обѣщалъ не оставить ее. Весь этотъ разговоръ горничная передала хозяйкѣ своей, а та мужу, который и принялъ мѣры встрѣтить Константиву при свидѣтеляхъ. На слѣдующій

день, т. е. 26 октября, Константинова, пріѣхавъ и вызвавъ горничную, спросила ее исполнила-ли она ея порученіе и когда та сказала, что хозяйка желаетъ видѣть ее самое, то, сунувъ ей въ руку 25-ти рублевую бумажку, пошла въ комнату, гдѣ посѣтительницу встрѣтила Марья Ѳедоровна. На вопросъ ея, что угодно? Константива отвѣчала, что она прислана отъ Н. И. Каулина, который въ нее очень влюбленъ и желаетъ съ ней видѣться вътрактирѣ „Эрмитажъ“, прибавивъ, что ей терять нечего, потому что она не дѣвушка. Пуговкина отвѣчала, что она въ трактирѣ не бываетъ; тогда Константинова предложила ей отправиться къ ней на квартиру. Послѣ этихъ словъ Пуговкина обратилась къ своему мужу, стоявшему за дверьми вмѣстѣ со свидѣтелями, и просила его войти и записать адресъ этой женщины. Пуговкинъ вошелъ взволнованный, и едва произнеся: „Говори, стерва, кто тебя призвалъ?“ ударилъ Константинову по щекѣ; онъ, быть можетъ, нанесъ бы ей и еще нѣсколько ударовъ, но былъ остановленъ свидѣтелемъ Н. М. Давыдовымъ. Константинова упала на колѣни и просила прощенія въ томъ, что она ошиблась и не туда попала. Для разъясненія этого дѣла послали за г. Каулинымъ, въ погребокъ

Шашина и въ Троицкій трактиръ, гдѣ онъ вечеромъ иногда бываетъ; но тамъ его не нашли. Тогда Дар. Ѳед. Константинова объявила, что Каулинъ дожидается ее въ Московскомъ трактирѣ; послали туда одного изъ свидѣтелей, братьевъ Давыдовыхъ, меньшаго, и дѣйствительно тамъ его нашли. На приглашеніе посланнаго пріѣхать къ Пуговкину по весьма нужному дѣлу, Каулинъ обѣщался, но не пріѣзжалъ. Послали другаго гонца, старшаго брата, Ник. Давыдова, который сообщилъ Каулину въ чемъ дѣло;—Каулинъ снова обѣщался пріѣхать, но и на этотъ разъ его дождаться не могли. Тутъ послали за полиціей; когда она явилась, Константинова говорила, что прислана отъ Каулина, но при составленіи акта отъ этого отперлась. Всѣ свидѣтели подтвердили на судѣ 3-го ноября все выше изложенное. Основываясь на ихъ показаніяхъ, судья призналъ какъ Каулина, такъ равно и Константинову виновными, и приговорилъ перваго къ полутора-мѣсячному аресту при городскомъ арестантскомъ домѣ, а вторую къ трехъ-мѣсячному аресту при полиціи.

На это рѣшеніе защитникъ г. Каулина, г. Доброхотовъ, и защитникъ Константиновой г. Козловскій, подали въ 1-й округъ мироваго Съѣзда апелляціонныя жалобы. По соглашенію тяжущихся и

по заключенію товарища прокурора, дѣло это разбиралось уже при открытыхъ дверяхъ. Защитникъ купца Каулина, М. И. Доброхотовъ, въ своей апелляціонной жалобѣ заявилъ, что мировой судья Городскаго участка рѣшилъ это дѣло по 119 ст. угол. судопроизводства, по убѣжденію, основанному только на томъ, что Константинова сказала при свидѣтеляхъ, будто она послана была отъ Каулина, тогда какъ могла быть отправлена и отъ другаго лица; Константинова могла рѣшиться на это по невѣжеству, и къ тому же посольство это продолжалось 5 дней, и Пуговкинъ не предупредилъ ея поступка. Далѣе защитникъ продолжалъ, что г. судья обратилъ вниманіе только на семейство Пуговкина, но оставилъ безъ вниманія семейство Каулина, которое одинаковымъ образомъ могло быть оскорблено такимъ поступкомъ Константиновой. Г. Козловскій, повѣренный этой послѣдней, въ своей апелляціонной жалобѣ утверждалъ, что всѣ доказательства къ обвиненію его довѣрительницы не выдерживаютъ критики; полицейскій актъ, показанія Пуговкина и его свидѣтелей не имѣютъ ничего общаго: швейцаръ спрошенъ не былъ, и Константинова никогда на подстрекательство Каулина не указывала, и что Пуговкины были причиною нанесенныхъ ей оскорбле-

ній. На эти жалобы повѣрен. г. Пуговкина, г. Михайловъ, замѣтилъ,—что при разбирательствѣ у мироваго судьи никакихъ разнорѣчій въ показаніяхъ не было, въ подтвержденіе чего просилъ Съѣздъ допросить этихъ свидѣтелей снова; что въ Московскомъ трактирѣ съ Каулинымъ сидѣло три человѣка—Зиминъ, Колосовъ и еще одинъ, неизвѣстный; что извощикъ былъ нанятъ Константиновою отъ Московскаго трактира, и что ему у воротъ дома, въ которомъ живетъ Пуговкинъ, велѣно было ее подождать; что на приглашеніе Пуговкина для разъясненія дѣла Каулинъ не пріѣхалъ не только въ тотъ же день, но даже и на другой, что съ Каулинымъ Пуговкинъ былъ знакомъ давно, и что на всѣ вопросы Каулинъ никому объ этомъ дѣлѣ послѣ ничего не отвѣчалъ. Все это, по мнѣнію защитника, служитъ доказательствомъ виновности Каулина. Въ заключеніе онъ просилъ судей допросить половыхъ Московскаго трактира, тамошняго швейцара, купцовъ Зимина и Колосова, а также и извощика возившаго Константинову, Ивана Иванова, На это г. Доброхотовъ замѣтилъ, что нѣтъ особой нужды спрашивать этихъ новыхъ свидѣтелей, потому что дѣло уже разъяснено и безъ нихъ. Судъ въ спросѣ указанныхъ защитниковъ новыхъ свидѣтелей

отказалъ. Михайловъ доказывалъ далѣе несомнѣнность того обстоятельства, что Константинова была въ трактирѣ съ Каулинымъ, что она шла къ Пуговкинымъ не по собственной волѣ, а по подстрекательству Каулина, который долженъ и нести за это отвѣтственность. Обращаясь затѣмъ къ внутреннему голосу судей, защитникъ настаивалъ, что если подобная обида, нанесенная женщинѣ, можетъ остаться безъ всякаго возмездія, то у насъ на улицѣ не будетъ прохода ни женщинамъ, ни дѣвицамъ, и просилъ обратить на это особенное вниманіе. Г. Козловскій, повѣр. Константиновой, старался доказать, что свидѣтельскія показанія горничной и Н. Давыдова, который былъ посланъ за Каулинымъ въ Московскій трактиръ, ни къ чему не ведутъ, такъ какъ первая допустила къ свиданію Константинову съ Пуговкиной, а Давыдовъ уже былъ уличенъ на судѣ въ несправедливомъ показаніи, утверждая прежде, что Пуговкинъ не билъ Константинову, а потомъ, отступившись отъ этихъ словъ, объявилъ, что ей были нанесены побои, чѣмъ, по мнѣнію защитника, и было вызвано утвержденіе этой женщины, что будто-бы она подослана была Каулинымъ; единственный проступокъ Константиновой заключается,—утверждалъ защитникъ,—въ оскорбленіи

словомъ Пуговкиной, за что она едвали, по его мнѣнію, можетъ и отвѣчать. Г. Доброхотовъ къ своимъ предыдущимъ объясненіямъ добавилъ, что встрѣча Давыдовыхъ съ Каулинымъ въ Московскомъ трактирѣ не можетъ служить доказательствомъ виновности Каулина, на томъ основаніи, что изъ полицейскаго акта не видно, чтобы Константинова сказала, что Каулинъ дожидается ее въ этомъ мѣстѣ; ясно,—говоритъ г. Доброхотовъ,—что Давыдовы ѣздили въ Московскій трактиръ по составленіи акта и по отправкѣ Константиновой въ контору квартала. Затѣмъ защитникъ сослался еще на одно обстоятельство, заключающееся въ томъ, что Константинова говорила мировому судьѣ, будто Пуговкинъ ждалъ отъ Каулина 10 тыс. руб. Общественное положеніе — говоритъ защитникъ—г. Каулина не хуже Пуговкина; этотъ послѣдній самъ бы могъ объясниться съ нимъ на другой день, но не сдѣлавши этого, онъ подалъ жалобу. Михайловъ замѣтилъ на это, что разговоръ о 10 тыс. былъ только у мироваго судьи, и Константинова не могла впослѣдствіи доказать справедливости своихъ словъ.

Предсѣдатель предложилъ сторонамъ дѣло покончить миромъ. Михайловъ сказалъ, что примиреніе можетъ состояться лишь въ томъ случаѣ,

если виновные попросятъ публично у обиженныхъ христіанскаго прощенія; на что со стороны противуположной согласія не послѣдовало. Товарищъ прокурора въ своей рѣчи далъ заключеніе, что, по его мнѣнію, Каулинъ долженъ быть по этому дѣлу оправданнымъ, такъ какъ уликъ въ подсылкѣ Константиновой, кромѣ первоначальныхъ показаній этой послѣдней, отъ которыхъ она впослѣдствіи отреклась, —никакихъ не имѣется; Константинова же, по мнѣнію г. прокурора, должна нести высшую мѣру наказанія. Судъ удалился, и чрезъ 30 минутъ объявилъ Каулина отъ суда и отвѣтственности освобожденнымъ, а Константинову приговорилъ къ мѣсячному аресту при городской полиціи. Повѣренный г. Пуговкина рѣшеніемъ суда остался недоволенъ.

6.

Дѣло о купцѣ Бутиковѣ, обвинявшемся въ оскорбленіи Частнаго Пристава Гольмъ на письмѣ.

(Окружной судъ).

Во вторникъ, 9-го января 1868 г. въ московскомъ Окружномъ судѣ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, разсматривалось дѣло о купцѣ Бутиковѣ, обвиняемомъ въ оскорбленіи на письмѣ частнаго

пристава Гольма. Предсѣдательствовалъ по этому дѣлу товарищъ предсѣдателя Н. С. Арсеньевъ, обвинялъ товарищъ прокурора Д. П. Тихомировъ, защитникомъ подсудимаго былъ кандидатъ правъ князь А. И. Урусовъ. Свидѣтели, вызванные въ судъ по этому дѣлу, были—со стороны г. прокурора: квартальный надзиратель Гольмъ и со стороны подсудимаго: 1) Мѣщанинъ Никита Миновъ, 2) крестьянинъ Моисей Ивановъ Ивановъ, 3) крестьянинъ Никифоръ Ильинъ, 4) цеховой Федоръ Гурѣевъ, 5) старшій унтеръ-офицеръ Павелъ Дмитріевъ и 6) купецъ Федоръ Николаевъ Шкуновъ. Обвинительный актъ, которымъ подсудимый предавался суду, состоялъ въ слѣдующемъ:—1867 г., іюня 1-го дня, надзирателемъ 1-го квартала Пречистенской части, съ понятыми, былъ составленъ актъ о неисполненіи купцомъ Иваномъ Бутиковымъ полицейскихъ распоряженій. Подписывая подъ этимъ актомъ, купецъ Бутиковъ написалъ:—„Нонеча 1867 г., не знаю съ какого приказа г. Гольмъ — приставъ той части — распоряжается стѣснять обывателей; не лишнимъ считаю помѣстить исторію: я житель Коломенскаго уѣзда; близъ моей родины, въ д. Бабуниной одинъ пастухъ караулилъ стадо и пріучилъ быка кормить хлѣбомъ остававшимся у него; въ одно время не

было хлѣба, не осталось; быкъ приходитъ; пастухъ сказалъ быку—пошолъ, дристунъ; но быкъ, разсердившись, умертвилъ пастуха; такъ и Гольмъ бывалъ не рѣдко у меня въ гостяхъ, я его угощалъ украинской наливкой; однажды онъ попросилъ къ себѣ, на домъ я ему послалъ не припомню сколько, но теперь наливка вся, можетъ на это сердится, подождетъ до осени, еще привезутъ, истинно глаголю". Посему, товарищъ прокурора Завадскій обвиняетъ купца Бутикова въ противузаконномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ въ 283 ст. Улож. о наказан., по обвиненію въ чемъ, онъ, Бутиковъ, подлежитъ суду московскаго Окружнаго суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей.

Судъ призналъ Бутикова виновнымъ и приговорилъ къ семидневному аресту. Процессъ окончился въ 6 съ полов. часовъ.

7.

Дѣло Богородскаго купца А. Н. Шелаева.

(Мировой судъ).

Московскій мѣщанинъ Ф. И. Вяловъ подалъ мировому судьѣ городскаго участка 17 апрѣля 1868 года жалобу, въ которой объяснилъ, что при-

шедши въ лавку Богородскаго купца А. П. Шелаева, помѣщающуюся въ теплыхъ рядахъ Александровской линіи, за разсчетомъ, былъ обруганъ Шелаевымъ разными бранными словами; кромѣ того Шелаевъ грозилъ побить его палкою и велѣть сторожу вывести его изъ лавки вонъ и провести по всѣмъ рядамъ. Дѣло объ этомъ разбиралось у мироваго судьи означеннаго участка 27 и 30 апрѣля при большомъ стеченіи публики. Повѣренный Вялова, явившись на разбирательство, къ жалобѣ довѣрителя своего добавилъ, что Шелаевъ еще до этого происшествія, будучи въ Московскомъ трактирѣ Гурина, при свидѣтеляхъ позволилъ себѣ сказать Вялову, что будто жена его, Вялова, находится въ интимныхъ отношеніяхъ съ фабрикантомъ Смирновымъ, у котораго Вяловъ былъ прикащикомъ. Бывшій тутъ же купецъ Лобовъ замѣтилъ Шелаеву, что нехорошо такъ обижать человѣка по напрасну. Шелаевъ выйдя изъ себя, закричалъ Лобову: „молчать“ и вслѣдъ за этимъ стенторскимъ восклицаніемъ въ лицо послѣдняго полетѣла коробка спичекъ. Вяловъ вышелъ изъ-за стола, сказавъ: „хорошъ купецъ 1-й гильдіи! а еще директоръ банка!“ Тутъ разразилась уже настоящая гроза: въ Вялова полетѣли фарфоровыя пепельницы, стаканы, рюм-

ки... Шелаева всѣ принялись унимать, но онъ никого не хотѣлъ слушать и продолжалъ буйствовать. Въ заключеніе всего онъ разбилъ стулъ, на которомъ сидѣлъ и, такимъ образомъ, натѣшившись вдоволь, пошелъ съ г. Клипнеромъ играть на бильярдѣ. Судья, по прочтеніи изложенныхъ выше обстоятельствъ, хотѣлъ было приступить къ спросу свидѣтелей, но повѣренный Шелаева, кандидатъ на судебныя должности Николаевъ заявилъ судьѣ что дѣло это должно разбираться при закрытыхъ дверяхъ. Повѣренный Вялова на то не согласился. Тогда повѣренный Шелаева объявилъ настоящее дѣло не подсуднымъ мировому судьѣ. Наконецъ г. Николаевъ сталъ настаивать на разъясненіи ему юридическаго смысла и значенія проступка, подлежащаго сужденію. Всѣ заявленія его судьею оставлены были безъ послѣдствій, а на требованіе о разъясненіи юридическаго смысла проступка судья сказалъ, что онъ за этимъ разъясненіемъ долженъ обратиться къ закону и, для прекращенія дальнѣйшаго спора, пригласилъ повѣреннаго Шелаева или представить доказательства или удалиться; г. Николаевъ избралъ послѣднее. Хотя самаго Шелаева и не было на судѣ, но судья по силѣ 133 ст. уст. уг. суд. началъ разбирательство.

Свидѣтелями были: купеческій братъ Мясниковъ, крестьянинъ Иванъ Дмитріевъ, мальчикъ Шелаева Архипъ, купеческій сынъ Лобовъ и почетный гражданинъ Клипнеръ. Всѣ они были спрошены съ обязанностью подтвердить слова свои подъ присягою. Изъ нихъ первые четыре показали, что въ лавку г. Шелаева дѣйствительно приходилъ г. Вяловъ за разсчетомъ и что они оба ругали другъ друга и что Шелаевъ хотѣлъ приказать сторожу вывести Вялова изъ лавки и провести его по рядамъ.

Судья (Клипнеру). Вы что знаете по этому дѣлу.

Клипнеръ. Я человѣкъ болѣзненный, а выпивши 16 бутылокъ лафиту, я совсѣмъ обезпамятовалъ. Если я и скажу вамъ, то не могу поручиться за достовѣрность своихъ словъ.

Публика смѣется.

Повѣрен. Вялова (Клипнеру). Скажите, пожалуйста, вы одни выпили всѣ 16 бутылокъ или съ обществомъ?

Клипнеръ. Г. судья, прикажите, чтобъ не смѣялись, тогда я буду сказывать.

Судья (публикѣ). Господа, перестаньте, не мѣшайте мнѣ разбирать дѣло.

Клипнеръ. Я люблю пить чай, а тутъ попалъ въ компанію. Я по слабости не могу много пить

горячихъ напитковъ, а тутъ съ 10 часовъ утра начали пировать: сначала пили въ Троицкомъ, потомъ забрались въ Московскій и здѣсь осушили до 16 бут. лафиту—ну, я и пришелъ въ совершенное безпамятство, да и другіе-то были, сказать по правдѣ, не въ лучшемъ положеніи.

Судья (Лобову). А вы что скажете?

Лобовъ. Ужъ больно жарко здѣсь, право! (утирается платкомъ).

Судья. Въ день ссоры вы были въ Московскомъ трактирѣ?

Лобовъ. Быть-то былъ, только что тамъ творилось—Господь вѣдаетъ.

Судья. Бранились между собой гг. Шелаевъ и Вяловъ?

Лобовъ. Оба ругались.

Судья. Была какая нибудь рѣчь о женѣ г. Вялова?

Лобовъ. Этого не слыхалъ; а что браниться, правда бранились, одинъ говоритъ: ты мѣщанинъ! а другой говоритъ: ты директоръ банка.

Судья. Видѣли вы: бросалъ Шелаевъ что нибудь въ Вялова?

Лобовъ. Онъ бросилъ пепельницу, только на полъ, а не въ Вялова.

Судья. Кто былъ пьянѣе, Вяловъ или Шелаевъ?

Лобовъ. Шелаевъ былъ пьянѣе.

Судья. А въ васъ бросалъ Шелеевъ чѣмъ нибудь?

Лобовъ. Право не помню ужъ.

Судья. Вы тоже были выпивши?

Лобовъ. Это точно что былъ, только не такъ чтобы ужъ очень.

Другіе спрошенные свидѣтели показали почти тоже самое.

Судья (повѣрен. Вялова). Всѣ-ли свидѣтели спрошены?

Повѣрен. Вялова. Надо спросить еще Гаврилу половаго и маркера билліардной. Первый знаетъ кто заплатилъ за разбитую посуду, а второй покажетъ, что Клипнеръ игралъ на билліардѣ и стало быть не былъ въ безчувственномъ положеніи.

Клипнеръ заявилъ судьѣ, что онъ какъ механикъ долженъ былъ-бы сегодня быть въ Коломнѣ у фабриканта Бабаева для освидѣтельствованія машинъ и за это получитъ 25 р. с., а потому и проситъ возложить взысканіе означеннаго убытка съ виновнаго. Судья, записавъ его заявленіе отложилъ разбирательство дѣла до 30 числа т. е. до вызова новыхъ свидѣтелей.

30 числа въ камеру судьи явились: отвѣтчикъ Шелаевъ, повѣренный Вялова и свидѣтели: поло-

вой изъ трактира Гурина Гаврило и маркеръ. Судья, обратясь къ г. Шелаеву объяснилъ, что такъ какъ въ прошлое засѣданіе его самаго не было, а повѣренный его Николаевъ требовалъ сначала, чтобы дѣло это разбиралось при закрытыхъ дверяхъ, потомъ заявилъ о неподсудности и наконецъ настаивалъ на передачѣ этого дѣла мировому судьѣ Тверскаго участка, то онъ, судья, нашедъ дѣло это себѣ подсуднымъ и приступилъ къ разбирательству заочному. „Хотите вы“ спросилъ судья: „прослушать это дѣло или переспросить свидѣтелей?“ Шелаевъ заявилъ, что хочетъ основаться на прежнихъ свидѣтельскихъ показаніяхъ и изъявилъ желаніе выслушать эти показанія. Судья, по прочтеніи ихъ ему, вызываетъ свидѣтелей и за тѣмъ спрашиваетъ Шелаева: признаетъ ли онъ себя виновнымъ.

Шелаевъ. Нѣтъ, потому мы всѣ были выпивши.

Судья. Дѣло у насъ не о ссорѣ въ трактирѣ, а объ оскорбленіи, которое вы нанесли Вялову въ своей лавкѣ.

Шелаевъ. Вяловъ пришедши ко мнѣ въ лавку началъ говорить разныя обидныя слова, я и просилъ его выйти вонъ и придти за разсчетомъ въ другой разъ. Вотъ и все.

Свидѣтель половой Гаврило Антоновъ объяснилъ, что Шелаевъ съ компаніей пріѣхали въ трактиръ Гурина всѣ пьяные; Шелаевъ тотчасъ же легъ спать, а проснувшись они опять начали пить и тутъ началась между ними страшная брань и шумъ.

Судья. Кто былъ пьянѣе всѣхъ?

Антоновъ. Господинъ Шелаевъ: они идти даже не могли, какъ пришли такъ и уткнулись въ столъ.

Другой свидѣтель, маркеръ, мѣщанинъ Илья Тимофѣевъ показалъ, что съ кѣмъ именно игралъ г. Шелаевъ и въ которомъ часу, онъ хорошенько не припомнитъ, но полагаетъ что часовъ въ 7 или 8, потому что огни были уже зажжены; сыграли они партіи три или четыре; въ числѣ игравшихъ былъ и г. Клипнеръ.

Клипнеръ (Тимофѣеву). А что хорошо я игралъ?

Тимофѣевъ. Не припомню, сударь.

Клипнеръ. Послушай, какъ ты думаешь, проигралъ-бы я, еслибъ былъ трезвъ.

Тимофѣевъ. Немогу знать-съ.

Клипнеръ. Ну, сдѣлай милость, скажи, артистически я игралъ или нѣтъ и пьянъ я былъ или трезвъ?

Публика смѣется.

Тимофѣевъ (махнувъ рукой). Что толковать, всѣ лыка не вязали!

Повѣренный Вялова обращаетъ вниманіе судьи на то, что Клипнеръ въ первомъ показаніи своемъ говорилъ, что онъ былъ пьянъ до безпамятства, а теперь оказывается, что онъ былъ только выпивши и игралъ на билліардѣ.

Судья предлагаетъ сторонамъ кончить дѣло миромъ. Шелаевъ изъявляетъ свое согласіе, но повѣренный Вялова отказывается, заключая свой отказъ слѣдующими словами: „довѣритель мой хочетъ, чтобы судъ снялъ пятно оскорбленія, нанесеннаго ему и женѣ его г. Шелаевымъ“. Судья возражаетъ, что г. Вяловъ объ оскорбленіи жены своей не заявлялъ, а ограничился лишь происшествіемъ 17 апрѣля. За тѣмъ судья, признавъ Шелаева виновнымъ въ оскорбленіи Вялова, приговорилъ его къ штрафу въ 25 рублей.

Повѣренный Вялова рѣшеніемъ этимъ остался недоволенъ.

8.

Дѣло купца Руднева.

(Окружной судъ.)

1868 года 1-го числа мая разбиралось въ Московскомъ Окружномъ Судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, дѣло о нанесеніи побоевъ сту-

денту университета Ал. Акимову и неслужащему дворянину Ал. П—ну содержателемъ дома терпимости купцемъ Рудневымъ и служителями его мѣщаниномъ Епанешниковымъ и цѣховымъ Фишеръ. Вотъ сущность дѣла

22 октября 1866 года, ночью студентъ А—въ и дворянинъ П—нъ—оба люди молодые—слѣдуя Соболевымъ переулкомъ, увидали у подъѣзда заведенія Руднева двухъ товарищей своихъ, которыхъ арестовала полиція за бросаніе въ окна этого заведенія мѣдныхъ денегъ. Чтобы узнать чѣмъ все это кончится, они пошли было за своими товарищами, которыхъ повели въ нижній этажъ заведенія для составленія полицейскаго акта, но ихъ туда не пустили. Наконецъ какой-то неизвѣстный господинъ съ черной бородой и усами, въ пальто, пригласилъ ихъ войти на верхъ. Воспользовавшись этимъ, они вошли туда и, просидѣвъ тамъ нѣсколько минутъ, собрались отправится домой. Вышедъ въ переднюю имъ встрѣтился мужъ содержательницы заведенія купецъ Алексѣй Рудневъ. Когда они спустились съ лѣстницы къ подъѣзду, то вдругъ напали на нихъ двое: одинъ тотъ самый господинъ, который пригласилъ ихъ войти въ заведеніе; другой же лакей съ шишкой на лицѣ. Сначала они ударили П—на; но мѣхо-

вая шапка и поднятый воротникъ ослабили силу удара и онъ только почувствовалъ отуманеніе; студенту-же А—ву была нанесена въ голову значительная рана. Обо всемъ этомъ А—въ и П—нъ тотчасъ-же заявили полиціи, явившись въ Срѣтенскую часть. Братъ Сергѣя П—на, Владиміръ П—нъ, бывшій въ тотъ вечеръ также въ заведеніи этомъ, объяснилъ, что за нѣсколько минутъ до ухода брата своего и А—ва, онъ слышалъ какъ Рудневъ сказалъ своимъ лакеямъ: „Дайте пятиалтынный на чай этимъ господамъ!“ Онъ не понялъ смысла этихъ словъ, но на слѣдующій день одна изъ публичныхъ женщинъ „Поля“ растолковала ему, что если Рудневъ велитъ кому нибудь дать пятиалтынный, то это значитъ избить того до полусмерти.

„Поля“; оказавшаяся солдатской дочерью Авдотьей Михайловой Суворіной подтвердила слова Вл. П—на и показала, что дѣйствительно, когда Рудневъ упоминаетъ „о пятиалтынномъ на чай“ то значитъ приказываетъ отколотить кого нибудь. Лакей заведенія Епанешниковъ и знакомый Руднева Фишеръ, въ нанесеніи побоевъ А—ву и П—ну не сознались, а также и Рудневъ не сознался въ подстрекательствѣ ихъ. При этомъ Рудневъ сказалъ, что не задолго до происшествія онъ пріѣ-

халъ съ женой изъ театра и приказалъ Епанешникову отдать извощику пятиалтынный. Суворина (она же и Поля) впослѣдствіи отъ перваго показанія своего отказалась. Но вслѣдствіи разнорѣчія и сбивчивости въ показаніяхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, а равно на основаніи имѣющихся въ дѣлѣ уликъ, прокурорскій надзоръ нашелъ достачочно основаній для привлеченія къ суду Руднева, Епанешникова и Фишера.

По прочтеніи обвинительнаго акта, подсудимые не признали себя виновными. Тогда начался спросъ свидѣтелей.

Студентъ А—въ. 21 октября ночью я съ товарищемъ находился въ трактирѣ „Саратовъ“. Оттуда я отправился домой черезъ Соболевъ переулокъ и, проѣзжая мимо публичнаго дома Руднева, увидѣлъ двухъ моихъ товарищей арестованными полиціей. Мнѣ захотѣлось узнать за что ихъ задержали и съ вопросомъ о томъ обратился къ одному изъ полицейскихъ, но въ это самое время явился какой-то неизвѣстный господинъ, одѣтый въ длинное пальто, который впослѣдстіи оказался Фишеромъ и сказалъ мнѣ, нехочу-ли я войти на верхъ въ заведеніе Руднева гдѣ найду своихъ товарищей. Я согласился и мы вмѣстѣ съ Сергѣемъ П—нымъ вошли туда, гдѣ встрѣтились съ бра-

томъ П—на Владиміромъ, Б—гомъ и другими товарищами. Черезъ пять минутъ я и С. П—нъ, оставивъ товарищей, отправились домой, но когда П—нъ нанималъ извощика, въ это время кто-то ударилъ его, который пошатнулся и прислонился къ забору и вслѣдъ за тѣмъ я самъ получилъ жестокій ударъ въ голову и закричалъ „караулъ!“ Въ туже минуту мнѣ нанесли новый ударъ по темени. Падая отъ новаго удара я замѣтилъ, что Фишеръ замахнулся чѣмъ-то блестящимъ и послѣдовавшій за тѣмъ ударъ лишилъ меня чувствъ. Когда я пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что П—нъ и какій-то полицейскій прикладывали снѣгъ къ головѣ моей. Потомъ меня отправили въ кварталъ, оттуда въ часть, гдѣ частный врачъ сдѣлалъ мнѣ перевязку. Вслѣдствіи полученныхъ мною побоевъ, я двѣ недѣли былъ боленъ, да и теперь здоровье мое не совсѣмъ удовлетворительно“. Далѣе А—въ на предложенные ему вопросы отвѣчалъ, что фразы Руднева о пятиалтынномъ онъ неслыхалъ и что въ „Саратовѣ“, гдѣ онъ съ товарищами ужиналъ, никакой ссоры между ними и какими-то офицерами не происходило.

*Руднев*ъ. Въ этотъ вечеръ я былъ вмѣстѣ съ женою моею въ театрѣ. Пріѣхавъ оттуда въ крытой пролеткѣ, я далъ Епанешникову пятиалтын-

ный для передачи извощику. Потомъ, узнавъ, что во время нашего отсутствія произошелъ скандалъ и что объ этомъ въ нижнемъ этажѣ заведенія составляется актъ кварталанымъ надзиралетемъ Крушинскимъ, я пошелъ туда и все время былъ тамъ, никуда не отлучаясь.

Подсудимые Фишеръ и Епанешниковъ показали почти тоже. Потомъ былъ прочитанъ медицинскій осмотръ нанесенной А—ву раны и произведено чрезъ экспертовъ освидѣтельствованіе состоянія здоровья А—ва.

Авдотія Суворина или «Поля». Я никогда не говорила что у Руднева слово: дать пятиалтынный на чай, значитъ избить кого нибудь. Я ужь сама узнала объ этомъ послѣ отъ студентовъ. Послѣ того какъ все это у нихъ было я вскорѣ уѣхала въ Питеръ, а когда пріѣхала въ Москву и узнала, что г. слѣдователь не такъ записалъ мои слова, то я сейчасъ-же подала ему объявленіе". Далѣе она показывала, что объявленіе ей писалъ одинъ знакомый, который часто бывалъ въ заведеніи у нихъ въ гостяхъ и фамиліи котораго она не помнитъ; что слѣдователь не читалъ ей перваго показанія ея и крестовъ подъ нимъ она не ставила. Это показаніе свое она подтвердила присягою.

Квартальный надзиратель Крушинскій. 22 октября былъ я призванъ въ заведеніе Руднева для составленія акта о безобразіяхъ, произведенныхъ нѣкоторыми молодыми людьми, которые бросали мѣдные пятаки въ окна заведенія и выбили нѣсколько стеколъ. Актъ я составлялъ въ нижнемъ этажѣ заведенія. Во время составленія его, меня увѣдомили что къ частному врачу привезли какого-то студента съ проломленной головой. Окончивъ первый актъ, я сдѣлалъ дознаніе, но въ Соболевомъ переулкѣ, ничего не открылъ. Впослѣдствіи до моего свѣдѣнія дошло, что въ трактирѣ „Саратовъ“ была ссора и драка между нѣсколькими офицерами и молодыми людьми. Во все время составленія акта и Рудневъ и Епанешниковъ съ Фишеромъ находились въ одной комнатѣ со мною; выходили-ли изъ нея куда нибудь Епанешниковъ и Фишеръ я не помню. Крика на улицѣ не слыхалъ. Показаніе это г. Крушинскій подтвердилъ присягою. При сдѣланіи перекрестныхъ допросовъ, между тѣмъ оказалось разнорѣчіе между настоящимъ показаніемъ г. Крушинскаго и тѣмъ, которое дано было имъ судебнему слѣдователю. Въ показаніи своемъ онъ, Крушинскій, говорилъ, что при немъ находился безотлучно Епонешниковъ, а объ Рудневѣ не упоминалъ ни

слова. Сверхъ того обнаружилось, что рапортъ г. Крушинскаго (писанный его письмоводителемъ Коняевымъ) и объявленіе, поданное солдатской дочерью Суворинои слѣдователю, гдѣ она отрекается отъ перваго своего показанія,—писаны однимъ почеркомъ.

Слѣдователь Маевскій показалъ подъ присягой: „Я писалъ показаніе Суворинои съ ея словъ, потомъ прочиталъ ей его и она, по выслушаніи, поставила подъ нимъ сама лично три креста, такъ какъ грамотѣ не знаетъ. Суворина показаніе свое дѣлала совершенно свободно и я очень хорошо помню, что фразу Руднева о пятиалтынномъ она объясняла точно такъ, какъ записано въ ея показаніи.

Послѣ этого сдѣлана была очная ставка между г. Маевскимъ и Суворинои, при чемъ послѣдняя сказала, что можетъ быть ей и было читано показаніе ея и что можетъ быть она и поставила кресты подъ нимъ.

Свидѣтель студентъ З—фъ подъ присягой показалъ, что онъ вмѣстѣ съ товарищами 22 октября былъ въ „Саратовѣ“ и что возлѣ этого трактира никакой драки не было. Другой свидѣтель студентъ-же Б—гъ подъ присягой-же показалъ, что пріѣхалъ изъ заведенія Рудневой домой вмѣстѣ

съ Владим. П—мъ и дѣвушкой Полей. Въ разговорѣ между прочимъ Влад. П—мъ было упомянуто о Рудневской фразѣ: дать господамъ пятиалтынный на чай; при чемъ „Поля“ объяснила, что это на языкѣ Руднева значитъ побить кого нибудь. На очной ставкѣ Суворина осталась при послѣднемъ своемъ показаніи. Полицейскіе унтеръ-офицеры Абрамовъ и Ильинъ и ночной сторожъ Зыковъ показали подъ присягою согласно съ показаніемъ г. Крушинскаго, а извощикъ Пугачевъ показалъ, что никакихъ криковъ на улицѣ не слыхалъ; другой-же извощикъ Яковлевъ, безотлучно находившійся въ комнатѣ, гдѣ составлялся актъ, объяснилъ, что въ комнатѣ ни Руднева, ни Епанешникова не видалъ. Лакей въ заведеніи Рудневой Георгіевской подъ присягою сказалъ, что Рудневъ съ женой въ этотъ день дѣйствительно былъ въ театрѣ и онъ выносилъ извощику 15 копѣекъ, позвавши послѣдняго на верхъ. Противорѣчіе это съ показаніями Епанешникова и Руднева, Епанешниковъ объяснилъ тѣмъ, что Рудневъ могъ высылать деньги и черезъ него и черезъ Георгіевскаго т. е. два раза. Показанія остальныхъ свидѣтелей не представляютъ ничего особенно интереснаго, за исключеніемъ одного мѣщанина Бухтѣева, содержавшагося

въ тюремномъ замкѣ вмѣстѣ съ Епанешниковымъ, который говорилъ ему, свидѣтелю, что они избили А—ва и П—на въ заведеніи Рудневой, по приказанію мужа ея и что подобныя приказанія не рѣдкость.

Послѣ обвинительной рѣчи г. товарища прокурора и рѣчей повѣреннаго гражданскаго истца кн. Урусова и защитниковъ подсудимыхъ, присяжные признали всѣхъ трехъ виновными: Епанешникова и Фишера въ нанесеніи А—ву и П—ну побоевъ, а Руднева въ подстрекательствѣ.

Основываясь на этомъ, Судъ постановилъ: первыхъ двухъ на основаніи 1483 ст., къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ рабочій домъ: Фишера на годъ и четыре мѣсяца, а Епанешникова на годъ; Руднева-же, согласно 1494 ст., къ заключенію въ тюрьму на четыре мѣсяца.

9.

Дѣло В. И. Никитина и Скопина.

(Окружной судъ.)

3-го мая 1868 года въ седьмомъ часу по полудни титулярный совѣтникъ Василій Ивановичъ Никитинъ вошелъ въ камеру мироваго судьи Басман-

наго участка г. Скопина для полученія копіи съ рѣшенія по дѣлу его съ г. Бардинымъ. Въ то время въ камерѣ судьи находились занимавшіеся у него письмоводствомъ гг. Арбузовъ и Соколлъ и г-жа Козмина, пришедшая за дѣломъ. Мировой судья вышелъ въ камеру и, выдавъ Никитину просимую имъ копію, предложилъ ему не желаетъ ли онъ получить еще другую копію по дѣлу его съ г. Бардинымъ. Прочитавъ послѣднюю копію г. Никитинъ сказалъ судьѣ: „Это вы по 119 ст. что ли дѣйствуете?“ Судья въ отвѣтъ ему на это предложилъ взять копію на домъ. Никитинъ, возразивъ, что копія можетъ быть прислана къ нему, направился къ выходу, но по приказанію судьи былъ возвращенъ назадъ, Возвращаясь Никитинъ громко говорилъ, что его никто не имѣетъ права задерживать. Судья сказалъ: „Вы пьяны!“—Услыхавъ эти слова Никитинъ бросился въ судьѣ и ударилъ его по лицу два раза. Когда составлялся актъ объ этомъ произшествіи, то г. Никитинъ произносилъ разныя оскорбительныя слова, какъ относительно судьи г. Скопина, такъ и вообще относительно всѣхъ мировыхъ судей. Между прочимъ Никитинъ говорилъ, обращаясь къ публикѣ: „Мировые судьи думаютъ, что на нихъ и суда нѣтъ и потому, на основаніи 119 ст., могутъ и

человѣка зарѣзать!“ Потомъ, отворивши дверь въ комнату г. Скопина, гдѣ на столѣ былъ приготовленъ обѣдъ и стоялъ графинъ съ водкой, г. Никитинъ вскричалъ: „Посмотрите, господа, вотъ пьяница-то; а другихъ еще называетъ пьяницами!“ — Дѣло объ этомъ случаѣ разбиралось въ Московскомъ окружномъ судѣ 15 и 16-го ноября 1668 года, подъ предсѣдательствомъ г. товарища предсѣдателя Арсеньева и при членахъ суда гг. Линдротѣ и Устимовичѣ. На вопросъ предсѣдателя суда, признаетъ-ли Никитанъ себя виновнымъ въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ мировому судьѣ Скопину, Никитинъ отвѣчалъ: „Я дѣйствительно нанесъ оскорбленіе человѣку оскорбившему меня прежде; но я не зналъ что это мировой судья, которому я вовсе не хотѣлъ наносить оскорбленій.“ — Мировой судья Скопинъ противъ этого возразилъ между прочимъ, что Никитинъ не могъ не знать его, потому что при составленіи акта говорилъ: „Ты выбранъ мѣщанами да сапожниками и меня, дворянина, судить не смѣешь!“— Послѣ часоваго совѣщанія присяжныхъ засѣдателей, г. Никитинъ былъ призналъ виновнымъ въ оскорбленіи мироваго судьи г. Скопина дѣйствіемъ, и Судъ приговорилъ Никитина къ заключенію въ смирительномъ домѣ на восемь мѣсяцевъ съ огра-

ниченіемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ согласно 50 ст. Улож. о наказ.

10 — 11.

I. Дѣло о шумѣ и безпорядкахъ, произведенныхъ въ Московскомъ большомъ театрѣ студентама университета: Діатроповымъ, Тростянскимъ, Харитоновымъ, дворянами Сипягинымъ, Шумаровскимъ, Хлуденевымъ, фармацевтомъ Юкельсонъ и штабсъ-капитаномъ Травинымъ. II. Дѣло по аппеляціонному отзыву пристава Яузской части Врубеля въ мировой съѣздъ на рѣшеніе мироваго судьи по дѣлу о безпорядкахъ въ театрѣ.

(Мировой судъ.)

I.

1868 года 22 мая у г. мироваго судьи Смоленскаго участка разбиралось дѣло по отношенію полиціи о произведенныхъ 14 ноября 1867 года въ Большомъ театрѣ гг. Діатроповымъ, Тростянскимъ, Харитоновымъ, Сипягинымъ, Шумаровскимъ, Хлуденевымъ, Юкельсонъ и Травинымъ безпорядкахъ. На судъ всѣ обвиняемые, кромѣ гг. Хлуденева и Сипягина, явились; защитникомъ ихъ былъ кандидатъ правъ Зоринъ. Безпорядки произведенные поименованными лицами заключались по заявленію полиціи въ томъ, что они неумѣренно аплодировали артисткѣ Оноре, вызывали ее, при чемъ эти аплодисменты и вызовы сопровождались шумомъ и криками.

Дѣло это разсматривалось прежде, именно 3-го февраля у мироваго судьи Тверскаго участка, который приговорилъ подсудимыхъ къ штрафу въ 15 рублей или къ аресту на 3 дня каждаго. Этимъ рѣшеніемъ обвиненные остались недовольны и принесли жалобу въ мировой съѣздъ 1-го округа, который, руководствуясь 50 и 1 ст. Уст. уг. суд., опредѣлилъ приговоръ мироваго судьи Тверскаго участка отмѣнить и дѣло объ этомъ передать мировому судьѣ Смоленскаго участка.

Судья, прочитавъ отношеніе пристава Яузской части г. Врубеля, въ которомъ между прочимъ г. Врубель старался доказать, что отсутствіе полицейскаго дознанія и акта по настоящему дѣлу не можетъ служить препятствіемъ къ его разбирательству, обратился къ защитнику обвиняемыхъ съ вопросомъ: что можетъ сказать онъ противъ этого.

Защитникъ обвиняемыхъ г. Зоринъ. Хотя довѣрители мои на основаніи 930 ст. Уст. уг. суд. и имѣли-бы полное право просить о прекращеніи разбирательства, но они отказываются отъ этого права.

Судья приступилъ къ разбирательству дѣла и, по просьбѣ депутата отъ полиціи, спросилъ обвиняемыхъ: признаютъ-ли они себя виновными въ проступкѣ, изложенномъ въ полицейскомъ сообщеніи; на это г. Зоринъ попросилъ чтобы са-

мое обвиненіе было выражено яснѣе. Депутатъ отъ полиціи объяснилъ, что обвиненіе довѣрителей г. Зорина заключается въ томъ, что они 14 ноября неумѣренно аплодировали актрисѣ Оноре, вызывали ее и вообще производили въ театрѣ безпорядки; за тѣмъ г. депутатъ просилъ допросить свидѣтелей со стороны полиціи.

Судья спросилъ: признаютъ-ли себя виновными обвиняемые въ произведеніи безпорядковъ въ театрѣ.

Г. Зоринъ. Я не понимаю какія аплодисменты и вызовы считаются умѣренными и какіе—не умѣренными, такъ какъ въ законахъ нѣтъ на этотъ предметъ указаній, и прошу г. депутата отъ полиціи объяснить мнѣ мое недоумѣніе.

Депутатъ отъ полиціи отвѣчалъ, что обвиняемые аплодировали не только въ антрактахъ, но и во время представленія; при чемъ кричали и шумѣли.

Свидѣтели со стороны полиціи, дали показанія разнорѣчивыя, хотя и подтверждали сущность обвиненія.

Свидѣтели со стороны обвиняемыхъ показали, что никакого особеннаго шума въ театрѣ не было и порядокъ ничѣмъ нарушаемъ не былъ.

Депутатъ отъ полиціи добавилъ къ прежнему, что свидѣтели со стороны полиціи не могутъ упомнить за давностію времени всѣхъ обстоя-

тельствъ въ точности; но что они все-таки показываютъ что обвиняемые производили въ театрѣ безпорядокъ, а потому и просилъ подвергнуть ихъ взысканію по 39 ст. Уст. о наказ.

Защитникъ Зоринъ доказывалъ, что довѣрители его не совершили никакого проступка, который составлялъ бы нарушеніе какого-либо закона.

Мировой судья, руководствуясь 119 и п. 1. 177 ст. Уст. уг. суд. постановилъ: признать обвиняемыхъ по суду оправданными.

Выслушавъ это опредѣленіе защитникъ оправданныхъ заявилъ судьѣ объ искѣ съ лица, виновнаго въ начатіи этого дѣла, за понесенные довѣрителями его вредъ и убытки по 25 р. на каждаго, а всего 150 р., которыя деньги просилъ обратить въ пользу голодающихъ.

II.

Приставъ Яузской части г. Врубель принесъ апелляціонный отзывъ въ первый Округъ Мироваго Съѣзда. Въ отзывѣ этомъ г. Врубель между прочимъ говорилъ, что г. мировой судья прервалъ чтеніе отношенія его, Врубеля, замѣчаніемъ, что во многихъ мѣстахъ того отношенія встрѣчаются безсмысленныя выраженія; что при разбирательствѣ этого дѣла онъ допустилъ односторонность и неправильность. нарушилъ равенство шансовъ

обвиненія и защиты и даже превысилъ свою власть; а въ заключеніе всего указывалъ на отказъ судьею принять его отзывъ помимо прокурорскаго надзора и что отзывъ этотъ, поступившій къ судьѣ 4 іюня, помѣченъ былъ имъ 6-мъ числомъ того мѣсяца.

Въ объясненіи г. мироваго судьи Смоленскаго участка было сказано, что отзывъ возвращенъ г. Врубелю 7 іюня при отношеніи, на основаніи 146 ст. Уст. уг. суд.; что отсутствіе смысла въ отношеніи г. Врубеля могло произойдти отъ малограмотности переписчика и что въ замѣчаніи объ этомъ нѣтъ ничего оскорбительнаго для него, г. Врубель, что никакого нарушенія шансовъ обвиненія и защиты, а также односторонности и неправильностей не было и что г. Врубель не объяснилъ даже чѣмъ и какъ онъ, судья, превысилъ данную ему власть.

Г. товарищъ прокурора далъ заключеніе приблизительно слѣдующаго содержанія: согласно 146 ст. Уст. уг. суд., полиція, заявивъ неудовольствіе, представляетъ свой отзывъ прокурорскому надзору; по дѣламъ-же благоустройства и благочинія предоставляется право руководствоваться ст. 1186—1191. По ст. 1189 предоставляется казеннымъ управленіямъ право отзыва безъ ограниченія. Находя, что порядокъ такой по проступ-

камъ противъ благоустройства и благочинія допускается закономъ какъ исключеніе, заключилъ онъ я полагаю, что полиція по такимъ дѣламъ имѣетъ право дѣлать отзывы помимо прокурорскаго надзора. При этомъ г. товарищъ прокурора сослался на рѣшенія касаціоннаго департамента сената подъ №№ 24 и 78.

Судъ опредѣлилъ на основаніи 146, 152, 127 и 170 ст. и рѣшенія касаціоннаго уголовнаго департамента, за № 98-мъ, жалобу подполковника Врубеля оставить безъ уваженія.

12.

Дѣло о дракѣ между перевозчиками черезъ Москву-рѣку и нѣсколькими молодыми людьми.

(Мировой судъ.)

У мироваго судьи Хамовническаго участка 4-го іюня 1868 года разбиралось дѣло по обвиненію полиціи о дракѣ и безобразіяхъ, произшедшихъ на Воробьевыхъ горахъ между г.г. Новопашеннымъ, Воронецкимъ и Москвинымъ и перевозчиками чрезъ Москву-рѣку Лукинымъ и Петровымъ.

На судъ явились какъ отвѣтчики, такъ и депутаты отъ полиціи.

Судья (депутату отъ полиціи). Такъ какъ ни отъ кого жалобы о личномъ оскорбленіи или побояхъ непослѣдовали, то я прошу васъ объяснить

въ чемъ заключается обвиненіе этихъ лицъ со стороны полиціи.

Депутатъ отъ полиціи. Они обвиняются въ общей дракѣ на Воробьевыхъ горахъ, т. е. въ публичномъ мѣстѣ, посѣщаемомъ для прогулки московскою публикою.

Судья (г. Новопашенному). Скажите прежде вы: принимали-ли вы участіе въ этой дракѣ.

Новопашенный. Я защищался только отъ перевозчиковъ, которые на насъ напали.

Судья. За что же они напали на васъ?

Новопашенный. Мы наняли лодку за рубль серебромъ у Крымскаго моста и деньги заплатили впередъ. Мы прогуляли на Воробьевыхъ горахъ до поздняго вечера, потомъ хотѣли отправиться домой, хватились лодки, а ея нѣтъ. Я сталъ просить лодку у перевозчика Петрова, а онъ пользуясь нашимъ непріятнымъ положеніемъ, запросилъ съ насъ два рубля серебромъ; это показалось мнѣ и недобросовѣстнымъ, и обиднымъ: я сталъ настаивать, тогда онъ толкнулъ меня въ воду, изъ этого и вышла драка.

Судья. Лодка, за которую вы заплатили впередъ деньги, принадлежала другому перевозчику, а не Петрову, который не былъ обязанъ везти васъ къ Крымскому мосту и стало быть могъ запрашивать за доставленіе васъ туда какую угодно

ему цѣну. (г. Воронецкому). Вы тоже принимали участіе въ дракѣ?

Воронецкій. Дѣйствительно такъ. Мы всѣ защищались отъ нападенія на насъ лодочниковъ, но сами прежде никого не трогали.

Судья (г. Москвину). И вы тоже?

Москвинъ. Я хотѣлъ было защищать моихъ товарищей, но вдругъ кто-то ударилъ меня такъ сильно, что я упалъ безъ чувствъ, и не помню что было далѣе.

Судья (лодочнику Петрову). Ты здѣсь за чѣмъ былъ?

Петровъ. У нихъ лодку увезъ хозяинъ ея, а они стали требовать у меня лодки, я имъ и говорю: коли хотите ѣхать давайте мнѣ 2 рубля.

Судья. Но ты учтиво отвѣчалъ имъ?

Петровъ. Даже оченно учтиво; а вотъ этотъ самый баринъ (указываетъ на Новопашеннаго) меня разъ палкой—ну, тутъ и пошла свалка.

Судья (хозяину перевоза Лукину). Ты тоже принималъ участіе въ дракѣ?

Лукинъ. Помилуйте, я увидалъ бьютъ эти господа моего работника и бросился къ нему на выручку, а меня самого кто-то палкой изо всей силы хватилъ, я и давай Богъ ноги бѣжать.

Свидѣтели діаконъ Архангельскій и унтеръ-офицеръ Голубевъ показали: первый — что слы-

шалъ шумъ и увидѣлъ какъ изъ шумѣвшей толпы выскочилъ Лукинъ съ окровавленной головой; а второй—что слышалъ только шумъ и брань.

Судья постановилъ: всѣхъ обвиняемыхъ подвергнуть денежному взысканію въ размѣрѣ одного рубля серебромъ, на основаніи 119 ст. Уст. уг. суд. и 38 ст. Уст. о наказ., за нарушеніе общественной тишины и приличія въ публичномъ мѣстѣ.

13 и 14.

I. Дѣло купца Полякова. II. Объ Армянинѣ Маркаловѣ.

(Мировой судъ.)

У г. мироваго судьи Городскаго участка 27-го іюня разбирались между прочимъ слѣдующія дѣла.

I.

Купецъ Поляковъ занимающійся разными коммиссіями по порученіямъ частныхъ лицъ, принесъ жалобу на г. Рожнова въ томъ, что этотъ послѣдній поручилъ ему, Полякову, пріискать для покупки хорошій домъ и за труды его обѣщалъ заплатить 375 руб. Поляковъ рекомендовалъ ему домъ г. Кочегарова, который понравился г. Рожнову и былъ купленъ имъ, но г. Поляковъ за труды свои получилъ вмѣсто 375 р., ему обѣщанныхъ, только 102 руб., а потому онъ и просилъ

взыскать съ г. Рожнова остальные 273 р. Поляковъ—низенькій, сѣдой старикъ, одѣтъ покупечески, говоритъ громко, съ жестикуляціей. Рожновъ высокій, видный мужчина. Судья, прочитавъ прошеніе истца, обратился къ г. Рожнову съ вопросомъ: признаетъ ли онъ себя должнымъ г. Полякову требуемую имъ сумму?

Рожновъ:—Нѣтъ г. судья, ничего я ему не долженъ.

Судья, къ Полякову:—Чѣмъ можете вы доказать свой искъ? Есть ли у васъ условіе, или другой письменный документъ?

Поляковъ:—Никакого условія нѣтъ, а свидѣтели есть, да и самъ г. Рожновъ благороднѣйшій человѣкъ! Онъ вѣдь говоритъ это только такъ,—я его знаю.

Рожновъ:—Помилуйте, г. судья, онъ у меня руки цѣловалъ, когда я ему далъ сто рублей, а теперь вотъ жалуется.

Поляковъ:—Что же.... я человѣкъ бѣдный; хотите что-ли, чтобы я голымъ совсѣмъ остался.

Оба тяжущіеся начинаютъ говорить вмѣстѣ; понять ихъ дѣлается трудно. Судья призываетъ ихъ къ порядку: — Не желаете ли вы, господа, сойтись какъ-нибудь полюбовно, чтобы кончить это дѣло миромъ?

Рожновъ:— Я нисколько не признаю себя должнымъ г. Полякову и потому ни на какую сдѣлку съ нимъ не пойду.

Судья, руководствуясь 2,224 ст. X т. 1 ч. и 409 ст. Уст. гр. суд., постановилъ Полякову въ искѣ отказать.

II.

Почти вслѣдъ за этимъ дѣломъ разбиралось дѣло купцовъ Майкова, Струкова и Шувалова съ купеческимъ сыномъ, армяниномъ Григоріемъ Ив. Маркаловымъ. Обстоятельства этого дѣла слѣдующія: Маркаловъ или Макаровъ забралъ у сказанныхъ купцовъ товару на 436 р. 11 к. будто бы по довѣренности своего отца на наличныя деньги, которыя обѣщалъ заплатить немедленно. Прошло нѣсколько дней, но продавцы никакой уплаты не получили; а потому они обратились къ мировому судьѣ. На разбирательствѣ Маркаловъ далъ честное слово заплатить кредиторамъ въ самомъ скоромъ времени, но опять не сдержалъ обѣщанія, а товаръ былъ уже сбытъ имъ. Тогда г. Майковъ съ товарищами снова обратились къ мировому судьѣ и Маркаловъ опять призванъ къ суду. Маркаловъ — молодой человѣкъ, брюнетъ, щегольски одѣтый.

Судья: — Что же вы, господинъ Маркаловъ, не платите имъ денегъ?

Маркаловъ: — Мнѣ самому многіе должны, болѣе 5 тыс. р. должны, а эти 400 р. я отдамъ имъ можетъ быть завтра.

Судья:—Вы уже обѣщались разъ и не исполнили своего обѣщанія.

Маркаловъ: — Какъ быть, когда мнѣ самому не платятъ.

Судья:—Вы торгуете?

Маркаловъ:—Нѣтъ.

Судья:—Ну а капиталъ вы вносите?

Маркаловъ:—Нѣтъ, батюшка мой его взноситъ,— я купеческій сынъ.

Судья:—Товаръ у этихъ купцовъ брали вы по довѣренности отъ батюшки?

Маркаловъ:—Точно такъ, бралъ.

Судья: — Позвольте мнѣ взглянуть на эту довѣренность?

Маркаловъ:—Можете.

Судья:—Гдѣ же эта довѣренность?

Маркаловъ:—Извините; я такъ бралъ, по словесному довѣрію.

Судья:—А знаете, молодой человѣкъ, что вашъ поступокъ съ этими купцами относится къ категоріи мошенничествъ?

Маркаловъ: — Помилуйте, г. судья, я имѣлъ не какихъ-нибудь четыреста руб., мнѣ самому предстоятъ вотъ значительныя полученія... мнѣ очень обидно...

Судья:—Какъ же прикажете назвать вашъ поступокъ? Кстати вотъ я еще получилъ увѣдомленіе, что вы привлечены къ уголовной отвѣтственности мировымъ судьею Стрѣлецкаго участка. Скажите, за что это?

Маркаловъ: — Не знаю-съ, можетъ быть такъ что-нибудь,—отвѣтилъ онъ тихимъ голосомъ.

Судья: — какъ же это такъ? Хорошо; ну а по какому дѣлу вы находитесь подъ слѣдствіемъ у судебнаго слѣдователя 3-го участка г. Москвы.

Маркаловъ: — Это должно быть объ оскорбленіи полиціи. Я былъ на гуляньѣ, спросилъ у квартальнаго гдѣ моя коляска, а онъ счелъ это за оскорбленіе.

Судья:—Дѣло ваше мнѣ неподсудно, я долженъ передать его судебному слѣдователю, а васъ подвергнуть личному задержанію при городскомъ частномъ домѣ.

Маркаловъ:—Помилуйте, г. судья, если вы меня арестуете, какимъ же образомъ я могу расплатиться съ моими кредиторами! Мнѣ самому предстоятъ разныя полученія; стоитъ только съѣздить

въ Нижній, или подождать можетъ быть не далѣе какъ до завтра.

Судья:—Если угодно, заплатите сей-часъ.

Маркаловъ:—Сей-часъ, гдѣ же я возьму? помилуйте!

Судья:—Ну, довольно. Спустя нѣкоторое время судья прочелъ свое рѣшеніе, по которому дѣло объ упомянутомъ армянинѣ, судимомъ за обманные поступки, по суммѣ обмана превышающей 300 р., согласно 173 и 174 ст. Уст. о наказ., 33 117 ст. Уст. угол. суд., онъ считаетъ себѣ неподсуднымъ, а потому полагаетъ передать его судебному слѣдователю, а самого подсудимаго подвергнуть аресту при городскомъ частномъ домѣ.

15 и 16.

Дѣло о взаимныхъ оскорбленіяхъ между г. г. Красильниковымъ, Доримедонтовой, Горскимъ и Шебалинымъ.

(Мировой Судъ.)

9 іюля 1868 г. у мироваго судьи арбатскаго участка производились два дѣла, столь тѣсно между собою связанныя, что рѣшительно невозможно раздѣлить ихъ.

Коллежскій секретарь Н. И. Красильниковъ (слу-

жащій въ межевой канцеляріи и носящій полувоенный мундиръ) принесъ жалобу, которую мы приведемъ вкратцѣ. 15 іюля пришелъ онъ въ гости къ временной купчихѣ А. А. Доримедонтовой, живущей въ своемъ домѣ, арбатской части 5 квартала. У нея онъ засталъ гг. Гиммельмановъ—отца и сына и г. Горскаго. Между ними завязался общій разговоръ о случившейся 1 іюня въ квартирѣ г-жи Доримедонтовой ссорѣ между г. Горскимъ и подпоручикомъ г. Шебалинымъ (помощникомъ надзирателя 5 квартала арбатской части), о чемъ г. Горскимъ, какъ обиженнымъ, было заявлено мировому судьѣ. При этомъ Доримедонтова просила Красильникова, какъ очевидца помянутой ссоры, быть свидѣтелемъ въ пользу Горскаго. Красильниковъ не согласился и за то г-жа Доримедонтова назвала его негодяемъ и бранила другими неприличными словами. Вслѣдствіе этого онъ проситъ поступить съ Доримедонтовою по закону за оскорбленіе его „чина и мундира“. Въ доказательство справедливости своей жалобы онъ сослался на Гиммельмановъ. Вотъ суть дѣла, какъ мы поняли изъ просьбы Красильникова, написанной не совсѣмъ толково.

Г. Красильниковъ явился на судъ вмѣстѣ съ своимъ адвокатомъ—присяжнымъ стряпчимъ ком-

мерческаго суда г. Постниковымъ; отвѣтчица Доримедонтова явилась одна.

По прочтеніи жалобы Красильникова и полицейскаго акта, судья приступилъ къ разбирательству дѣла.

Судья (къ отвѣтчицѣ). Признаете ли вы себя виновною въ оскорбленіи словами г. Красильникова.

Доримедонтова. Все это не такъ, г. судья. Красильниковъ сказалъ, что онъ готовъ дать 10—20 лживыхъ присягъ, лишь бы отстоять русскаго противъ поляка или нѣмца, которыхъ онъ не-навидитъ; я и говорю ему: послѣ этого вы низкій человѣкъ коли способны играть своей совѣстью.

Судья приступилъ къ допросу свидѣтелей.

Г. Гиммельманъ отецъ на вопросы гг. судьи и повѣреннаго г. Красильникова показалъ слѣдующее: Разговоръ у насъ былъ о скандалѣ, случившемся 1 іюня въ квартирѣ г. Доримедонтовой. Я знаю, что Красильниковъ прежде былъ на сторонѣ Горскаго; а тутъ вдругъ сталъ защищать Шебалина и между прочимъ сказалъ, что готовъ дать 20 фальшивыхъ присягъ для защиты русскаго; что всѣхъ поляковъ и нѣмцевъ надо выгнать изъ Россіи. На это Доримедонтова и сказала: Я не знала, что вы такой безчестный человѣкъ.

Постниковъ (судьѣ). Кромѣ оскорбленія словами г. Доримедонтова, стращала г. Красильникова, что если онъ не станетъ на сторону Горскаго, съ которымъ она находится въ дружескихъ отношеніяхъ, то она поѣдетъ къ его начальнику и постарается передъ нимъ очернить его, Красильникова. Угроза эта ею была приведена въ исполненіе.

Судья (Гиммельману). Вы не слыхали ничего объ этомъ?

Гимм. Ничего. Этого и не было вовсе.

Красильниковъ. Какъ небыло! Сама г. Доримедонтова скажетъ что было.

Доримедонт. Да, это было, г. судья; но совсѣмъ по другому дѣлу.

Гиммельманъ говоритъ: фуй! и пожимаетъ плечами.

Доримедонт. (Гиммельм.). Вы можетъ быть позабыли это. (Судьѣ). Это изволите видѣть было по какому дѣлу. Красильниковъ насильно ворвался ко мнѣ въ комнату, когда я была не совсѣмъ еще одѣта. Я говорю ему: Какъ вы смѣете! а онъ говоритъ: Велика важность! Я и велѣла его выгнать, а потомъ поѣхала жаловаться къ его начальнику.

Красильн. Это выдумки все.

Гиммельманъ сынъ показалъ вполнѣ согласно съ показаніемъ своего отца. Между прочимъ онъ выразился такъ: Красильниковъ хотѣлъ налгать, хотѣлъ дать лживую присягу: за то его и назвали безчестнымъ. Повѣренный Красильникова попросилъ занести эти слова въ протоколъ. Въ этихъ словахъ, сказалъ онъ, заключается оскорбленіе моего довѣрителя передъ судомъ и сверхъ того явное противорѣчіе: Доримедонтова говоритъ, что она назвала моего довѣрителя низкимъ человѣкомъ, а Гиммельманы показываютъ, что она назвала его безчестнымъ человѣкомъ. Наконецъ Гиммельманъ сынъ нанесъ оскорбленіе Красильникову даже при составленіи акта: онъ хотѣлъ дать моему довѣрителю въ морду, о чемъ и заявлено моимъ довѣрителемъ въ подписи подъ актомъ. Судья прочитываетъ это заявленіе.

Гимм. сынъ. Я сказалъ, что я бы далъ тому въ морду, кто осмѣлился-бы при мнѣ чернить дочь г-жи Доримедонтовой. А я слышалъ, что Красильниковъ позволяетъ себѣ это.

Пост. Наконецъ, г. судья, я прошу васъ спросить еще г. Шебалина и дочь г-жи Доримедонтовой.

Судья. Но эти два лица не были упомянуты въ жалобѣ вашего довѣрителя какъ свидѣтели.

Постн. Въ качествѣ повѣреннаго обвинителя я могу просить васъ теперь спросить ихъ, тѣмъ болѣе что они здѣсь.

Судья. Развѣ Шебалинъ былъ при ссорѣ?

Постн. Онъ былъ при совершеніи акта.

Судья. Такъ что-же?

Постн. А въ актѣ вкрались ошибки. Потрудитесь прочитать его снова.

Судья. Нѣтъ ужь потрудитесь сами, я и такъ читалъ его два раза.

Г. Постниковъ читаетъ актъ сначала до конца.

Судья. Какія-же ошибки находите вы въ немъ?

Постн. Это мое личное убѣжденіе; но я все таки прошу спросить двухъ помянутыхъ лицъ въ качествѣ свидѣтелей.

Судья. Во 1-хъ, дочь г-жи Доримедонтовой вовсе не участвовала въ ссорѣ и при томъ, какъ дочь она едвали покажетъ противъ своей матери; во 2-хъ, г. Шебалинъ тоже не былъ при вашей ссорѣ и самъ онъ есть лице, прикосновенное къ этому дѣлу; а потому и спросъ ихъ я почитаю излишнимъ, тѣмъ болѣе, что они и не были упомянуты вашимъ довѣрителемъ въ жалобѣ какъ свидѣтели.

Постн. Я протестую.

Судья. Можете. Подъ актомъ подписался квартальный надзиратель г. Ларіоновъ. Если угодно, то можно спросить его: онъ тоже здѣсь.

Г. Постниковъ соглашается. Является г. Ларіоновъ и показываетъ, что дѣйствительно при составленіи акта начался было крупный разговоръ между Красильниковымъ и Гиммельманомъ сыномъ; но онъ, замѣтивъ это, тотчасъ попросилъ ихъ не нарушать порядокъ, и они повиновались. Никакихъ упущеній или ошибокъ въ актѣ нѣтъ, ибо въ противномъ случаѣ это было бы оговорено одною изъ сторонъ.

Постн. Что же касается до Гиммельмановъ, то нужно замѣтить, что они находятся съ Доримедонтовою въ интимныхъ отношеніяхъ.

Судья. Въ какихъ-же?

Постн. Помилуйте, въ рожу хотѣли дать.

Судья. Ну, довольно-съ, я считаю...

Постн. (перебиваетъ) Нѣтъ-съ, позвольте.

Судья. Рѣчь хотите говорить?

Постн. Да-съ.

Судья. Извольте.

Г. Постниковъ началъ говорить обвинительную рѣчь, довольно длинную и патетическую, онъ говоритъ, что свидѣтели показываютъ, противъ его довѣрителя умышленно, потому что находятся въ

интимныхъ отношеніяхъ съ обвиняемою; что подобный случай былъ предвидимъ его довѣрителемъ; но онъ, не смотря на то, все таки выставилъ ихъ свидѣтелями ибо, будучи самъ честнымъ человѣкомъ, онъ слишкомъ вѣрилъ въ человѣческую совѣсть... Но тутъ внезапно голосъ Постникова прервался. Г. судья, сказалъ онъ, я не могу кончить рѣчи: *плюются*!

Судья (приподнимается съ мѣста изумленно). Кто же, вы вѣдь передомною стоите, кажется?

Постн. Да свидѣтели сзади.

Судья (успокоиваясь). Ну, вѣдь это не на васъ. Продолжайте.

Г. Постниковъ заключилъ свою рѣчь тѣмъ, что просилъ поступить съ Доримедонтовой на основаніи 130 ст. уст. о нак.

Г. Судья постановилъ рѣшеніе: г. Красильникову въ жалобѣ его на Доримедонтову по бездоказательности отказать.

Послѣ небольшаго отдыха началось дѣло объ оскорбленіи подпорудчикомъ Шебалинымъ г. Горскаго. Повѣреннымъ обвинителя Горскаго былъ кандидатъ правъ г. Плевако; защитникомъ обвиняемаго былъ присяжный повѣренный г. Фальковскій. Судья прочелъ обвиненіе, заключающееся въ слѣдующемъ: 1 іюня въ квартирѣ г-жи Дори-

медонтовой г. Шебалинъ игралъ въ карты вмѣстѣ съ г. Красильниковымъ; тутъ же былъ и г. Горскій. Шебалинъ, проигравшись въ карты и, желая сорвать на комъ нибудь зло, началъ привязываться къ г. Горскому, потомъ вошелъ въ азартъ, сталъ называть его шуллеромъ, ссыльнымъ, подлецомъ; спрашивалъ есть-ли у него что ѣсть; наконецъ схватилъ Горскаго за бортъ сюртука, грозя выбросить его за окно; обнажилъ саблю и вызывалъ его на дуэль. Г. Фальковскій объявилъ что довѣритель его, г. Шебалинъ, не признаетъ себя виновнымъ во взводимомъ на него проступкѣ, а потому и проситъ произвести слѣдствіе. Свидѣтелями обвиненія были: г. Красильниковъ, Гиммельманъ, отецъ, Доримедонтова, Прасковья Терентьева, дворникъ и плотникъ. Г. Фальковскій дѣлаетъ отводъ Доримедонтовой на томъ основаніи, что Горскій ходатайствовалъ по дѣламъ Доримедонтовой, а потому по силѣ 3 п. 96 ст. уст. угол. суд. она и не можетъ быть допущена къ свидѣтельству. Г. Плевако возразилъ на это, что управленіе дѣлами и ходатайство по дѣламъ—двѣ вещи разныя; сослался при этомъ на рѣшеніе кассаціоннаго департамента сената и просилъ Доримедонтову къ свидѣтельству допустить.

Фальков. Сверхъ того они находятся между собою въ дружескихъ отношеніяхъ.

Плев. Это ничего не значитъ,

Судья читаетъ 96 статью уст. угол. судопр.

Фальков. Мнѣ кажется одно, что показанія ея не могутъ быть безпристрастны; впрочемъ, пожалуй, спрашивайте. Но г. Гиммельмана допустить нельзя, потому что онъ былъ уже спрашиваемъ по предъидущему дѣлу и наконецъ онъ отецъ жениха дочери г-жи Доримедонтовой.

Судія. Но его можно спросить безъ присяги. Г. Плевако объяснилъ, что показанія Гиммельмана отца нужны ему для соображенія. Г. Фальковскій просилъ только записать его заявленіе.

Свидѣтелями со стороны г. Шебалина были: г. Дромашко и крестьянинъ Иванъ Ивановъ. Г. Плевако отвода имъ не предъявилъ.

Свидѣтели со стороны обвиненія показали почти тоже самое, что значилось въ жалобѣ г. Горскаго; за исключеніемъ плотника, который сказалъ, что слышалъ лишь крупный разговоръ, и Красильникова, показавшаго, что г-жа Доримедонтова зазвала сама г. Шебалина къ себѣ; что г. Горскій сталъ требовать отъ него 700 р., будто бы проигранныхъ имъ въ карты, тогда какъ онъ, Шебалинъ, игралъ съ нимъ, Красиль-

никовымъ въ шутку: на мѣлокъ, а не на деньги, и что Горскій нанесъ оскорбленіе г. Шебалину словами: ты служишь по полиціи офицеръ, а не можешь заплатить дамѣ долга. Послѣ этого ты подлецъ!

Свидѣтель со стороны защиты г. Дромашко показалъ лишь то, что Горскій угрожалъ г. Шебалину выгнать его изъ полиціи, Другой свидѣтель Иванъ Ивановъ, хотѣвшій доказать о нѣкоторыхъ отношеніяхъ, существующихъ между г-жею Доримедонтовою и г. Горскимъ, былъ отклоненъ отъ дачи показаній обѣими сторонами. Г. Плевако замѣтилъ, что г. Дромашко показалъ объ обстоятельствѣ, вовсе не идущемъ къ настоящему дѣлу. Г. Фальковскій сказалъ, что показанія со стороны обвиненія разнорѣчивы.

Такъ какъ было уже 8 ч. вечера, то г. судья отложилъ это дѣло до слѣдующаго дня.

На слѣдующій день, т. е. 10 числа въ 5 ч. по полудни началось продолженіе разбирательства по этому дѣлу.

Судья. Гг., я считаю дѣло достаточно разъясненнымъ; остается лишь вамъ г. Плевако формулировать обвиненіе, а вамъ, г. Фальковскій произнести защиту.

Рѣчь г. Плевако была слѣдующаго содержанія.

Горскій заявилъ вамъ г. судья, что г. Шебалинъ безъ всякаго повода оскорбилъ его словами и дѣйствіемъ, выразивъ послѣднее оскорбленіе въ хватаніи его за воротъ и въ обнаженіи сабли.

Слѣдствіе, которое мы произвели вчера, дало достаточно данныхъ, чтобы признать жалобу основательной.

Доримедонтова, свидѣтельница, готовая присягой подтвердить слова свои, сказала: что Горскій не игралъ въ карты, такъ какъ никогда не игралъ и поводовъ къ непріятности не далъ, но Шебалинъ, срывая свою неудачу по игрѣ съ Красильниковымъ, нагло оскорблялъ Горскаго. Сначала слова: ссыльный, подлецъ и другія..... какими богатъ русскій языкъ, когда разойдется русская натура, посыпались на Горскаго. Ошеломленный оскорбленіемъ, онъ только просилъ повторить слова эти завтра, безъ дамъ, а не оскорблять его въ присутствіи людей, которыми онъ дорожитъ. Но Шебалинъ разошелся. Послышались иныя рѣчи, задѣвающія глубоко душу. Шебалинъ глумился надъ бѣдностью Горскаго. Есть-ли у васъ что ѣсть, есть ли копѣйка у васъ за душей, жрать вамъ нечего.... вотъ образцы втораго рода оскорбленій. Но и это не все. Пошелъ въ ходъ національный предразсудокъ: Горскаго

обозвалъ полякомъ, котораго повѣсить мало. На этомъ свидѣтельница кончила свои показанія, далѣе ей сдѣлалось дурно, она ушла и слѣдовательно не видала и не слыхала продолженія ссоры. Въ комнатѣ, гдѣ игра смѣнилась ссорой, была еще молчаливая свидѣтельница факта—прислуга Прасковья. Она оставалась и по уходѣ Доримедонтовой. Естественно, что она видѣла и слышала то, что видѣла и слышала Доримедонтова, да сверхъ того то, что происходило послѣ. Подтвердивъ ругательства Шебалина, подтвердивъ, что Горскій отвѣчалъ одно: „*скажите завтра ваши слова, Шебалинъ,*“ она добавила: Шебалинъ потомъ вызывалъ Горскаго на дуэль, обнажилъ шпагу, толкалъ его. Эти добавленія, какія сдѣлала Прасковья сравнительно съ тѣмъ, что показала Доримедонтова, заставляютъ повѣреннаго обвиняемаго указать вамъ на противорѣчія въ ихъ показаніи. Но противорѣчія тутъ нѣтъ, а есть различіе. А въ этомъ большая разница. Когда два свидѣтеля повѣтствуютъ объ одномъ и томъ же событіи два различные разсказа—вотъ противорѣчіе. Но когда они говорятъ—одинъ про часть, а другой про все событіе, потому, что одинъ былъ въ началѣ его, другой видѣлъ все—тутъ нѣтъ противорѣчія. Подобно Прасковьѣ, свидѣтель—дворникъ

Доримедонтовой неподтверждаетъ всего сказаннаго Доримедонтовой и Прасковьей, а только свидѣтельствуетъ, что видѣлъ, какъ г. Шебалинъ бралъ Горскаго за сюртукъ. Что видѣлъ—то онъ и говоритъ, а предшествующаго онъ не знаетъ, потому, что за нимъ прибѣжала Прасковья въ концѣ исторіи.

Былъ свидѣтель *плотникъ*. Онъ сказалъ, что вошелъ вмѣстѣ съ дворникомъ, но того, что видѣлъ дворникъ, онъ неподтвердилъ. Г. защитникъ видитъ тутъ противорѣчія, что онъ вчера замѣтилъ. Но если припомнитъ, что дворникъ ушелъ прежде, а плотникъ, будучи разбуженъ, одѣвался, то понятно, что онъ пришелъ нѣсколько позднѣе. Плотникъ это самъ разъяснилъ. Слово „пришли мы вмѣстѣ“ по его собственному разъясненію, имъ сказаны „къ слову“ приблизительно. Вотъ главное основаніе обвиненія. Точность, согласіе, отсутствіе непримиримыхъ противорѣчій въ словахъ свидѣтелей даютъ обвиненію достаточную опору.

Но я не кончилъ бы своей задачи, еслибы не подвергнулъ внутренней критикѣ сущность свидѣтельскихъ показаній. Внѣшнее единство гарантируетъ достоинство показаній, но дѣлаетъ ихъ не сокрушимыми только внутреннее единство, ихъ разумность и естественность.

Мнѣ невольно приходилъ вопросъ: естественно-ли со стороны Горскаго сдержанное молчаніе противъ ряда оскорбленій? Искренны ли свидѣтели, утвердивъ это событіе? Не было ли хоть одной изъ отвѣтной обидной фразы со стороны Горскаго?

Молчаніе Горскаго естественно. Представьте себя, что васъ, меня, идущаго съ семействомъ оскорбляетъ какой-либо уличный герой, оскорбляетъ самыми нецѣломудренными выраженіяма русской рѣчи. Какой дадите отпоръ? Побои—отвратительны, отвѣтъ одинаковаго качества съ обидой—немыслимъ. И возможно себѣ представить, что въ такомъ же положеніи былъ Горскій. Въ домѣ гдѣ его уважаютъ онъ оскорбленъ, несправедливыя рѣчи сыплются на него. И онъ естественно молчитъ, скажи онъ одно отвѣтное бранное слово, и онъ неудержался бы, онъ увлекся бы на ту же дорогу, какой шелъ Шебалинъ. Взаимная ругань покончила бы дѣло.

Скажи мнѣ свидѣтели, что Горскій то отвѣчалъ на брань бранью, то отмалчивался, я бы имъ не повѣрилъ. Я бы ихъ открыто заподозрилъ. Молчаніе, ни одной отвѣтной бранной выходки на оскорбленіе Шебалина и только одна фраза: потрудитесь повторить мнѣ ваши слова завтра: явленіе психологически вѣрнѣйшее, чѣмъ мной указанное предположеніе.

Теперь мнѣ остается разсмотрѣть значеніе свидѣтеля, неоправдавшаго наши ожиданія, г. Красильникова. Онъ не только различно, онъ прямо противоположно относится къ дѣлу, чѣмъ другіе свидѣтели. Но есть показанія, которыя своимъ противорѣчіемъ съ другими, только придаютъ этимъ послѣднимъ силу. Объясненія Гиммельмана намъ указали должную цѣну этого свидѣтеля. Его противорѣчія, опровергая насъ, неподтвердились самымъ обвиняемымъ. Вышло въ результатѣ, что слова г. Красильникова имѣютъ такую же цѣну въ дѣлѣ, какую ложь въ истинѣ.

На судѣ выяснилось, что въ показаніи Красильникова скрыты обстоятельства дѣла, и намѣренно опровергаются показанія другихъ свидѣтелей. Кому дорогъ судъ, кто ищетъ на судѣ разрѣшенія дѣла по истиннымъ доказательствамъ, а не на основаніи ложныхъ свидѣтельствъ, тотъ согласится со мной, что отъ такихъ показаній мало отвернуться, а надо преслѣдовать ихъ.

И такъ совокупность данныхъ укрѣпляетъ вѣру въ основательность жалобы. Обвиняемый виновенъ. Вамъ извѣстны законы, преслѣдующіе настоящій поступокъ. Какую мѣру вы назначите, это я вамъ предоставляю. Но не могу не замѣтить, что поводовъ смягчающихъ нѣтъ. Вы слы-

шали, что г. Шебалинъ бранилъ Горскаго полякомъ, „котораго надо повѣсить“ и конекно въ этомъ грошевомъ питріотизмѣ не найдете ничего, заслуживающаго снисхожденія, кто-бы ни былъ оскорбленъ, русскій-ли, полякъ-ли, какъ гражданинъ нашего царства онъ имѣетъ и найдетъ одинаковую защиту предъ русскимъ закономъ и судомъ. Русское чувство съ негодованіемъ отвернется передъ такими выходками.

Вы слышали, что Шебалинъ указывая на мундиръ, который онъ носитъ, видѣлъ въ этомъ достаточный доводъ къ тому предположенію, что проступокъ немыслимъ въ лицѣ человѣка, уважающаго достоинство мундира. Я непонимаю этого довода, и не думаю, чтобы мундиръ возлагалъ болѣе обязанностей, чѣмъ имя человѣка и званіе гражданина; но если г. Шебалинъ правъ въ своемъ взглядѣ на мундиръ, то тѣмъ предосудительнѣе его поступокъ, который онъ совершилъ облеченный въ него.

Учрежденіе, въ которомъ служитъ г. Шебалинъ конечно не можетъ претендовать на обвиненіе г. Шебалина. Я не дозволю себѣ той ребяческой мысли, по которой изъ-за недостатковъ отдѣльнаго человѣка, бранятъ то учрежденіе, въ какомъ служитъ этотъ человѣкъ. Полиція въ своей

сферѣ такое же законное учрежденіе, какъ судъ. И между судьями мы встрѣчаемъ недостойныхъ, но это не убиваетъ въ насъ вѣры въ достоинство суда и въ правосудіе судейскихъ рѣшеній, эту вѣру оправдаетъ намъ и то рѣшеніе, которое мы услышимъ въ настоящую минуту отъ васъ. Такъ и въ настоящемъ дѣлѣ я увѣренъ, что полиція неоскорбится тѣмъ, что одинъ изъ ея членовъ, въ частной жизни нарушившій законное уваженіе къ частному человѣку, будетъ наказанъ. Достоинство ея требуетъ, чтобы она относилась къ этому приговору съ уваженіемъ, какъ онъ заслуживаетъ.

Я кончилъ свое слово. Я прошу признать виновнымъ г. Шебалина въ томъ поступкѣ, какой имъ, по несчастію его, допущенъ, и назначить ему наказаніе по закону.

Г. Фальковскій сказалъ въ защиту своего кліента, что нельзя давать большой вѣры показаніямъ свидѣтелей обвиненія, такъ какъ всѣ они болѣе или менѣе связаны съ обвинителемъ чувствомъ пріязни, или имѣютъ съ нимъ какія-либо другія отношенія, о чемъ имъ, защитникомъ, и было въ свое время заявлено; что въ этомъ дѣлѣ онъ видитъ, что оскорбленіе было взаимное, и что поводъ къ ссорѣ подалъ не его довѣритель, но г.

Горскій, почему и проситъ: постановить рѣшеніе по законамъ.

По выслушанію обвиненія и защиты, г. судья обратился къ гг. Горскому и Шебалину съ предложеніемъ не пожелаютъ ли они окончить это дѣло миромъ.

Горскій. Нѣтъ, г. судья, онъ грозится убить меня.

Шебалинъ. Нѣтъ, г. судья онъ и теперь клевещетъ на меня, что будто я укралъ 300 р.

Такъ какъ мировой сдѣлки не состоялось, то г. судья и постановилъ свое рѣшеніе, которымъ по силѣ 119 ст. уст. уг. суд. г. Шебалина оштрафовалъ 30 рублями.

Рѣшеніемъ этимъ какъ г. Шебалинъ, такъ и г. Горскій остались очень довольны.

Дѣло это окончилось почти въ 8 часовъ вечера при огромномъ стеченіи публики.

17 и 18.

I. Дѣло крестьянина М. Ѳ. Алферова. II. Цеховаго Н. Савинова.

(Мировой судъ).

У г. мироваго судьи Серпуховскаго участка, 18-го іюля, въ числѣ другихъ, происходили слѣдующія разбирательства.

I.

Г. судья читаетъ обвинительный актъ, заключающійся въ томъ, что крестьянинъ Подольскаго уѣзда, Матвѣй Ѳедоровъ Алферовъ, 22-хъ лѣтъ, обвиняется въ намѣреніи сбыть два фальшивыхъ кредитныхъ билета—въ 1 р. и въ 5 р. с. При полицейскомъ дознаніи, Алферовъ показалъ, что деньги эти получены имъ при разсчетѣ отъ хозяина его, мучнаго торговца Камширина. Свидѣтелями со стороны обвиненія были—солдатка Прасковья Дементьева, цеховой Николай Павловъ и полицейскій унтеръ-офицеръ Ѳадѣевъ.

На вопросъ судьи—признаетъ ли себя Алферовъ виновнымъ въ этомъ взводимомъ на него обвиненіи—Алферовъ показалъ слѣдующее: 29-го іюня взялъ я у хозяина моего Камширина разсчетъ, по которому мнѣ пришлось рублей 80, и отправился къ себѣ въ деревню для женитьбы. Семьдесять рублей было истрачено на свадьбу, а съ остальными 10 рублями я отправился обратно въ Москву. 8-го іюля, проходя Даниловской слободой, я завернулъ въ кабакъ и, выпивши тамъ, охмѣлѣлъ. Гдѣ получилъ я двѣ фальшивыхъ бумажки не помню, потому что былъ очень пьянъ. Показавши въ полиціи, что бумажки эти даны мнѣ

хозяиномъ моимъ, я показалъ неправду, отъ страха, такъ какъ ни въ какихъ худыхъ дѣлахъ не попадался, и когда забрала меня полиція, то былъ сильно испуганъ.

Судья приступилъ къ допросу свидѣтелей.

Праск. Дементьева:—У меня съѣстная палатка въ Даниловкѣ. Въ Казанскую, немного послѣ вечерень, приходитъ ко мнѣ вотъ этотъ молодецъ—показываетъ на Алферова—сторговалъ пару селедокъ, да пару калачей и даетъ мнѣ цѣлковый—бумажку; говорю:—почтенный, денегъ-то у меня нѣтъ на сдачу. Онъ мнѣ и говоритъ: ты, пожалуй, оставь бумажку эту у себя, а мнѣ дай за нее хоть два двугривенныхъ. Тутъ меня и взяло сумнѣніе.

Суд.:—Не эту-ли бумажку онъ давалъ?—Показываетъ Дементьевой бумажку.

Дем.:—Эту, эту самую, ваше благородіе, такъ она и была въ рамочкѣ.

Суд.:—Былъ въ это время Алферовъ пьянъ?

Дем.:—Ни въ одномъ глазѣ, батюшка; вотъ какъ сейчасъ передъ Богомъ.

Суд., Алферову:—Не можете-ли вы доказать чѣмъ-нибудь, что она лжетъ? Алферовъ молчитъ. Другой свидѣтель, Николай Павловъ, объяснилъ, что онъ также торгуетъ въ съѣстной

палаткѣ въ Даниловской слободѣ: „Алферовъ вошелъ къ намъ въ палатку часовъ въ 5 или 6, послѣ вечерни; спросилъ себѣ на 10 копѣекъ вареной говядины, вынулъ бумажку въ 5 рублей и спросилъ сдачи. Мы, посмотрѣвъ на бумажку, сказали, что она негодится, и говядины ему не отпустили; такъ онъ и ушолъ. Алферовъ былъ трезвымъ". Показанный судьею 5 рублевый кредитный билетъ Павловъ призналъ за тотъ самый, который давалъ ему Алферовъ.

Судья:—Не предлагалъ ли онъ вамъ взять эту бумажку за дешевую цѣну?

Павл.:—Никакъ нѣтъ-съ.

Унтеръ-офицеръ Ѳадѣевъ показалъ, что онъ, замѣтивъ какого-то человѣка, подходившаго то къ той, то къ другой палаткѣ и озиравшагося по сторонамъ, заподозрилъ его въ недобромъ намѣреніи. Онъ подошелъ къ нему и спросилъ: чего онъ тутъ высматриваетъ? Алферовъ—это былъ онъ—поспѣшно бросилъ на землю какую-то скомканную бумажку, которую Ѳадѣевъ тотчасъ поднялъ, и увидѣлъ, что это былъ кредитный билетъ въ 1 р. с.; тогда онъ и заарестовалъ его. При обыскѣ Алферова въ полиціи, у него найденъ былъ въ карманѣ жилета другой фальшивый кре-

дитный билетъ, пяти рублеваго достоинства. Пьянъ Алферовъ не былъ.

Судья:—Что скажете вы, Алферовъ, въ свое оправданіе?

Алф.:—Какъ вамъ угодно, а я ничего не помню.—Затѣмъ онъ повторяетъ уже сказанное имъ въ первомъ показаніи своемъ.

Судья постановилъ рѣшеніе: Алферова, за мошенничество, подвергнуть тюремному заключенію на полтора мѣсяца.

Обвиненный, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшеніемъ этимъ остался доволенъ.

II.

Обвиняемый—цеховой Никифоръ Савиновъ, содержащій въ Даниловкѣ питейное заведеніе. Существо обвиненія состоитъ въ слѣдующемъ. Съ 7-го на 8-е іюля, въ 12 часовъ ночи, завѣдующій Даниловской слободою г. Уклонскій, проходя съ двумя полицейскими унтеръ-офицерами, замѣтилъ, что сквозь щель оконной ставни пробивается свѣтъ изъ питейнаго заведенія Савинова. Подойдя къ окну, они увидѣли въ щель ставни сидящихъ за столомъ — самаго Савинова, унтеръ-офицера Новикова и крестьянина Вавилова; они играли въ трынку; на столѣ лежали деньги—мѣдь и се-

ребро, и стояла водка. Тогда они подошли къ дверямъ кабака и стали требовать, чтобъ имъ отперли. Огонъ въ минуту погасъ; жена Савинова отворила дверь и спросила: — „Что вамъ угодно?“ Они вошли въ заведеніе и зажгли огонь. Въ заведеніи, кромѣ хозяина и хозяйки, повидимому, никого не было; но вскорѣ полиція, поднявъ перину, увидала унтеръ-офицера Новикова. Другой игрокъ былъ отысканъ на печкѣ. На мѣстѣ составленъ былъ актъ и препровожденъ къ мѣстному мировому судьѣ.

Судья, вызвавъ Савина, спросилъ его — признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ томъ, что въ ночь съ 7 на 8-е число іюля завелъ картежную игру въ своемъ заведеніи?

Савиновъ,—весь трясется:—Играли-съ, ваше благородіе, сіятельство... играли-съ вдвоемъ съ Вавиловымъ.

Судья:—А Новиковъ игралъ?

Савин.:—Никакъ нѣтъ-съ; онъ пришолъ часовъ въ 11-ть, выпилъ, а въ карты не игралъ. Играли мы съ Вавиловымъ, только не на деньги, а на косушку водки...

Вавиловъ показалъ, что дѣйствительно они играли въ карты, кромѣ Новикова; только въ дураки, а не въ три-листика. На вопросъ г. судьи,

не помнитъ-ли онъ по скольку сдавали картъ? Вавиловъ отвѣчалъ:—по четыре.

Судья:—Да вы никогда въ дураки не играли?

Вав.:—Никогда, ваше благородіе, въ жизнь мою картъ въ руки не бралъ.

Судія:—Какъ же вы говорите сами, что играли въ дураки съ Савиновымъ.

Вав.:—Это точно-съ, что играли, только на двѣ косушки.

Судья:—Ну, хорошо; а когда пришелъ Новиковъ,—игралъ ли онъ съ вами въ карты?

Вав.: –Игралъ ли онъ, не упомню, а пришолъ эдакъ часовъ въ 12-ть, ночью.

Судья:—Заведеніе еще было отперто?

Вав.:—Никакъ нѣтъ-съ, заперто было.

Судья:—Какимъ же образомъ вошелъ Новиковъ?

Вав.:—Это ужь вашему здоровью не могу сказкть, должно быть заведеніе было отперто.

Новиковъ сказалъ, что пришолъ къ Савинову часовъ въ 11-ть вечера; въ дурачки сначала играли Савиновъ съ Вавиловымъ, а потомъ и онъ, Новиковъ, подвыпивши, присоединился къ нимъ; играли не на деньги, а на водку; деньги можетъ и лежали на столѣ, но этого онъ не припомнитъ.

Судья опредѣлилъ: цеховаго Савинова оштрафовать сорока рублями, а въ случаѣ несостоятель-

ности его къ платежу денегъ, подвергнуть его аресту на 10 дней.

На рѣшеніе это Савиновъ изъявилъ удовольствіе.

19 и 20.

I. Дѣло дворянина Н. Н. Дурново. II. Дѣло о буйствѣ чиновницы Макаровой.

(Мировой судъ.)

У г. мироваго судьи Александровскаго участка, 24-го іюля, производились разбирательства, по слѣдующимъ дѣламъ.

I.

Дворянинъ Николай Николаевичъ Дурново принесъ жалобу, которую мы приводимъ вкратцѣ. 14-го іюля, въ 3 часа пополудни, проходилъ онъ мимо дома синодальныхъ пѣвчихъ, Тверской части 2-го квартала, на Большой Никитской, и, увидѣвъ на дворѣ этого дома кое-кого изъ пѣвчихъ, просилъ передать своему знакомому, регенту хора г. Звѣреву, № 97-й *Потербургской Газеты*. Отдавъ газету, г. Дурново отправился въ сосѣднюю колоніальную лавку купца Морозова. Вслѣдъ за нимъ въ лавку вошелъ дядька малолѣтнихъ пѣвчихъ ун-

теръ-офицеръ Ѳедоръ Андреевичъ Панкратьевъ и объявилъ г. Дурново, что онъ, Панкратьевъ, изъ лавки его не выпуститъ, потому что синодальный прокуроръ надворный совѣтникъ Александръ Николаевичъ Потемкинъ приказалъ ему задержать его. Не желая подчиняться произволу частнаго лица, г. Дурново хотѣлъ выйти изъ лавки, но Понкратьевъ взялъ его за рукавъ и не выпускалъ оттуда. Г. Дурново успѣлъ-таки освободиться и ушелъ въ палисадникъ, гдѣ сѣлъ на скамью подъ тѣнь кустарника. Панкратьевъ между тѣмъ созвалъ городовыхъ и препроводилъ г. Дурново въ кварталъ. Надзиратель 2 квартала, Тверской части, г. Катарскій, объяснилъ ему, что самъ слышалъ отъ г. Потемкина, что г. Дурново печатаетъ въ газетахъ—*Русскій* и *Петербургская Газета* возмутительныя статьи, почему и просилъ задержать его, г. Дурново. О всемъ этомъ былъ составленъ актъ. Г. Дурново въ концѣ своей жалобы объясняетъ: „Я не нахожу никакого смысла въ предлогѣ къ аресту человѣка за то, что онъ помѣщалъ въ газетахъ статьи, подписанныя его именемъ и подлежащія преслѣдованію законнымъ порядкомъ; а потому и прошу поступить съ Панкратьевымъ на основаніи 142 ст. Уст. о наказ.“ Повѣреннымъ обвинителя, г. Дурново, былъ кн. Урусовъ. Судья

обратился къ Панкратьеву съ вопросомъ: признаетъ ли онъ себя виновнымъ во взводимомъ на него проступкѣ! Панкратьевъ отвѣчалъ, что виновнымъ себя не признаетъ. Кн. Урусовъ, поддерживая обвиненіе, объяснилъ, что онъ обвиняетъ Панкратьева въ самоуправствѣ—проступкѣ, предусмотрѣнномъ 142 ст. Уст. о наказ., не различая того, дѣйствовалъ-ли онъ, Панкратьевъ, по личному побужденію, или по приказанію г. синодальнаго прокурора.

Понкр.:—Самоуправства, ваше высокоблагородіе, никакого не было. Г. Дурново очень часто ходилъ къ намъ и возмущалъ малолѣтнихъ пѣвчихъ противъ начальства разными словами; а я дядька, приставленъ смотрѣть за ними, ну, я и попросилъ полицію арестовать г. Дурново. Прежде я говорилъ ему, чтобы онъ не ходилъ къ намъ; онъ пересталъ ходить, а сталъ подсылать разносчиковъ съ такими газетами, гдѣ былъ вредъ для нашего прокурора. Что же тутъ дѣлать было!

Судья:—Разскажите подробнѣе всѣ обстоятельства этого дѣла.

Панкр.:—Никакихъ, ваше высокоблагородіе, обстоятельствъ нѣту. Просто, стою я 14-го числа на дворѣ, и дѣти тутъ гуляли; вдругъ является г. Дурново и суетъ газету одному мальчику; тотъ,

извѣстное дѣло, взять побоялся; тогда г. Дурново бросилъ эту газету на землю и сказалъ: „вотъ вамъ“, а потомъ убѣжалъ. Я погнался за нимъ, потому что газета, брошенная имъ, была очень вредна для прокурора, и нашелъ его, г. Дурново, въ лавкѣ Морозова. Онъ бросился черезъ задній ходъ лавки въ палисадникъ и спрятался въ кустахъ; тамъ я его и взялъ и представилъ къ квартальному.

Суд.:—Г. Дурново побѣжалъ отъ васъ, или просто пошелъ?

Панкр.:—Этого ужь не могу вамъ доложить въ точности.

Суд.:—Какое же вы имѣли право задержать г. Дурново?

Панкр.:—А значитъ начальство приказало.

Кн. Урусовъ, Панкратьеву:—Съ какою цѣлію задержали вы Дурново?

Панкр.:—Никакой цѣли-съ тутъ не было, а, доложу вамъ, просто приказано было отправить его въ кварталъ.

Кн. Урусовъ:—Скажите мнѣ, кромѣ наблюденія за малолѣтними пѣвчими, вы обязаны также наблюдать и за посторонними лицами?

Панкр.:—Такъ точно-съ; къ намъ на дворъ ходить безъ надобности не велѣно.

Свидѣтель со стороны обвиненія, прикащикъ г. Морозова Иванъ Кузминъ, показалъ, что 14-го іюля г. Дурново вошелъ, а не вбѣжалъ къ нимъ въ лавку. Почти въ слѣдъ за нимъ явился Панкрантьевъ и, ставъ на порогѣ, сказалъ ему: „Вы бросили къ намъ *Петербургскую Газету:* за это я васъ отсюда не выпущу.“ Бралъ ли Панкратьевъ г. Дурново за рукавъ—этого онъ, свидѣтель, не видалъ, ибо все время стоялъ за прилавкомъ.

Кн. Урус., судьѣ:—Я покорнѣйше попрошу васъ прочитать полицейскій актъ. Довѣритель мой сообщилъ мнѣ, что показанія, данныя г. Кузминымъ въ полиціи и здѣсь передъ вами, различны.

Судья:—Актъ этотъ вовсе не относится къ настоящему дѣлу, и потому я считаю излишнимъ читать его.

Кн. Урус.:—Но въ актѣ этомъ, какъ заявилъ мнѣ кліентъ мой, находится описаніе происшествія 14-го іюля и также показаніе объ этомъ г. Кузмина.

Суд.:—Но вѣдь г. Кузминъ налицо.

Кн. Урус.: — Да. Только между первымъ и вторымъ показаніемъ его есть разницы.—Кузмину:—вы давали показаніе при составленіи въ полиціи акта?

Кузм.:—Давалъ-съ, а какъ г. Панкратьевъ бралъ г. Дурново за рукавъ, не видалъ.

Кн. Урус.:—Противорѣчіе въ показаніяхъ одного и того же лица можетъ быть вовсе не умышленное, но случайное. Поэтому я и прошу прочитать ту часть акта, гдѣ содержится показаніе г. Кузмина.

Судья.:—Я считаю показаніе свидѣтеля гораздо важнѣе чтенія акта, тѣмъ болѣе, что акты эти пишутся иногда безграмотно.

Кн. Урус.:—Рѣчь идетъ о проступкѣ, заявленномъ полиціи, почему и былъ составленъ этотъ актъ.

Судья.:—Нѣтъ это вовсе по другому; впрочемъ я и самъ не прочелъ хорошенько акта.

Кн. Урус.:—Потому-то я и прошу васъ прочитать, тѣмъ болѣе что актъ этотъ имѣетъ признаки офиціальнаго документа; въ немъ содержатся всѣ обстоятельства разбираемаго дѣла и на основаніи...

Судья, перебиваетъ:—Я попрошу васъ объяснить мнѣ 47, 48 ст. Уст. уг. суд. и 18 ст. Уст. о наказ.

Кн. Урус.:—Позвольте мнѣ кончить; я прошу васъ обратить вниманіе на 118 и 627 ст. Уст. уг. суд.—читаетъ 627 ст.

Судья.:— Я прошу васъ выслушать мое постановленіе по вопросу о вашемъ заявленіи;—читаетъ:—Относительно заявленія повѣреннаго обви-

нителя о прочтеніи полицейскаго акта, я полагаю въ этомъ ему отказать.

Михаилъ Сперанскій—свидѣтель со стороны обвиняемаго—показалъ, что 14-го іюля, находясь на дворѣ у крыльца, онъ услыхалъ какъ пѣвчіе мальчики закричали: Николай Николаевичъ прошелъ! и видѣлъ, что этотъ послѣдній, т. е. Н. Н. Дурново, бросилъ имъ газету, которую одинъ изъ мальчиковъ поднялъ и отдалъ ее дядькѣ Панкратьеву.

Кн. Урус., свидѣтелю:—Вы не знаете, что Панкратьеву было велѣно задержать Дурново?

Сперан.:—Нѣтъ-съ.

Кн. Урус., судьѣ:—Г. Дурново заявляетъ мнѣ, что у него есть 3 свидѣтеля, готовыхъ показать подъ присягою, что синодальный прокуроръ г. Потемкинъ былъ подстрекателемъ въ этомъ дѣлѣ.

Затѣмъ кн. Урусовъ произнесъ краткую обвинительную рѣчь, которую закончилъ слѣдующими словами: „Въ настоящемъ мелкомъ случаѣ важно лишь одно то, что личная свобода должна быть неприкосновенна, и всякое посягательство на нее, большое или малое, должно быть преслѣдуемо закономъ, который одинъ только властенъ ограничивать свободу.“

По выслушаніи сторонъ, г. судья постановилъ рѣшеніе: на основаніи 119 ст. Уст. уг. суд.. унтеръ-офицера Панкратьева считать по суду оправданнымъ. На рѣшеніе это г. Дурново изъявилъ неудовольствіе.

II.

Обвиняемая—жена губернскаго секретаря Александра Ларіонова Макарова, живущая въ меблированныхъ комнатахъ крестьянина Патенкова, Тверской части, 3 квартала. Обвиненіе заключалось въ томъ, что г-жа Макарова, въ нетрезвомъ видѣ, била посуду и даже бросила бутылкой въ хозяина Патенкова, но, по счастію, въ него не попала. Свидѣтели обвиненія, дворянинъ Анатолій Ивановичъ Бечечкаровъ и 13-ти лѣтній крестьянскій мальчикъ Василій Яковлевъ Надежинъ, спрошенные безъ присяги, обвиненіе подтвердили. Депутатъ отъ полиціи г. Андреевъ заявилъ мировому судьѣ, что даже постоянное мѣстопребываніе г-жи Макаровой не безопасно.

Суд.:—То-есть, какъ же это?

Андр.:—Все на крышѣ сидитъ, и постоянно пьяная. Сверхъ того, г. судья, она уже была судима у мироваго судьи Тверскаго участка за появленіе на улицѣ въ безобразнопьяномъ видѣ и въ муж-

скомъ костюмѣ, за что и была подвергнута семидневному аресту.

Сама обвиняемая на судъ не явилась и повѣреннаго отъ себя не прислала.

Мировой судья, руководствуясь 119, 133 ст. Уст. уг. суд. и 38 ст. Уст. о наказ., опредѣлилъ подвергнуть г-жу Макарову аресту на 7 дней.

21.

Дѣло крестьянки Григорьевой по жалобѣ ея на полковницу Гладкову объ оскорбленіи дѣйствіемъ и неразсчетѣ.

(Мировой судъ).

У мироваго судьи Александровскаго участка 31-го іюля разбиралось слѣдующее дѣло:

Крестьянка Екатерина Григорьева принесла жалобу на то, что полковница Лидія Ивановна Гладкова, у которой она жила въ кормилицахъ, ударила ее по щекѣ и не учинила съ нею разсчета. Г-жа Гладкова на разбирательство не явилась и повѣреннаго отъ себя не прислала. Судья приступилъ къ разбирательству дѣла.

Судья, Григорьевой: — Вы просите по 2 мъ различнымъ дѣламъ. Дѣло о неразсчетѣ васъ г-жею Гладковою будетъ разсматриваться особо; а те-

перь я начну разбирательство по жалобѣ вашей на полковницу Гладкову объ оскорбленіи ею васъ дѣйствіемъ.

Григорьева. Это баринъ, какъ вашей милости будетъ угодно.

Судья. Ну-съ, хорошо. Какимъ порядкомъ желаете вы вести дѣло: гражданскимъ или уголовнымъ?

Григорьева. Какъ въ законѣ сказано, батюшка баринъ, вы уже знаете.

Судья. Поймите, это зависитъ отъ васъ.

Григорьева. Я ужъ все вашей милости препоручаю.

Судья, пожимая плечами. — Законъ предоставляетъ это вамъ, какъ вы хотите, я не могу тутъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Хотите ли вы покончить это дѣло, т. е. ничего не искать съ г-жи Гладковой, или нѣтъ, — тогда я постановлю заочное рѣшеніе.

Григ. Какъ же, баринъ, заочно; это у насъ что же будетъ-то?....

Судья. Ужъ это мое дѣло!

Григ. Ну, ну, ваше благородіе, я на все согласна.

Судья. Вы согласны и окончить это дѣло?

Григ. Зачѣмъ кончать! Помилуйте, ни зачто, ни прочто дала пощечину, да такъ и оставить. Я

говорю: — сударыня, развѣ нонѣ можно драться; я жалиться буду! а она мнѣ говоритъ: — ступай жалься! велика важность 3 рубля заплатить!

Судья. Чего же вы хотите: взыскать что-ли съ Гладковой за обиду, или...

Григ. Взыскать, батюшка ,взыскать; зачѣмъ мнѣ свое добро упускать.

Судья. Сколько же вы хотите получить?

Григ. Сколько вы положите, баринъ.

Судья. Вамъ я говорю, что я не могу самъ назначить количества вознагражденія; вы сами должны объявить это

Григ. Если я 30 цѣлковыхъ скажу?

Судья Ну такъ и запишу.

Григ. Нѣтъ, баринъ, зачѣмъ же.... надо по-Божьему говорить.

Судья. Такъ сколько же?

Григ. Ну ужъ Господь съ ними! пусть десять цѣлковыхъ заплатятъ!

Судья. Слава Богу, насилу-то!

Въ это время къ судьѣ подходитъ элегантно одѣтый господинъ и подаетъ бумагу.

Судья. Вы повѣренный г-жи Гладковой, г. Ирицуховъ. Что можете сказать вы въ оправданіе вашей довѣрительницы?

Прицуховъ. Это все клевета. Григорьевой было отказано отъ мѣста, и только. У этой женщины самый нестерпимый характеръ; она постоянно выводила изъ терпѣнія г-жу Гладкову. Ребенокъ, котораго кормила Григорьева, былъ болѣнъ—онъ и теперь болѣнъ — докторъ велѣлъ не отпускать кормилицу, потому что перемѣна молока вредно подѣйствуетъ на его здоровье; но, несмотря, на то, г-жа Гладкова все таки принуждена была отказать ей. Помилуйте, понадобились для младенца пеленки — и что же! всѣ онѣ оказались мокрыми. Григорьева не могла ихъ вымыть и высушить въ хорошую погоду.

Судья. Не хотите ли кончить это дѣло миромъ?— Обѣ стороны отказались. Судья приступилъ къ допросу свидѣтелей, на которыхъ сослались обѣ стороны.

Свидѣтельница Авдотья Львова объяснила, что Григорьева дѣйствительно жаловалась ей со слезами на глазахъ, что барыня прибила ее; но что, было между ними, она не знаетъ, ибо хотя и живетъ въ одномъ домѣ съ г-жею Гладковою, но совсѣмъ въ другой квартирѣ. Шуму или крику она не слыхала. Свидѣтель Кузьма Лукьяновъ показалъ, что и ему Григорьева жаловалась на барыню свою, а больше онъ ничего не знаетъ.

Ирицух. Я еще нелишнимъ считаю прибавить, что еслибы г-жа Гладкова дѣйствительно била Григорьеву, то вѣроятно одежда этой послѣдней была бы въ безпорядкѣ; но оба свидѣтеля ничего подобнаго не замѣтили, хотя они видѣли ее почти тотчасъ послѣ мнимаго происшествія. Г-жа Гладкова была поражена извѣстіемъ, что Григорьева пошла на нее жаловаться. Григорьева говорила— и это извѣстно всѣмъ — „пусть я ничего не возьму съ нея... осрамлю ее по крайней мѣрѣ", — и угрозу свою она привела въ исполненіе. Она изобразила г-жу Гладкову такой деспоткой, что прислуга не нанимается къ ней и избѣгаетъ ея квартиры, точно какой крѣпости. Представьте себѣ, г. судья, моя довѣрительница теперь одна, совершенно одна.

Судья еще предлагаетъ окончить это дѣло миромъ. Григорьева отказывается и добавляетъ, что г. Ирицуховъ говорилъ, что ее мало били — заодно дескать платить 3 рубля-то! Г. Ирицуховъ заявляетъ, что все это клевета и проситъ постановить рѣшеніе по закону.

Судья, основываясь на 119 стат. Уст. уголов. суд., положилъ: считать г-жу Гладкову по суду оправданною.

22.

Дѣло о чертяхъ.

(Мировой судъ).

7-го и 8-го августа, у мироваго судьи Хамовническаго участка, г. Румянцева, между прочимъ происходило слѣдующее разбирательство.

Къ столу подходитъ крестьянинъ лѣтъ 30-ти, плохо одѣтый; волосы отъ болѣзни на головѣ вылѣзли.

Судья. Въ чемъ состоитъ ваша жалоба?

Проситель. Служилъ я, г. судья, у Н. Д. прикащикомъ по питейной части, далъ ему въ залогъ денегъ 40 руб., а назадъ ихъ онъ мнѣ не отдаетъ.

Судья. Почему же?

Проситель. У меня, говоритъ, для тебя нѣтъ лишнихъ денегъ, а вотъ, говоритъ, если хочешь жениться на моей дочери, такъ я тебѣ дамъ 40 тыс., только съ тѣмъ, чтобы ты душу свою черту заложилъ. У него своя то душа, ваше благородіе, давно черту продана, да и прикащики-то его, Егоръ Семеновъ и Михаилъ Арсеньевъ, души свои ему заложили; они по комерціи-то самого сатану обманули. Нѣтъ, думаю себѣ, на эту удоч-

ку меня не поймаете; впрочемъ говорю: — покажите-ка молъ мнѣ, какіе у васъ черти находятся? Вывели это они изъ другой комнаты черта, бариномъ разодѣтаго. Здравствуйте, говоритъ онъ мнѣ, а самъ расшаркивается, а другой-то чертъ тѣмъ временемъ на меня изъ-за дверей выглядываетъ; рожа такая скверная, что я даже не вытерпѣлъ, плюнулъ на него. Послѣ того Н. Д. говоритъ мнѣ: — „Подумайте, говоритъ, Иванъ Ильичъ, вѣдь черти, говоритъ, народъ хорошій, съ ними, говоритъ, можно дѣло дѣлать.“ Я ничего на это ему не сказалъ, только покачалъ головою и вышелъ. Прихожу на третій день на Смоленскій рынокъ, въ погребокъ Ласточкина, сѣлъ это я на скамѣйку и только-что успѣлъ папироску закурить—гляжу, а эти самые два черта въ двери-то и входятъ и говорятъ мнѣ: — Здравствуйте-молъ Иванъ Ильичъ, не хотите-ли мы васъ водочкой поподчуемъ: — Нѣтъ, говорю, спасибо, а самъ думаю, какъ бы за городовыми послать да скрутить ихъ — вѣдь они только православный народъ смущаютъ да души въ залогъ берутъ; да потомъ ужъ смѣкнулъ, что городовые-то не сладятъ съ ними; взялъ и перекрестился—они и пропали.

Судья. Нѣтъ, я этой жалобы отъ васъ принять не могу, вы объ этомъ жалуйтесь духовному начальству.

Просит. Помилуйте г. судья; какъ же къ духовному?—да если я явлюсь къ духовному начальству, оно меня за жулика сочтетъ — сами видите какъ я одѣтъ.

Судья. Вы кто?

Просит. Я крестьянинъ.

Судья. Васъ какъ зовутъ?

Просит. Иванъ Ильинъ Красноложкимъ.

Судья. Гдѣ живете?

Краснол. На Арбатѣ, у брата въ кабачкѣ. .. Я два мѣсяца, по ихъ милости, въ острогѣ сидѣлъ....

Судья. Вы, кажется, больны.

Краснол. Нѣтъ, г. судья, я здоровъ. Прошу васъ вызвать Николая Дементьева и взыскать съ него 40 руб.

Судья. Хорошо, явитесь завтра въ часъ по полудни.—Красноложкинъ поклонился и вышелъ.

На 8-е число дѣйствительно вызванъ былъ г. судьею Зиминъ, но вмѣсто его явился въ камеру его повѣренный, Егоръ Семеновъ.

Судья. Вы г. Зиминъ?

Отвѣтч. Нѣтъ, я его повѣренный.

Краснол. Это довѣренный, а мнѣ нужно самого Зимина, да священника изъ острожной церкви.

Судья. Разскажите, что вы требуете.

Краснол. Я пріѣхалъ къ З—ну на третій день Святой недѣли, говорю ему, деньги 40 руб. мнѣ молъ пожалуйте, а онъ душу мою черту заложить просилъ.

Судья. Ну чтожъ, вы и заложили?

Краснол. Нѣтъ; извольте у священника спросить, онъ все откроетъ.

Судья. Вы мнѣ вчера говорили, что два мѣсяца въ острогѣ сидѣли.

Красн. Сидѣлъ по рѣшенію Смоленскаго мироваго судьи.

Судья. За что это?

Красн. Судья и самъ не знаетъ за что, объ этомъ только мнѣ извѣстно.

Судья, къ повѣр.— Что вы на это скажете?

Повѣр. Напротивъ этого я ничего не могу сказать; 40 руб. мой довѣритель ему не долженъ, и никакой души у него не требовалъ. Онъ третьяго дня къ намъ приходилъ, 7 тысячъ рублей требовалъ... видите, онъ сумасшедшій.

Красн. Егоръ Семеновичъ другъ любезный, у тебя у самого душа въ закладѣ у черта находится; меня изъ за васъ въ острогѣ отецъ Авраамъ три раза по спинѣ жезломъ вытянулъ.

Судья, къ Красноложк.—Чѣмъ вы можете доказать свой искъ въ 40 руб.

Красн. Чѣмъ! Мало-ли чѣмъ! Марками у меня

40 коп. взято, тамъ еще 15 руб. какихъ-то.... да мнѣ и деньги эти не нужны, а хочется только чертовщину ихъ раскрыть.

Судья. къ повѣр.— Какіе-же онъ 7 тысячъ руб. у васъ спрашивалъ?

Повѣр. Помилуйте, ничего не знаемъ; приходитъ къ намъ ни съ того ни съ сего; мы его и выпроводили... Онъ на второй недѣли великаго поста у насъ въ кабакѣ прикащикомъ былъ, вино продалъ, а деньги неизвѣстно куда дѣлъ; мы ужъ не спрашиваемъ ихъ у него.

Красн. Помилуйте, г. судья, Егоръ Семеновичъ про эти 7 тысячъ ничего не знаетъ; эти деньги на совѣтѣ въ Проточномъ переулкѣ я у чертей укралъ, а З—нъ взялъ ихъ у меня на нѣсколько дней... мнѣ нужно въ старый Іерусалимъ ѣхать... мы, г. судья, съ позволенія сказать, черта въ комерціи обманули.... всего тутъ разсказывать неловко и негодится

Судья постановилъ опредѣленіе: въ искѣ Красноложкину отказать и когда спросилъ у него, доволенъ-ли онъ этимъ рѣшеніемъ, то Красноложкинъ на это ничего не отвѣчалъ, и только выходя изъ камеры, произнесъ; „я сейчасъ къ Тройцѣ поѣду, съ Филаретушкой посовѣтуюсь на счетъ всей этой чертовщины.“

23.

Дѣло 15-ти лѣтняго мальчика московскаго цехового Н. С. Воробьева.

(Мировой судъ).

8-го августа 1868 года, въ камеру мироваго судьи Хамовническаго участка былъ приведенъ изъ городскаго арестантскаго дома 15-лѣтній мальчикъ московскій цеховой Н. С. Воробьевъ, взятый за кражу карманныхъ часовъ у г-на Бѣлявскаго во время народнаго гулянья на Дѣвичьемъ полѣ, 28 числа іюля.

Судья (Бѣлявскому). Разскажите, какъ пропали у васъ часы?

Бѣлявскій. Часовъ въ пять по полудни мы съ г. Шалыгинымъ было отправились уже домой, но остановились посмотрѣть на маріонетокъ. Вокругъ насъ была густая толпа народу. Черезъ нѣсколько минутъ я, хотѣвши посмотрѣть который часъ, увидалъ, что виситъ одна цѣпочка, а часовъ уже не было; тогда я схватилъ за руки теревшагося возлѣ меня человѣка и сказалъ: часы мои у васъ: отдайте ихъ! — Вы ошибаетесь — отвѣчалъ онъ; часы ваши не у меня, а должно быть у тѣхъ двухъ людей, что сейчасъ были здѣсь и потомъ

поѣхали на дрожкахъ. Мы тотчасъ взяли двѣ пролетки и я взявъ съ собой этого господина, отправились догонять похитителей. Догнавши ихъ неизвѣстный закричалъ: Эй, Воробьевъ, стой! часы надо отдать. Они остановились. Воробьевъ показалъ мнѣ часы и спросилъ: они ваши? Я отвѣчалъ утвердительно. — Ну такъ пожалуйте намъ три рубля. — Дѣлать нечего Шалыгинъ вынулъ рубль и далъ Воробьеву.—Пожалуйте еще 2 руб. требовалъ тотъ; при чемъ схватилъ Шалыгина за руку. Видя, что дѣло принимаетъ оборотъ дурной, я схватилъ Воробьева за воротъ и мы общими силами представили его въ кварталъ;но при обыскѣ его тамъ часовъ уже не оказалось у него и въ похищеніи ихъ онъ рѣшительно отрекся. Объ всемъ этомъ былъ составленъ тутъ-же актъ.

Судья (Воробьеву). Ты часы взялъ, говори откровенно.

Воробьевъ. Я какъ есть ничего не знаю.

Депутатъ отъ полиціи Лихачевъ заявилъ, что Воробьевъ говорилъ въ части: если бы мнѣ дали они 3 руб., я бы отыскалъ часы.

Судья (Воробьеву). Говорилъ ты это?

Воробьевъ. Никакъ нѣтъ-съ.

Судья. Кто были товарищами твоими.

Воробьевъ. Никакихъ товарищей не было.

Судья. Въ актѣ означено, что ты назвалъ себя не Воробьевымъ, а Ястребенковымъ. Сверхъ того г. депутатъ отъ полиціи объявилъ, что ты извѣстенъ уже какъ воръ.

Воробьевъ. Знать не знаю.

Судья. Чѣмъ занимаешься?

Воробьевъ. Портнымъ мастерствомъ. Живу при отцѣ.

Судья (Бѣлявскому) Отчего вы не задержали и товарищей его?

Бѣлявскій. Часы были у него; а какъ привели въ полицію ни часовъ, ни рубля не оказалось.

Судья обратился къ депутату отъ полиціи съ вопросомъ: не извѣстны ли полиціи примѣты товарищей похитителя?— на что депутатъ отвѣчалъ отрицательно. Свидѣтель Шалыгинъ все сказанное обвинителемъ Бѣлявскимъ подтвердилъ. Судья спросилъ обвиняемаго: который ему годъ?

Воробьевъ. Шестнадцатый годъ.

Судья. По виду кажется больше. Ты въ которомъ году родился?

Воробьевъ. Не знаю.

Судья. Почему же ты знаешь что тебѣ 15-ть лѣтъ?

Воробьевъ. Въ паспортѣ написано.

Судья опредѣлилъ: имѣя въ виду упорное запирательство Воробьева, приговорить его къ 6-ти мѣсячному аресту при городскомъ арестантскомъ домѣ. Доволенъ-ли ты? — спросилъ онъ Воробьева, объявивъ ему свой приговоръ.

Воробьевъ. Доволенъ; только прошу отправить меня въ острогъ.

Судья. Нѣтъ этого не будетъ; тытамъ научишься и не такимъ фокусамъ.

Воробьевъ. Какъ хотите; только я тамъ сидѣть не буду: либо убѣгу, либо надѣлаю что-нибудь тамъ. Я тамъ съ голоду помиралъ.

Послѣ этихъ словъ Воробьевъ ушелъ въ переднюю и потомъ вскорѣ снова возвратился.

Судья. Ну, что еще скажешь?

Воробьевъ. Во всемъ признаться желаю.

Судья. Говори.

Воробьевъ. Чтожъ мнѣ сидѣть изъ-за нихъ, Они меня ни разу даже не навѣстили, копѣйки не дали.

Судья. Кто же товарищи-то твои были?

Воробьевъ. Московскій мѣщанинъ Дмитрій Петровъ Волковъ, а прозвище картузникъ.

Судья. Какихъ лѣтъ?

Воробьевъ. Маленько постарше меня будетъ.

Судья. А гдѣ живетъ?

Воробьевъ. Мясницкой части, въ домѣ Брюхатова, у съемщика Байкова.

Судья. Часы ему же переданы?

Воробьевъ. Нѣтъ, Крылову.

Судья. Кто онъ такой, какъ его зовутъ и гдѣ живетъ?

Воробьевъ. Изъ чиновниковъ; зовутъ его Константинъ, прозвище Андрюшка; отчества и фамиліи не знаю и живетъ гдѣ не знаю, а найти его можно на Грачевкѣ, въ трактирѣ „Золотой Левъ“: тамъ онъ и днюетъ и ночуетъ.

Судья. Кто же изъ васъ часы снялъ?

Воробьевъ. Крыловъ.

Судья. А третій товарищъ кто?

Воробьевъ. Московскій мѣщанинъ Иванъ Ефимовъ.

Судья. Фамилія?

Воробьевъ. Не знаю; у насъ его зовутъ просто Цирюльникъ.

Судья. А живетъ гдѣ?

Воробьевъ. Не знаю, да онъ съ Андрюшкой вмѣстѣ въ Золотомъ Львѣ сидитъ, а ночуетъ Цирюльникъ въ домѣ Арбузова, насупротивъ Золотаго Льва.

Судья. Кто одинъ рубль взялъ за часы?

Воробьевъ. Цирюльникъ; онъ и догонялъ насъ.

Судья. А часы у кого остались?

Воробьевъ. У Андрюшки. — Г. Судья, отпустите меня.

Судья. Не могу Одно только могу для тебя сдѣлать: попросить, чтобы тебѣ тамъ работу давали.

Въ заключеніе солдаты, подъ конвоемъ которыхъ Воробьевъ былъ приведенъ, были отпущены; а самъ арестантъ вмѣстѣ съ депутатомъ отъ полиціи, отправился для указанія личностей своихъ товарищей.

24.

Дѣло Рижскаго гражданина Шульцъ обвинявшаго въ клеветѣ на него Прусскаго подданнаго Катцъ.

(Мировой судъ).

Августа 16-го у мироваго судьи Срѣтенскаго участка, между прочимъ производилось разбирательство по слѣдующему дѣлу. Рижскій гражданинъ Джемсъ Шульцъ, въ лицѣ повѣреннаго своего кандидата правъ Б. И. Мировичъ, обвинялъ прусскаго подданнаго Отто Катцъ въ оклеветаніи его на письмѣ. Обвиненіе было формулировано такъ; г. Шульцъ намѣревался жениться на дочери г. Бемъ. Вдругъ г. Бемъ получаетъ по почтѣ

анонимное письмо, въ которомъ предостерегаютъ г. Бема вступать въ родственныя связи съ г. Шульцъ, причемъ этотъ послѣдній обрисовывается самыми черными красками. Письмо это, впрочемъ, не произвело желаемаго результата. Нѣсколько времени спустя, г. Бемъ получаетъ другое письмо за подписью г. Катцъ. Въ этомъ письмѣ г Катцъ, упоминая о первомъ письмѣ, снова предостерегаетъ г. Бемъ отъ сношеній съ г. Шульцъ, говоря что этотъ человѣкъ, т. е. Шульцъ, способенъ на всякое постыдное дѣло, что онъ присвоилъ себѣ его, г. Катцъ, собственность, о чемъ и производится теперь дѣло. Защитникъ обвиняемаго г. Гезе, признавъ послѣднее письмо писаннымъ рукою его довѣрителя, отвергалъ подлинность перваго анонимнаго письма, вслѣдствіе чего были приглашены два эксперта для сличенія почерка обоихъ писемъ; одинъ изъ нихъ нашелъ, что оба письма писаны однимъ почеркомъ, по мнѣнію же другаго, анонимное письмо не имѣетъ сходства съ письмомъ, подписаннымъ г. Катцъ; при этомъ экспертъ указалъ на разницу въ двухъ буквахъ,—оба письма были на нѣмецкомъ языкѣ. Г. Мировичъ, для устраненія разнорѣчія въ показаніяхъ экспертовъ, просилъ обратить вниманіе на форму изложенія, такъ какъ первое письмо

могло быть писано не самимъ г. Катцъ, но лишь по его иниціативѣ. Одинъ изъ экспертовъ, признавши тождество почерковъ, возражалъ на это, что экспертамъ не предоставлено закономъ права судить о смыслѣ письма, что они могутъ давать свои заключенія только о внѣшней формѣ его; другой же замѣтилъ, что слогъ обоихъ писемъ одинаковъ. На вопросъ г. судьи признаетъ ли г. Гезе своего довѣрителя виновнымъ въ оклеветаніи г. Шульцъ на письмѣ, г. Гезе отвѣчалъ отрицательно.

Судья, Мировичу: — Что можете дополнить къ обвиненію.

Мировичъ: Прусскій подданный Отто Катцъ, въ письмахъ своихъ взвелъ гнусную клевету на моего довѣрителя. Два письма г. Катцъ служатъ доказательствомъ моего обвиненія. Первое изъ этихъ писемъ, анонимное, однимъ изъ гг. экспертовъ найдено писаннымъ не рукою г. Катцъ; я не хочу противорѣчить судьѣ компетентному; но я утверждаю, что письмо это писано по иниціативѣ г. Катцъ, чему неопровержимымъ доказательствомъ служитъ упоминаніе объ этомъ письмѣ въ другомъ письмѣ, подписанномъ самимъ г. Катцъ, и имъ, въ лицѣ повѣреннаго его, сознаннымъ. Г. Катцъ имѣлъ неудовольствіе съ моимъ довѣрите-

лемъ и, узнавъ, что онъ хочетъ жениться на дочери г. Бемъ, чтобы помѣшать его счастію, пишетъ къ г. Бемъ сначала анонимное письмо, въ которомъ старается всячески очернить г. Шульцъ. Нападеніе изъ-за угла не удается, тогда г. Катцъ снимаетъ маску и пишетъ другое письмо, которое подписываетъ своею фамиліею для приданія ему большей вѣроятности. Письмо это также наполнено оскорбительной для г. Шульцъ клеветою. Принимая во вниманіе общественное положеніе г. Катцъ, степень его образованности, я прошу васъ, г. судья, назначить ему наказаніе по 136 ст. уст. о нак. въ высшей мѣрѣ.

Судья, Гезе:—Что вы можете сказать противъ этого?

Гезе. Первое письмо, т. е. анонимное, я положительно отрицаю. Оно, какъ значится, послано 6-го февраля. Въ это время довѣритель мой жилъ вмѣстѣ съ г. Шульцъ и не имѣлъ никакого повода вредить ему; потомъ г. Шульцъ выгналъ моего довѣрителя, присвоилъ себѣ его капиталъ, о чемъ и теперь производится слѣдствіе; второе письмо писано дѣйствительно г. Катцъ, но оно писано изъ человѣколюбія; онъ имѣлъ полное право предостерегать г. Бемъ отъ тѣсныхъ сношеній съ г. Шульцъ, зная, по опыту, недобросовѣстность послѣдняго.

Мировичъ. Вопервыхъ, я не позволю вамъ оскорблять моего довѣрителя здѣсь, передъ судомъ; вовторыхъ, я долженъ объяснить вамъ, г. судья, что дѣло, о которомъ упоминаетъ г. Гезе, уже было рѣшено въ московскомъ коммерческомъ судѣ въ пользу моего довѣрителя. Возбуждать вопросъ объ этомъ дѣлѣ я считаю излишнимъ, тѣмъ болѣе, что никто не можетъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, а г. Катцъ именно и заинтересованъ тутъ. Кромѣ клеветы, г. Катцъ, нанесена моему довѣрителю и обида, выраженная помѣщенными въ письмѣ укорительными словами, позорящими его честное имя, а потому я прошу васъ постановить рѣшеніе по совокупности проступковъ.

Г. судья опредѣлилъ подвергнуть г. Катцъ двухъ-недѣльному аресту.

Мировичъ. Г. судья, довѣритель мой не желаетъ причинять зло г. Катцъ, для него было важно лишь разоблаченіе истины; онъ изъявляетъ желаніе простить г. Катцъ.

Гезе. Я безъ согласія моего довѣрителя не могу принять вашего прощенія.

Мировичъ. Я беру свое слово назадъ и буду просить въ мировомъ Съѣздѣ объ увеличеніи мѣры наказанія.

25.

Дѣло Носова и Ганимедова.

(Мировой судъ).

У мироваго судьи александровскаго участка 20 августа 1868 года производилось разбирательство по жалобѣ учителя начальныхъ школъ Носова на таковаго-же учителя Ганимедова объ оскорбленіи. Обвиненіе состояло въ томъ, что И. П. Ганимедовъ 7-го августа встрѣтивъ служанку Носова присталъ къ ней и требовалъ съ угрозами ея паспорта. Послѣ того въ коридорѣ увидѣвъ Носова сталъ бранить его, чему былъ свидѣтелемъ занимавшійся тутъ въ это время малярной работой крестьянинъ Семенъ Балаболкинъ.

Судья (Ганимедову) Признаетс-ли вы себя виновнымъ въ оскорбленіи г. Носова?

Ганимедовъ. Обстоятельства дѣла искажены. Если вамъ угодно я объясню все.

Судья. Объясните.

Ганимедовъ. Эта самая кухарка прожила у г. Носова два дня; онъ ей далъ денегъ; она запьянствовала и онъ ее прогналъ...

Судья. Это нейдетъ къ дѣлу.

Ганимедовъ. Позвольте-съ- Потомъ онъ опять ее взялъ къ себѣ. Я обязанъ смотрѣть за домомъ, спрашиваю паспортъ кухарки, а онъ требуетъ домовую книгу, я и говорю пусть самъ придетъ. Потомъ г. Носовъ, увидѣвши меня въ корридорѣ, я шелъ въ задумчивости, бросился на меня съ поднятыми кулаками, сталъ кричать, что раздѣнетъ меня у мироваго до нага. А знаете г. судья у него бываютъ припадки помѣшательства: я и говорю — что вы! что вы! съ ума сошли? покажите вашъ языкъ!...

Судья. Довольно-съ.

Ганимедовъ достаетъ изъ кармана какую-то бумагу и дрожа подаетъ ее судьѣ.

Судья. Это что?

Носовъ. Это г. Ганимедовъ доносъ на меня писалъ.

Ганимедовъ. Ему даже внушеніе отъ начальства было. Помилуйте, изъ горшка каждое утро въ садъ льетъ.

Судья, сказавъ что бумага эта не касается настоящаго дѣла, приступилъ къ допросу свидѣтеля.

Свидѣтель Балаболкинъ показалъ, что въ день ссоры онъ красилъ въ корридорѣ двери. Носовъ вышелъ въ корридоръ, къ нему „напористо“ под-

бѣжалъ Ганимедовъ и сталъ кричать что Носовъ бѣгаетъ за нимъ съ кулаками и ножами, что онъ подлецъ, а онъ, Ганимедовъ, офицеръ.

Судья (Ганимедову) Не желаете-ли сдѣлать какого-либо вопроса свидѣтелю?

Ганимедовъ. А слышалъ ты какъ Носовъ говорилъ, что раздѣнетъ меня у мироваго до нага?

Балаболкинъ. Этого я не слыхалъ.

Носовъ. Это ужъ не въ первый разъ г. Ганимедовъ оскорбляетъ меня. 8 іюля въ казанскую мы съ братомъ къ обѣднѣ пошли, а онъ схватилъ меня за полу; говоритъ отчего дверь не запираете, и называлъ подлецами, болванами и грошевиками. Я ему говорю: за что вы оскорбляете насъ, а онъ говоритъ: за то что вы дверей не запираете, мнѣ не кланяетесь. Потомъ онъ бросился ко мнѣ съ кулаками, да ужъ шуринъ его удержалъ.

Ганимед. (съ улыбкой, покачивая головой). Искажено. Дѣло вотъ какъ было. Жена моя съ вечера приготовила себѣ платье, чтобы идти въ церковь. Братъ вотъ г. Носова въ 5-мъ часу утра ушелъ со двора — Богъ вѣсть куда, дверь осталась отпертою: платье-то и пропало. Когда воротился онъ, я и говорю ему: молодой человѣкъ, вѣдь женнино платье-то пропало; но онъ прошелъ мимо, какъ будто не слыхалъ. Я тогда и сказалъ

женѣ: жена, вѣдь у этого молодаго человѣка голова ослиная: лошади скажи тпру! она остановится, а этотъ и ухомъ не ведетъ.

Судья. Не хотите-ли помириться?

Ганимед. Онъ кусаетъ руку, питавшую его; когда онъ проигрался въ карты въ кокоревской гостиницѣ все семейство мое ухаживало за нимъ: на него такое безумiе находило, что было страшно смотрѣть.

Судья (Носову). А вы желаете прекратить дѣло миромъ?

Носовъ. Я оскорбленъ и братъ мой также. Развѣ мы подлецы, развѣ мы сволочь?

Судья (Ганимедову). Вы его обидѣли — извинитесь передъ нимъ.

Ганимед. Мнѣ 55 лѣтъ; я государю моему офицеръ, мнѣ горько.

Судья. Надо же какъ-нибудь кончить.

Носовъ (подумавъ). Пускай г. Ганимедовъ дастъ честное слово, что никогда больше не будетъ называть меня подлецомъ и сволочью.

Ганимед. (съ серьезнымъ видомъ и наклонивъ нѣсколько на бокъ голову). Извольте, молодой человѣкъ, даю.

Противники подаютъ другъ другу руки и тѣмъ оканчивается это курьезное дѣло.

26.

Дѣло А. И. Макаровой. *).

(Мировой судъ).

26-го сентября 1868 года, у мироваго судьи александровскаго участка разбиралось дѣло о буйныхъ поступкахъ жены коллежскаго секретаря А. И. Макаровой.

Обвиненіе состояло въ слѣдующемъ. Г-жа Макарова, живущая въ номерахъ на Никитской, въ домѣ Лясотовичъ, напившись пьяною начала бить посуду. На шумъ прибѣжалъ хозяинъ номеровъ и нѣкоторые изъ жильцовъ. Г-жа Макарова бросила въ хозяина бутылкой, потомъ выскочила на крышу, усѣлась тамъ и принялась пѣть пѣсни. Обо всемъ этомъ была увѣдомлена полиція.

Защитникъ Макаровой г. Муравлевъ въ оправданіе своей кліентки объяснилъ, что г-жа Макарова часто предается меланхоліи. Въ день совершившагося произшествія, она заперлась въ своемъ номерѣ, чтобы поплакать на свободѣ. Хозяинъ номеровъ сталъ стучаться къ ней и распрашивать ее, „о чемъ она плачетъ?“ она отвѣчала, что нужда заставляетъ ее плакать. Посуда была разбита нечаянно по неосторожности. Хозяинъ же

*) См. дѣло № 20.

кромѣ того, что нарушилъ ее уединеніе, но еще ворвавшись въ номеръ, осмѣлился ударить ее и ругался неприличными словами.

Судья, основываясь на свидѣтельскихъ показаніяхъ, подтвердившихъ дѣйствительность обвиненія, опредѣлилъ: подвергнуть г-жу Макарову семидневному аресту при городскомъ арестантскомъ домѣ.

27.

Дѣло о В. И. Ильинѣ и мѣщ. С. Жидковѣ.

(Мировой судъ.)

Въ съѣздѣ столичныхъ мировыхъ судей г. Москвы, 1-го округа, 7 октября, разсматривалось дѣло о сынѣ надв. совѣт. Владимірѣ Ильинѣ и мѣщ. Сергѣѣ Жидковѣ, обвиняемыхъ въ произведеніи ссоры и драки въ публичномъ мѣстѣ. Дѣло это первоначально разбиралось у мироваго судьи Александровскаго участка, по представленному отъ полиціи акту, и перешло въ съѣздъ по двумъ апелляціоннымъ отзывамъ гг. Ильина и Жидкова. Сущность отзыва г. Ильина слѣдующая: „23-го іюля почет. гражд. Мичуринъ, нанявъ карету, пригласилъ меня и двухъ братьевъ Жидковыхъ ѣхать въ Петровскій паркъ; сначала мы заѣхали въ го-

стинницу Пассажъ, потомъ на Тверской бульваръ, въ домъ Куренкова. Въѣхавъ на дворъ, мы вышли изъ экипажа; въ это время везшій насъ кучеръ Василій Токаревъ, будучи пьянъ, закричалъ: „зачѣмъ вы меня сюда завезли, купать что-ли хотите?“ Мичуринъ, шутя, отвѣчалъ: „Да, мы тебя выкупаемъ.“ Услыша это, Токаревъ сошелъ съ козелъ и закричалъ: „васъ всѣхъ изобью и уйду!“ Сергѣй Жидковъ замѣтилъ ему, что его не пустятъ; въ отвѣтъ на это Токаревъ хотѣлъ ударить его кулакомъ, но промахнулся; тогда Жидковъ толкнулъ его, отчего кучеръ упалъ, но, вскочивъ, выхватилъ изъ рукъ Мичурина палку и бросился съ нею на Жидкова, который, видя это, отбѣжалъ въ сторону. Я, продолжаетъ Ильинъ, стоялъ у лошадей. Токаревъ, увидя меня, бросилъ въ меня палкой, расшибъ мнѣ ею губу и затѣмъ, поднявъ кулаки, кинулся на меня. Опасаясь, чтобы онъ не нанесъ мнѣ болѣе значительныхъ побоевъ и желая защитить себя, я поднялъ палку, брошенную въ меня, и ударилъ ею его; затѣмъ, чтобы избавиться отъ его преслѣдованія, я вышелъ со двора; вскорѣ товарищи мои, выѣхавъ на улицу, посадили меня въ карету. Доѣхавъ до конца Тверскаго бульвара, кучеръ отказался править лошадьми и сталъ ругать насъ скверными словами. По-

просивъ стоявшаго у бульвара унтеръ-офицера проводить насъ въ кварталъ, я сѣлъ съ Жидковымъ на козлы и, правя лошадьми, подъѣхалъ сначала къ будкѣ, гдѣ мы разбудили городоваго. У конторы квартала Токаревъ началъ опять ругаться и, взявъ 13-ти фунтовой камень, бросилъ имъ въ насъ; по счастью, въ эту минуту Жидковъ и я соскочили съ козелъ и камень попалъ въ лошадей, отчего они понесли. На вопросъ городоваго, Токаревъ отвѣчалъ, что онъ бросилъ камень для того, чтобы разбить намъ черепъ, и слова эти унтеръ-офицеръ Тульевскій подтвердилъ подъ присягою. Въ конторѣ квартала обо всемъ этомъ составленъ былъ актъ и 31-го іюля, для разбирательства по этому случаю, двое Жидковыхъ, я и Токаревъ явились къ г. мировому судьѣ Александровскаго участка, гдѣ, къ удивленію моему, депутатъ отъ полиціи, по силѣ 2 п. 42 ст. уст. угол. судопр., обвинялъ всѣхъ насъ въ проступкахъ, предусмотрѣнныхъ 38, 42 и 123 ст. уст. о наказ. налаг. мир. суд. Мировой судья, признавая меня, С. Житкова и Токарева виновными въ произведеніи *драки въ публичномъ мѣстѣ*, руководствуясь 119 ст. уст. угол. суд., приговорилъ, на основ. 38 ст. уст. о наказ. налаг. мир. суд., меня и Житкова подвергнуть аресту на 7 дней кажда-

го; Токарева же взысканію 10-ти руб., съ замѣною при несостоятельности аресту *на 2 дня*. Приведенныя обвинительною полицейскою властью статьи закона къ этому дѣлу не относятся, а именно: въ 38 ст. сказано: „за ссоры, драки, кулачный бой, или другаго рода буйство *въ публичныхъ мѣстахъ*, и вообще за нарушеніе *общественной тишины*, виновные подвергаются аресту не свыше 7-ми дней, или денежному взысканію не свыше 25-ти руб.“ Но домъ Куренкова не можетъ, по закону, назваться публичнымъ мѣстомъ, это домъ частнаго человѣка; публичными же мѣстами именуются тѣ, гдѣ собирается публика, чего на дворѣ дома Куренкова во время происшествія не было; общественная тишина нарушена не была, что доказывается тѣмъ, что никто изъ дома Куренкова жалобъ о томъ не приносилъ, а полицейскихъ чиновъ при этомъ случаѣ не было; драки я не производилъ и зачинщикомъ таковой не былъ, а если я и ударилъ Токарева, то сдѣлалъ это единственно для защиты себя отъ его нападенія, тѣмъ болѣе, что, по болѣзни ноги, убѣжать отъ него не могъ. Въ 42 ст. сказано: „за появленіе въ публичномъ мѣстѣ пьянымъ до безпамятства, или въ безобразномъ отъ опьяненія видѣ, виновные подвергаются аресту до 7 дней, или взысканію до 25-ти руб.“

Но пьянъ я не былъ, чему служитъ доказательствомъ то, что я правилъ лошадьми отъ бульвара до будки и отъ будки до конторы квартала, чего пьяный человѣкъ и притомъ не привыкшій къ управленію лошадьми не могъ бы исполнить. Въ ст. 123 сказано: „за неосмотрительную или непомѣрную ѣзду, а также за порученіе управленія лошадьми лицу неспособному или пьяному, виновные подвергаются аресту до 7-ми дней, или взысканію до 25 руб.“ Но скорой и неосмотрительной ѣзды не было, а порученіе Токареву править лошадьми зависѣло не отъ меня, а отъ содержателя наемныхъ экипажей. Кучеръ Токаревъ приговоренъ къ меньшему противъ меня наказанію, тогда какъ онъ есть зачинщикъ и единственный виновникъ этого происшествія. Почему прошу съѣздъ мировыхъ судей, отмѣнивъ опредѣленіе г. судьи Александровскаго участка, освободить меня отъ всякаго по сему дѣлу взысканія и признать по суду оправданнымъ.“ Сер. Жидковъ представилъ отзывъ подобнаго же содержанія.

Повѣренный Влад. Ильина, отецъ его, надв. совѣт. Ильинъ, доказывалъ, что полиція ошибочно считаетъ публичнымъ мѣстомъ домъ частнаго лица, г-на Куренкова; и что происшествіе это не принадлежитъ къ числу дѣлъ, преслѣдуемыхъ по-

лиціею, а производство по нимъ могло начаться лишь по жалобѣ частныхъ лицъ, а потому могло кончиться мировою сдѣлкою, какъ это зачастую и бываетъ. *Тов. прокурора А. А. Лопухинъ* далъ слѣдующее заключеніе:—Гг. Ильинъ и Жидковъ могутъ искать съ Токарева объ оскорбленіи отдѣльно отъ настоящаго дѣла. Такъ какъ Токаревъ приговоромъ мироваго судьи остался доволенъ и въ отношеніи его приговоръ этотъ вошелъ уже въ законную силу, то вопросъ можетъ быть только объ Ильинѣ и Жидковѣ. Актъ полиціи составленъ со словъ ихъ и по показанію свидѣтелей; вполнѣ доказано, что была драка и нарушеніе тишины въ публичномъ мѣстѣ; драка началась у двора дома Куренкова и продолжалась по всему Тверскому бульвару—мѣсту публичному; слѣдовательно 38 ст. вполнѣ къ этому дѣлу примѣнима. Статья же 112-я непреложима, такъ какъ изъ акта не видно, чтобы Ильинъ и Житковъ были въ безобразномъ видѣ и пьяны до безпамятства. Непримѣнима также и ст. 123, ибо скорой ѣзды не было и не они поручали кучеру править лошадьми. Въ заключеніе, товарищъ прокурора замѣтилъ, что нѣтъ также и совокупности тѣхъ проступковъ, по которымъ, по 16 ст. уст. о наказ. налаг. мир. суд., виновный подвергается тому наказа-

нію, которое признается болѣе для него строгимъ; наказаніе можетъ быть уменьшено; однако, по 38 ст., съѣздъ можетъ назначить и высшую мѣру: 7-ми дневный арестъ или денежное взысканіе.

Съѣздъ, руководствуясь 119 ст. уст. угол. судопр., опредѣлилъ, на основ. ст. уст. о наказ. налаг. мир. суд., подвергнуть Ильина и Жидкова денежному взысканію по 25-ти руб. каждаго, а въ случаѣ несостоятельности—7-ми дневному аресту.

28.

Дѣло князя Голицына и Семичева.

(Мировой судъ).

Отставной губернскій секретарь князь Голицынъ принесъ мировому судьѣ Пречистенскаго участка жалобу, заключающуюся въ томъ, что въ сумерки 30-го Сентября прибылъ онъ къ сестрѣ своей, живущей на Пречистенкѣ, въ домѣ Селезнева, гдѣ жила также полковница Луиза Г—ва. Послѣдняя предложила ему напиться вмѣстѣ съ нею чаю, на что онъ согласился. Спустя немного времени пришелъ туда-же коллежскій совѣтникъ Семичевъ и, встрѣтивъ кн. Голицына, сталъ осыпать его бранью, хотѣлъ бить, но былъ удержанъ г. Г—вой.

Голицынъ ушелъ въ другую комнату, но Семичевѣ не унимался продолжалъ кричать, вызывая его оттуда и грозясь убить его.

Разбирательство по этому дѣлу было 17 октября 1858 года. Въ камеру мироваго судьи явились: князь Голицынъ, повѣренный его г. Худяковъ, Семичевъ, г. Г—ва и въ качествѣ свидѣтелей г. Ососкова, служанка Ефимья Ефимова и г. Томилинъ.

На вопросъ судьи признаетъ-ли Семичевъ себя виновнымъ, тотъ отвѣчалъ отрицательно. „Я пришелъ къ г. Г—вой — объяснялъ Семичевъ: часовъ въ 8 или 9 вечера, а не въ сумерки, какъ показываетъ кн. Голицынъ. Прихожу, дверь отворена и услыхалъ чей-то мужской голосъ говоритъ: „Я дамъ вамъ въ 3000 рублей вексель, только пошлите его къ черту!“ Я никому не уступлю, когда дѣло касается моей чести! Услыхавъ эти слова и увидѣвъ вотъ этого (указываетъ на Голицына) неизвѣстнаго мнѣ господина, я подошелъ къ нему и сказалъ, что дѣйствовать такимъ образомъ низко, подло! и попросилъ его выйти вонъ; но бить его я бы не позволилъ себѣ, потому что не такъ воспитанъ. Послѣ того я отправился къ сестрѣ князя Голицына съ намѣреніемъ сказать ей, что подобныя вещи: мѣнять честь на деньги до-

пускать въ квартирѣ не вѣжливо. — Затѣмъ начался допросъ свидѣтелей, при чемъ повѣренный кн. Голицына изъявилъ желаніе, чтобы свидѣтели были спрошены подъ присягою.

Свидѣтельница г-жа Г—ва. Семичевъ беретъ у меня уроки французскаго языка. Князь Голицынъ пришелъ къ своей сестрѣ и я пригласила его къ себѣ чай пить, потомъ въ шутку сказала Голицыну, что Семичевъ хочетъ выдать мнѣ за уроки вексель въ 3000 руб. На это князь отвѣтилъ: „Зачѣмъ вексель, возьмите деньги, а его къ черту!“ Въ эту минуту на бѣду вошелъ Семичевъ; онъ услыхалъ слова князя, подошелъ къ нему и сказалъ: „стыдно, подло научать женщину“ и началась мэжду ними ссора.

Судья. Въ чемъ заключалась ихъ ссора?

Г—ва. Во время шума развѣ поймешь что-нибудь.

Судья. Какой-же конецъ былъ положенъ этой ссорѣ.

Г—ва. Я попросила князя уйти, онъ ушелъ, тѣмъ все и кончилось.

Судья. Былъ еще кто нибудь въ это время?

Г—ва. Нѣтъ, никого.

Семичевъ. Г. судья, я знаю французскій языкъ и уроки мнѣ брать незачѣмъ; но мнѣ необходимо

изучить этотъ языкъ вполнѣ, потому что я хочу служить при посольствѣ: я и говорилъ дѣйствительно, что дорого-бы далъ тому, кто меня выучитъ этому языку въ совершенствѣ.

Повѣренный Голицына (Г—вой) А бить князя Голицына Семичевъ хотѣлъ?

Г—ва. О, это было бы неблагородно!

Судья приступилъ къ спросу г. Томилина.

Томилинъ. 30-го сентября князь Голицынъ идя ко мнѣ, зашелъ къ г-жѣ Г—вой, которая, извѣстно всѣмъ съ Семичевымъ...

Судья звонитъ.

Томилинъ. Я находился въ сосѣдней комнатѣ—Голицынъ, посидѣвъ немного у меня, опять отправился къ г. Г—вой. Вскорѣ я услыхалъ крикъ: „Воръ, мошенникъ, ты взятками разбогатѣлъ„ это кричалъ Семичевъ и слова эти слышала даже жена учителя гимназіи г-жа Будде, живущая на верху.

Судья. Голицынъ отвѣчалъ также на эту брань?

Томилинъ. Нѣтъ, онъ молчалъ.

Свидѣтельница Ефимья Ефимова показала, что во время ссоры, она въ сѣняхъ ставила самоваръ и хотя слышала шумъ, но словъ не поняла.

Свидѣтельница Ососкова показала, что слышала отъ самой г-жи Г—вой, а сама свидѣтельница въ

это время не была,— что кн. Голицынъ пришелъ къ сестрѣ своей отъ всенощной. — Г—ва пригласила его къ себѣ пить чай; начали говорить о 3000 руб., обѣщанныхъ ей Семичевымъ, съ которымъ она Г—ва... но свидѣтельница на этихъ словахъ была прервана замѣчаніемъ судьи. Затѣмъ свидѣтельница продолжала: „Въ это время вошелъ Семичевъ, бросился на князя, сталъ ругать его, наконецъ схватилъ лежавшій на столѣ ножъ, который вырвала у него Г—ва; потомъ Семичевъ сталъ стучаться въ дверь, ведущую въ спальню хозяйки. Вотъ все, что я слышала отъ самой Г—вой, заключила свое показаніе г-жа Ососкова.

Повѣренный Голицына (Ососковой). Вы не знаете за что Семичевъ обѣщалъ Г—вой 3000 руб.

Судья. Это не относится къ дѣлу, и я отказываю въ свидѣтельствѣ г-жи Ососковой.

Въ эту минуту г. Г—ва, сидѣвшая рядомъ съ г. Томилинымъ вдругъ вскакиваетъ „какъ смѣете вы, г. Томилинъ, говорить мнѣ такія дерзости, я сейчасъ пожалуюсь на васъ мировому судьѣ.... Хотите?... Вотъ всѣ здѣсь свидѣтели!...“ Мировой судья звонитъ.

Судья. Перестаньте. Не угодно-ли вамъ, господа, примириться?

Мироваго соглашенія не послѣдовало.

Мировой судья на основаніи 119 ст. Уст. угол. суд. опредѣлилъ: подвергнуть г. Семичева штрафу въ 10 р. с. Обѣ стороны рѣшеніемъ этимъ остались недовольны.

29.

Дѣло московскаго купца Тимофѣева.

(Окружной судъ).

Въ московскомъ окружномъ судѣ по 1-му уголовному отдѣленію, подъ предсѣдательствомъ Н. С. Арсеньева, при членахъ Н. А. Анцыферовѣ и П. П. Легейдѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 5 и 6-го Ноября разсматривалось дѣло о фальшивомъ духовномъ завѣщаніи московскаго купца Михаила Тимофѣева. Обвинялъ товарищъ прокурора Н. Н. Павловъ. Обвиняемыми были: жена покойнаго Александра Иванова, губернскій секретарь Окуневъ и канцелярскій служитель Соловьевъ. Защищали: г-жу Тимофѣеву—присяжный повѣренный Ф. Г. Соловьевъ, Окунева—присяжный стряпчій К. П. Соловьевъ и Соловьева—присяжный повѣренный И. Л. Головнинъ. Повѣреннымъ гражданскаго истца брата умершаго Михаила Тимофѣева, мѣщанина Петра Тимофѣева,

былъ кандидатъ правъ князь А. И. Урусовъ. Защитникъ Тимофѣевой г-нъ Соловьевъ заявилъ что со стороны Петра Тимофѣева недоказано, чтобы онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ послѣ брата своего, а потому и не можетъ быть гражданскимъ истцемъ. На это заявленіе судъ, соглашаясь съ мнѣніемъ прокурора, опредѣлилъ: такъ какъ Петръ Тимофѣевъ уже допущенъ судомъ въ качествѣ гражданскаго истца, то и оставить за нимъ это право. Обвинительный актъ заключался въ слѣдующемъ:

Въ 1864 году августа 24 числа умеръ московскій купецъ Михаилъ Тимофѣевъ. При сдѣланіи того же числа полиціею описи его имущества, вдова его объяснила, что послѣ мужа ея завѣщанія не осталось. Но 18-го сентября того же года она представила въ 1-й Д—тъ Магистрата духовное завѣщаніе своего мужа, явленное во 2-мъ д—тѣ гражд. палаты и составленное 16-го августа 1864 года. Завѣщаніемъ этимъ все имущество свое Михаилъ Тимофѣевъ отказывалъ ей. На этомъ основаніи она и просила выдать ей опечатанное имущество. Просьба ея была удовлетворена. Между тѣмъ братъ умершаго Петръ Тимофѣевъ принесъ жалобу, въ которой означенное завѣщаніе признавалъ фальшивымъ. Назначено было слѣдствіе,

вначалѣ производившемся Добронравовымъ и подъ конецъ переданное Набѣдимову. Завѣщаніе писано кол. рег. Дурасовымъ и подписано: вмѣсто завѣщателя, за невладѣніемъ рукъ, по его личной просьбѣ тит. сов. Цвѣтковымъ и свидѣтелями: кол. рег. Соловьевымъ и губ. секретарями Полевымъ и Окуневымъ. Дурасовъ объяснилъ, что онъ переписывалъ завѣщаніе въ трактирѣ 26 или 27-го числа августа, ибо хорошенько не помнитъ, по просьбѣ встрѣтившагося ему на улицѣ неизвѣстнаго молодаго человѣка; для числа онъ оставилъ мѣсто; въ чемъ заключалось завѣщаніе не припомнитъ и самого завѣщателя никогда не видалъ. Полевъ, теперь уже умершій, показалъ что покойнаго Тимофѣева зналъ лѣтъ 6 и часто бывалъ у него. Незадолго до Успеньева дня, Тимофѣевъ пригласилъ его чрезъ неизвѣстнаго ему молодаго человѣка и когда Полевъ пришелъ къ Тимофѣеву, то тотъ лежалъ на диванѣ и просилъ его подписаться подъ завѣщаніемъ свидѣтелемъ. Завѣщаніе вмѣсто Тимофѣева было подписано кѣмъ-то другимъ, такъ какъ самъ онъ не владѣлъ рукою. Полевъ подписалъ завѣщаніе и Тимофѣевъ сталъ просить его отыскать еще двухъ свидѣтелей и Полевъ послалъ къ нему на другой день двухъ своихъ сослуживцевъ Соловьева и Окунева, которые показали, что Полевъ

не посылалъ ихъ къ Тимофѣеву, а подписали они завѣщаніе по просьбѣ самаго Тимофѣева. Окуневъ сказалъ, что при приходѣ его Тимофѣевъ всталъ и протянулъ руку, но не владѣлъ уже ею; Соловьевъ-же показалъ, что Тимофѣевъ, вынулъ для подписанія завѣщаніе изъ-подъ подушки. Относительно того, что Соловьевъ подписался подъ завѣщаніемъ коллежскимъ регистраторомъ онъ объяснилъ, что совершилъ это безъ всякого злаго умысла. Цвѣтковъ, какъ умершій, спрошенъ не былъ.

Обвиняемая Тимофѣева показала, что виновною себя не признаетъ; что духовное завѣщаніе, найденное ею на комодѣ подъ клеенкою уже послѣ смерти мужа и о существованіи котораго она прежде ничего не знала, считаетъ правильнымъ. Хотя въ прошеніи въ магистратъ и сказано, что завѣщаніе сохранялось у брата ея Щигляева, но это произошло по ошибкѣ переписчика прошенія; а она въ то время была очень разстроена и у нея болѣли глаза, почему она и не замѣтила этой ошибки. У мужа ея никакого состоянія не было, а все оставшееся составляетъ ея приданое, переданное мужу ея отцемъ. Брата своего мужа она никогда не видала и ничего объ немъ не слыхала, а равно она не знала никого и изъ подписавшихъ завѣщаніе. Мужъ ея болѣнъ былъ цѣ-

лый годъ, а 16-го августа у него сдѣлалось нѣчто въ родѣ удара. До его смерти она имущества никому не передавала и не скрывала, а продала товаръ купцу Волынскому когда уже была введена во владѣніе.

Обвиняемый Окуневъ, признавая себя виновнымъ въ подписаніи завѣщанія по просьбѣ Тимофѣева, но не въ его присутствіи. Передъ успеньевымъ днемъ въ магистратъ пришелъ квартальный надзиратель Бартновскій, съ которымъ прежде хаживалъ въ магистратъ Тимофѣевъ, и сказалъ, что Тимофѣевъ болѣнъ и проситъ его и Соловьева подписать завѣщаніе. Они, сдавшись на его убѣжденія, согласились, а потомъ оба они ходили съ Бартновскимъ къ Тимофѣеву удостовѣриться: онъ-ли присылалъ завѣщаніе и тотъ отвѣчалъ имъ, что это дѣйствительно правда и просилъ ихъ подтвердить подпись въ гражданской палатѣ при явкѣ завѣщанія.

Во время содержанія въ острогѣ Окуневъ говорилъ Соловьеву, что Дурасовъ хочетъ показать истину, что онъ послалъ письмо къ П. Тимофѣеву, объявляя будто переписывалъ завѣщаніе уже послѣ 26 августа, по просьбѣ П. Тимофѣева, который и заплатилъ ему за то; между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ переписывалъ означен-

ное завѣщаніе въ началѣ августа; но за это Дурасовъ проситъ 100 р.; Дурасовъ повторилъ это при другихъ арестантахъ и они согласились дать ему 50 руб. впередъ, а остальные 50 руб. передать черезъ тюремнаго священника послѣ его показанія, на что священникъ и согласился. Впрочемъ дѣло это у нихъ разстроилось.

Обвиняемый Соловьевъ показалъ тоже и сверхъ того призналъ себя виновнымъ въ наименованіи чиномъ колежскаго регистратора.

Мочалинъ, бывшій прикащикъ Тимофѣева показалъ, что хозяинъ его былъ болѣнъ все лѣто, но ходилъ въ лавку до половины августа; торговыя книги велъ Тимофѣевъ самъ и когда пересталъ вести ихъ, сказать утвердительно не можетъ. Тимофѣева Петра, Мочалинъ видалъ въ лавкѣ рѣдко, не болѣе трехъ разъ въ годъ, когда тотъ приходилъ за деньгами на содержаніе матери; ходилъли онъ къ покойному не знаетъ, ибо въ квартиру его, кромѣ лавки, былъ еще ходъ со двора. Подписавшихся подъ завѣщаніемъ лицъ онъ, свидѣтель не знаетъ и вообще ничего не знаетъ о завѣщаніи. Когда соборовали М. Тимофѣева, то его посылали за П. Тимофѣевымъ, но кто именно посылалъ хорошо не помнитъ, а кажется сама хозяйка. Тесть М. Тимофѣева, Щегляевъ, былъ че-

ловѣкъ очень богатый и, какъ Мочалинъ слышалъ, Тимофѣевъ взялъ за женою хорошее приданое. Ежегодный торговый оборотъ Тимофѣева былъ около 10000 р. с.

Изъ акта опечатанія имущества умершаго Тимофѣева видно, что вслѣдствіе объявленія П. Тимофѣева о сокрытіи вдовою имущества, на чердакѣ найденъ скрытый товаръ, а около двери разные счета и книги. На это Тимофѣева объяснила, что товаръ былъ перенесенъ туда еще при жизни мужа ея и что она по болѣзни и разстройству позабыла объявить о томъ 24-го августа. Мочалинъ показалъ, что на чердакѣ складывался всякій лишній товаръ и столовые часы, отданные на комисію. Приходскій священникъ Раевскій показалъ между прочимъ что передъ успеньевымъ днемъ М. Тимофѣевъ говѣлъ; 15-го августа былъ у обѣдни, крестился самъ и прикладывался ко кресту; былъ-ли онъ у обѣдни 16-го числа — этого свидѣтель не замѣтилъ, а 17-го числа онъ его соборовалъ, въ этотъ день Тимофѣевъ былъ ужъ безъ памяти и умеръ 23 или 24-го числа. Съ женою онъ жилъ прекрасно и самъ былъ человѣкъ превосходный; чье было состояніе свидѣтель не знаетъ. Духовникъ М. Тимофѣева, священникъ Полянскій объяснилъ, что Тимофѣевъ исповѣдывался

у него 13-го августа; послѣ исповѣди говорилъ что слабѣетъ со дня на день и желаетъ сдѣлать завѣщаніе, чтобы родные не обидѣли его жену. Кухарка Павлова сама въ судъ не явилась, а въ показаніи своемъ, прочитанномъ судомъ объяснила, что покойный владѣлъ руками и ногами, въ церковь ходилъ, говѣлъ и причащался; увозили-ли его товаръ она не знаетъ, о завѣщаніи слышала прежде, что онъ хочетъ сдѣлать оное.

Изъ остальныхъ свидѣтелей важно показаніе чиновника Дурасова, объяснившаго, что прежнее его показаніе у судебнаго слѣдователя ложно и дано по просьбѣ П. Тимофѣева, но что онъ, желая показать теперь сущую правду, объявляетъ что завѣщаніе писалъ не 26 или 27-го августа, а на первой недѣли успенскаго поста и что Соловьевь и Окуневъ сидятъ въ тюрмѣ напрасно. На слѣдующій день, 6-го ноября, послѣ судебнаго состязанія и обвинительной рѣчи товарища прокурора, судъ постановилъ, согласно приговору присяжныхъ: г-жу Тимофѣеву и Окунева признать невиновными, а Соловьева подвергнуть въ 25 р. штрафу или, въ случаѣ несостоятельности аресту на пять дней.

30.

Дѣло объ оскорбленіи И. Акимовымъ мѣщанки А. Николаевой.

(Мировый Судъ)

7-го ноября у мироваго судьи Хамовническаго участка происходило, между прочими, разбирательство по дѣлу объ оскорбленіи дѣйствіемъ столярнымъ мастеромъ Иваномъ Акимовымъ мѣщанки Агафьи Николаевой. Сущность обвиненія заключалась въ томъ, что Агаѳья Николаева пришла на крестины къ одному изъ работниковъ Акимова. Послѣ обряда крещенія младенца, какъ водится, началось угощеніе; жена Акимова, безъ всякаго повода со стороны Николаевой, начала бранить ее неприличными словами, на что послѣдняя отвѣчала также бранью; Акимовъ доселѣ непринимавшій никакого участія въ этой ссорѣ, вступился за жену, бросился на Николаеву, сорвалъ съ нея косынку и началъ таскать ее за волосы. — Вотъ, ваше благородіе, и волосики, что онъ у меня вырвалъ,—добавила Николаева, показывая клочекъ волосъ.

Судья. Нѣтъ ли у васъ другихъ доказательствъ къ обвиненію?

Николаева. Женщина тоже была, Пелагеей Сергѣевной звать—и она видѣла.

Суд. Она здѣсь, Пелагея Сергѣева?

Свидѣтельница: — Здѣсь, сударь, ваше благородіе.

Суд. Удалитесь; — къ обвиняемому: — Что скажите въ свое оправданіе?

Иванъ Акимовъ. Я ее, ваше благородіе, какъ есть пальчикомъ не трогалъ; мужъ вотъ ея точно избилъ меня, при городовомъ за бороду и за волосы таскалъ, жилетъ на мнѣ весь такъ-таки и исполосовалъ; а я, какъ передъ Богомъ, даже не бранилъ ее, она же мою жену всячески позорила: и сволочью, и шкурой барабанной....

Суд. Послушайте, я бы вамъ совѣтывалъ сойтись полюбовно.

Никол., обидчиво: — Сохрани меня Господи, чтобъ я съ эдакимъ разбойникомъ!... у меня мужъ есть!

Суд, Акимову: — Вы тоже не желаете помириться?

Аким. Меня, ваше благородіе, самого избили, а я, провались на семъ мѣстѣ, ни въ чемъ не причиненъ. Спросите вонъ свидѣтеля моего, что здѣсь сидитъ, тоже въ это самое время въ гостяхъ на крестинахъ былъ.

Суд. Такъ какъ вы не назвали мнѣ вашего свидѣтеля прежде, то я и не могу его спрашивать.— Послѣ нѣкотораго молчанія: — Скажите мнѣ, все это — и брань, и драка происходили во время крестинъ?

Аким. Никакъ нѣтъ-съ, опосля — улыбаясь — когда всѣ, значитъ, маленько подгулямши были.

Суд. А все-таки хороши были крестины, нечего сказать! — отвѣтчику: — Ну, а волосы-то, что она мнѣ показывала, откуда взялись?

Аким. Это канитель одна-съ... вычесали, должно быть.

Суд. Николаевой: — Вы дѣйствительно бранили жену Акимова?

Ник. Бранила, только сперва-на-перво она меня обругала: ты, говоритъ, сволочь! Ну, какая же я есть сволочь такая, вы сами разсудить можете, ваше благородіе!

Аким. Неправда-съ, ваше благородіе, она сперва начала бранить мою жену; — съ достоинствомъ — а я и вступился за жену, потому, значитъ, кость моя: не озарничай, молъ, не хорошо!

Суд. Да вы оба помните-ли все какъ слѣдуетъ; вѣдь суматоха была.

Ник. Я все помню-съ. Вотъ Иванъ Акимычъ мнѣ еще должны 8 рублей.

Аким. Неправда, всего только четыре.

Суд. Вы лучше вотъ что: разочтитесь здѣсь между собою, а дѣло это прекратите.

Ник. Послѣ этого онъ меня убить можетъ.

Суд. Какой вздоръ! — Акимову: — Заплатите ей 8 рублей.

Аким. Развѣ только для вашего благородія, извольте.

Ния. А какъ же, онъ меня прибилъ-то; за это такъ-таки ничего ему и не будетъ?

Суд. Стало быть вы хотите вести это дѣло?

Ник. Это какъ вамъ будетъ угодно, ваше благородіе.

Суо. Въ такомъ случаѣ я долженъ буду спросить свидѣтельницу.

Ник. Какъ вашей милости будетъ угодно. Судья вызываетъ свидѣтельницу крестьянку Пелагею Сергѣеву, которая, обязавшись подтвердить свое показаніе подъ присягою, объяснила, что она также была на крестинахъ у работника Акимова, что браниться начала жена его, а Николаева отвѣчала на эту брань бранью же, и что Акимовъ дѣйствительно оттаскалъ Николаеву за волосы.

Суд. Акимову: — Слышали показаніе свидѣтельницы? Спросите же ее, какими глазами она все это видѣла.

Аким., благодушно улыбаясь: — Извѣстно какими глазами, ваше благородіе—сказать по-божески, всѣ въ меланхоліи находились.

Суд. Николаевой: — Хотите получить десять рублей и кончить дѣло?

Ник. Какъ вамъ будетъ угодно.

Суд. Акимову: — Согласны на это?

Аким. Помилуйте, я и такъ ей четыре рубля лишнихъ отдаю.

Суд. Если я совѣтую вамъ заплатить ей 10 рублей, то говорю вамъ не изъ удовольствія разсуждать съ вами, а для вашей же пользы.

Аким., низко кланяясь. — Нижайше благодарю васъ, только обидно ужъ оченно, потому что четыре да два — шутка, шесть рублевъ, да жилетъ, что супругъ ихній изорвалъ, чего нибудь да стоитъ.

Суд. За обиду дѣйствіемъ полагается штрафъ въ пятьдесятъ рублей?

Аким. Тутъ и дѣйствій то, ваше благородіе, никакихъ не было, такъ одно затмѣніе нашло, одначе, дѣлать нечего, извольте, жертвую.

Суд. Зачѣмъ вы ждали, чтобы я сказалъ вамъ это?

Аким. А на томъ мы вамъ наичувствительно благодарны остаемся: — кланяется.

Суд. Николаевой: — А лучше бы вы взяли восемь рублей: вѣдь достаточно и этого.

Ник. Помилуйте-съ, восемь рублей моя собственность.

Аким. Не грѣшите, Агафья Николавна; предъ Богомъ отвѣтите.

Ник. У Якиманскаго мироваго судьи росписка лежитъ вашего работника Андрея Владимірыча въ 30 рублей. — къ судьѣ: — Кіету они мнѣ сдѣлали за 17 рублей, да 5 рублей заплатили, 8 рублей и остается; а они за работника своего ручались.

Суд. Когда вы представили росписку къ Якиманскому мировому судьѣ?

Ник. Еще въ прошломъ году-съ.

Суд. Такъ съ тѣхъ поръ и лежитъ она тамъ и не вызывали васъ?

Ник. Никакъ нѣтъ-съ.

Суд. Г-мъ! — Акимову. — И такъ завтра вы заплатите ей 10 рублей. — Николаевой: — А вы возвратите ему росписку.

Ник. Какъ вашей милости будетъ угодно, только я къ Ивану Акимычу ни за что не пойду.

Суд. Ну, такъ и деньги и росписку принесите завтра ко мнѣ. — Письмоводителю. — Напишите мировую.

31.

Дѣло о церковномъ старостѣ Казанскаго собора, почетномъ гражданинѣ С. Г. Котовѣ.

(Окружной судъ).

31-го января 1869 года, въ Московскомъ Окружномъ судѣ подъ предсѣдательствомъ Н. С. Арсеньева, при членахъ суда Н. А. Анцыферовѣ и В. И. Веселовскомъ разсматривалось дѣло о церковномъ старостѣ Казанскаго собора, почетномъ гражданинѣ Сем. Григ. Котовѣ, обвинявшемся въ оскорбленіи, городской части, пристава майора Тимирязева; обвинялъ товарищъ прокурора; защитникомъ обвиняемаго былъ присяжный повѣренный М. И. Доброхотовъ. Обстоятелчства дѣла слѣдующія.

1868 года 8-го іюля, въ день казанской Божіей Матери, во время литургіи въ Казанскомъ соборѣ по случаю храмоваго праздника находилось множество народа; въ соборѣ для порядка былъ и частный приставъ Тимирязевъ. Послѣ обѣдни приставъ Тимирязевъ просилъ народъ не останавливаться, чтобы не мѣшать выносу св. иконъ. — Церковный староста Котовъ, видя это, сказалъ, обратясь къ г. Тимирязеву: „здѣсь не ваше дѣло

распоряжаться"; на это послѣдній отвѣтилъ, что это его прямой долгъ и продолжалъ расчищать дорогу. Тогда г. Котовъ, подошедши къ приставу, взялъ его за руку и, указывая на выходъ, громко произнесъ: „вонъ тамъ ваше мѣсто, а здѣсь вы не смѣете распоряжаться.

Свидѣтелями этого происшествія были поручики Гейцигъ и Пейкеръ.

На слѣдствіи г. Котовъ далъ показаніе, что онъ ничѣмъ не оскорблялъ частнаго пристава Темирязева, а только замѣтилъ ему, что онъ напрасно выгоняетъ народъ изъ храма передъ окончаніемъ литургіи.

Прокурорскій надзоръ, принимая во вниманіе: а) что, по ст. 10 XIV т. св. зак., миръ и тишину въ церквахъ обязана охранять полиція, и b) что Котовъ предоставилъ себѣ право указывать частному приставу Тимирязеву какъ долженъ онъ исполнять служебныя обязанности свои, призналъ церковнаго старосту Котова виновнымъ въ оскорбленіи пристава Тимирязева при исполненіи симъ послѣднимъ служебныхъ обязанностей неприличными словами, — въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 286 улож. о нак. Далѣе прокуроръ прочелъ, что обвиненіе Котова въ оскорбленіи Тимирязева дѣйствіемъ по опредѣленію судебной пала-

ты прекращено. Обвиняемый виновнымъ себя не призналъ.

Приставъ Тимирязевъ: 8-го іюля во время крестнаго хода въ Казанскій соборъ по случаю храмоваго праздника я, какъ мѣстный частный приставъ, находился по обязанности службы въ соборѣ; около входа въ соборъ толпилось множество народа и загораживало дорогу крестному ходу. Увидѣвъ это, я вѣжливо просилъ народъ очистить дорогу и проходить въ церковь, гдѣ было довольно просторно. Вдругъ ко мнѣ подходитъ этотъ самый господинъ (*указываетъ на Котова*) и съ дерзостью говоритъ мнѣ: „выгонять народъ здѣсь вы не смѣете“ — „я здѣшній частный приставъ“ отвѣчалъ я ему скромно и вѣжливо, тогда этотъ неизвѣстный мнѣ господинъ, взявши меня за руку, повернулъ къ выходу и сказалъ: „тамъ ваше мѣсто.“ Я спросилъ потомъ квартальнаго надзирателя Полякова, кто этотъ человѣкъ и поручилъ ему пригласить его въ кварталъ для того, чтобы составить обо всемъ актъ. Я не могъ приказать арестовать Котова; но если бы захотѣлъ, то это было бы исполнено, ибо надзиратель не могъ меня ослушаться, а отвѣчать за все сталъ бы лишь я. Я не говорилъ Котову, что мѣсто его у ящика и никакого приглашенія полиціи отъ мѣстнаго

причта, для возстановленія порядка, не было; это была бы моя обязанность, ибо законъ говоритъ прямо, что наблюденіе за порядкомъ принадлежитъ полиціи. Котовъ еще до этого оскорбленія обратился ко мнѣ съ дерзостью и едва не приказывалъ мнѣ велѣть отворить окно. Я, какъ помнится, отвѣтилъ ему, что пускай пошлетъ сторожа и, чтобы не слыхать новыхъ дерзостей, ушелъ. Хотя меня и очень удивили слова Котова и я, быть можетъ, и взглянулъ на него, но лица его хорошенько не запомнилъ да и не могъ предположить, чтобы слова эти сказалъ староста.

Котовъ. Когда вошелъ преосвященный, я получилъ отъ него благословеніе и поздоровался за руку съ шедшимъ за нимъ оберъ-полиціймейстеромъ. Мы стали вмѣстѣ около амвона и я замѣтилъ что стоялъ народъ на одномъ изъ оконъ, которыя всѣ по случаю жары были открыты; оглянувшись, я увидалъ назади какого-то полицейскаго чиновника и попросилъ его сдѣлать распоряженіе, чтобы народъ сошелъ съ окна. „Сами можете согнать“ отвѣтилъ онъ такъ громко, что вѣроятно эти слова слышали и митрополитъ и оберъ-полиціймейстеръ. „Я прошу васъ не самимъ сгонять—говорю—а только распорядиться, это ваша обязанность, меня пожалуй, и не послушаются.“

Тимирязевъ ушелъ и я принужденъ былъ послать артельщика просить народъ очистить окошко. Тимирязевъ говоритъ, что онъ не зналъ меня — не думаю, чтобы это была правда: какъ не знать ему меня. Послѣ обѣдни крестный ходъ уже вышелъ изъ собора, и народа оставалось немного, дожидались выхода митрополита, чтобы подойти подъ благословеніе. Тутъ я замѣтитъ того же самого чиновника, занимавшагося изгнаніемъ изъ собора народа; это меня удивило: зачѣмъ гнать изъ собора народъ, когда у насъ соборъ открытъ для всѣхъ вплоть до шести часовъ вечера и всякій можетъ молиться. Я подошелъ къ нему съ вѣжливой просьбой не выгонять народъ и не препятствовмть ему молиться; но онъ въ отвѣтъ на мою просьбу крикнулъ: „твое мѣсто у ящика!“ Это слышалъ и свѣчной староста Митюшинъ. Если бы Тимирязеву я дѣйствительно былъ неизвѣстенъ, то почему онъ могъ знать, гдѣ мое мѣсто въ Казанскомъ соборѣ? Неужели онъ всѣхъ посылаетъ къ ящику? На эти слова, весьма понятно, я имѣлъ полное право отвѣтить: Если мое мѣсто у ящика, то ваше у дверей. Правда, слова мои были не очень вѣжливы, но они были вполнѣ умѣстны и справедлявы: вѣдь не сказать же полицейскому, что мѣсто его въ олтарѣ; это было бы ужъ слиш-

комъ большимъ комплиментомъ; конечно мѣсто полицейскаго у входа, гдѣ толпа и гдѣ въ предупрежденіе безпорядка онъ и долженъ находиться. По окончаніи Божественной службы былъ устроенъ завтракъ въ домѣ, принадлежащемъ собору, въ Брюсовскомъ переулкѣ, и я выходилъ сказать митрополичьему кучеру, чтобы онъ ѣхалъ не по Тверской, а по Никитской, такъ какъ первую тогда срывали и ѣхать по ней было слишкомъ неудобно. Вдругъ въ это время подходитъ ко мнѣ Тимирязевъ со словами, что арестуетъ меня. Я засмѣялся и сказалъ: „какъ же это въ соборѣ арестовать церковнаго старосту?“ Тогда Тимирязевъ обратясь къ Полякову приказалъ взять меня и препроводить къ нему въ частный домъ. Разумѣется Поляковъ не могъ исполнить этого приказанія и объяснилъ ему, что „это староста“. Я могъ бы все передать митропотиту, который, кажется и слышалъ это, и онъ приказаль бы вывести Тимирязева изъ храма, какъ нарушившаго тишину и далъ бы надлежащій ходъ дѣлу, ибо въ храмѣ никто не арестовывается, а тѣмъ болѣе староста. Если бы старостъ полиція выводила изъ церкви или арестовывала въ оной, то кто бы и пошелъ въ старосты? Если староста не имѣетъ права распоряжаться въ своей церкви, то зачѣмъ и вы-

бирать ихъ. Я обязанъ, какъ староста, заботиться объ увеличеніи церковнаго капитала, но если полиція не будетъ пускать народъ въ церкви или выгонять ихъ оттуда, то никто, пожалуй и не пойдетъ. Мнѣ сказывалъ послѣ купецъ Овчинниковъ, что Тимирязевъ въ гостяхъ у Врубеля говорилъ, будто оберъ-цолиціймейстеръ пенялъ ему, что онъ не велѣлъ связать мнѣ руки назадъ. Я жаловался на Тимирязева оберъ-полиціймейстеру, передалъ ему эти слова Тимирязева; но оберъ-полиціймейстеръ сказалъ мнѣ, что никогда ничего подобнаго не говорилъ; а относительно моей жалобы сказалъ, что ничего сдѣлать не можетъ до окончанія этого дѣла въ окружномъ судѣ.

Свидѣтель Гейцигъ (показалъ подъ присягою). Я стоялъ недалеко отъ входа; г. Тимирязевъ очень вѣжливо просилъ народъ не толпиться у входа; къ нему, Тимирязеву, подошелъ сзади Котовъ; что говорили они между собою я не слыхалъ, но видѣлъ какъ Котовъ, взявъ Тимирязева за руку, повернулъ его и сказалъ, указывая на дверь: „ваше мѣсто тамъ.“ Котовъ былъ раздраженъ, но Тимирязевъ сдержанъ и вѣжливъ и жестовъ по направленію къ ящику, сей послѣдній не дѣлалъ. На соборной паперти г. Тимирязевъ просилъ меня и поручика Пейкера быть свидѣтелями всего

произшедшаго при составленіи акта, который и былъ составленъ, но въ тотъ же самый день или на слѣдующій — хорошенько не помню.

Свидѣтель Пейкеръ не явился въ судъ, но далъ показаніе, которое и было прочитано и оно, кромѣ того что г. Тимирязевъ расчищалъ путь ко входу безъ всякой ощутительной надобности, не заключало въ себѣ никакихъ противорѣчій съ показаніемъ перваго свидѣтеля Гейцига.

Прочтенное на судѣ показаніе цеховаго Василья Болдырева было слѣдующаго содержанія: Котовъ просилъ Тимирязева чтобы онъ оставилъ въ покоѣ народъ; Тимирязевъ что-то отвѣтилъ ему; Котовъ положилъ свою руку на руку Тимирязева и сказалъ, что онъ можетъ распоряжаться тамъ, гдѣ толпа и указалъ на выходъ, гдѣ дѣйствительно толпился народъ.

Свидѣтель мѣщанинъ Мишюшинъ: Я оправлялъ свѣчи, когда Тимирязевъ расталкивалъ народъ, говоря „прочь, прочь“ и выгонялъ его. Къ Тимирязеву подошелъ Котовъ и учтиво сказалъ ему: „оставьте народъ, ваше мѣсто у дверей.“ На эти слова Тимирязевъ отвѣчалъ ему: „вы не смѣете распоряжаться мною; мѣсто ваше у ящика“ и указалъ на ящикъ. Сказалъ-ли Тимирязевъ „ваше“

или „твое мѣсто“ я не могу сказать навѣрное, но по моему это все равно.

Квартальный надзиратель Поляковъ (показаніе *подъ присягой*). Я, какъ русскій дворянинъ, обязанъ говорить правду. Котовъ прошелъ мимо меня, за нимъ слѣдовалъ Тимирязевъ, который взволнованнымъ голосомъ сказалъ мнѣ что-то, но я сказанныхъ словъ не разслышалъ и, подойдя къ нему спросилъ его, что онъ сказалъ мнѣ. Не запомню навѣрное: велѣлъ ли онъ мнѣ остановить Котова или пригласить его въ кварталъ, но я помню только то, что арестовать Котова г. Тимирязевъ мнѣ не приказывалъ; если же бы онъ приказалъ мнѣ арестовать Котова, то я исполнилъ бы это. Г. Тимирязевъ не спрашивалъ меня объ Котовѣ: кто это, и я не отвѣчалъ, что это староста Котовъ. Когда я былъ мѣстнымъ надзирателемъ квартала, то онъ, Котовъ, постоянно вмѣшивался въ распоряженія Полиціи и всегда претендовалъ: то зачѣмъ много, то зачѣмъ мало пускаютъ въ соборъ народу.

Котовъ. Вѣдь бывшій когда то оберъ-полиціймейстеръ Мухановъ арестовалъ въ Успенскомъ соборѣ старосту Лепешкина и...

Предсѣдатель суда. Это вовсе не относится къ настоящему дѣлу.

Купецъ Овчинниковъ (показаніе подъ присягою). 10-го іюля 1868 года я былъ у частнаго пристава Врубеля на именинахъ съ поздравленіемъ; онъ упросилъ меня остаться ѣсть пирогъ. Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ Тимирязевъ, котораго я прежде вовсе не зналъ; потомъ явились еще и другіе сослуживцы Врубеля; начался разговоръ. Тимирязевъ сталъ громко разсказывать, что церковный староста Котовъ надѣлалъ ему дерзостей и показалъ на дверь. Я замѣтилъ, что едва-ли Котовъ сдѣлалъ это безъ повода съ его стороны или безъ какой другой причины — „никакой причины не было — отвѣчалъ Тимирязевъ: я распоряжался народомъ. Жалѣю объ одномъ, что я его по мордѣ не съѣздилъ.“ Дальше онъ говорилъ, что послалъ Полякова арестовать Котова, но я не слыхалъ объяснялъ ли Тимирязевъ почему Поляковъ не арестовалъ Котова. „Ему бы надо хорошее мордобитіе за то учинить — добавилъ Тимирязевъ: знай съ кѣмъ говоришь!“ На эти слова Врубель возразилъ: „хорошъ былъ-бы ты если бы въ самомъ дѣлѣ ударилъ его.“ Тутъ Тимирязевъ сталъ поносить купцовъ вообще и до того разошелся, что началъ ругаться, какъ фабричный. Слыша все это, я сказалъ ему, что я тоже купецъ и потому нельзя-ли быть повѣжливѣе, но онъ дошелъ до та-

кого изступленія что у рта была пѣна и произносилъ такія ругательства, которыя я, ваше превосходительство, считаю невозможнымъ повторять здѣсь. Сослуживцы его говорили ему, что лучше бы онъ обо всемъ составилъ тотчасъ актъ, но на это Тимирязевъ возразилъ, что онъ не могъ сдѣлать этого, потому что у него не было свидѣтелей, былъ одинъ господинъ да ушелъ, а другой, офицеръ, просилъ его не впутывать въ эту исторію. Сверхъ того Тимирязевъ говорилъ, что когда онъ разсказывалъ объ этой исторіи оберъ-полиціймейстеру, то послѣдній замѣтилъ будто бы ему, что напрасно онъ не велѣлъ связать Котова. На эти слова я еще сказалъ Тимирязеву, что едва-ли оберъполиціймейстеръ скажетъ такія слова объ старостѣ.

Тимирязевъ. Будучи на именинахъ у Врубеля, я дѣйствительно разсказывалъ въ кругу товарищей объ этомъ произшествіи; но Овчинникова я тамъ не видалъ да и теперь его не знаю.

Частный приставъ Врубель. Дѣйствительно у меня были на именинахъ 10-го іюля, въ числѣ другихъ Овчинниковъ и Тимирязевъ; Тимирязевъ разсказывалъ объ этомъ произшествіи и потомъ у нихъ съ Овчинниковымъ завязался споръ о правахъ церковныхъ старостъ. Оба они были не правы, потому что смотрѣли на этотъ предметъ

односторонне. Подробностей спора я не помню; не помню также и того: говорилъ ли Тимирязевъ что не составилъ актъ по неимѣнію свидѣтелей.

Послѣ обвинительной рѣчи прокурора началъ говорить защитникъ Котова г. Доброхотовъ. По окончаніи защиты, Котовъ сталъ разсказывать, что въ соборѣ полиція дѣлаетъ одни безпорядки; но былъ остановленъ предсѣдателемъ, замѣтившимъ ему, что это къ дѣлу нейдетъ.

Котовъ. Я не наносилъ оскорбленія Тимирязеву. Какое это оскорбленіе! Моя прямая обязанность наблюдать за порядкомъ въ церкви. У насъ есть полицейскіе и изъ евреевъ и изъ татаръ; имъ все равно — хоть скандаль случись въ церкви. Если бы мы пришли въ синагогу да увидали, что тамъ дерутся евреи,— что-жъ, мы посмѣемся да и уйдемъ, такъ и полиція у насъ, ей и дѣла нѣтъ что въ церкви православной творится.

Судъ постановилъ: подвергнуть Котова штрафу въ размѣрѣ 25 рублей.

32.

Дѣло о смотрительницѣ Матросской богадѣльни Соболевой.

(Мировой судъ).

Горничная экономка Матросской богадѣльни, Татьяна Леваницкая принесла жалобу Мировому

судьѣ Сокольническаго участка, заключавшуюся въ томъ, что она по приказанію своей барыни въ девять часовъ вечера пришла къ смотрителю той-же богадѣльни Соболеву за „Московскими Вѣдомостями“ и что тотъ, будучи хмѣльнымъ, обругалъ ее разными неприличными словами и выгналъ вонъ. Свидѣтелемъ всего этого обвинительница выставила призрѣваемаго въ означенной богадѣльнѣ старика Филиппа, находящагося въ услуженіи у г. Соболева.

Судья, вызвавъ обвиняемаго, спросилъ его: признаетъ-ли онъ себя виновнымъ и что можетъ сказать противъ этого обвиненія.

Соболевъ. А я вотъ что скажу вамъ, г. судья: мы получаемъ газеты въ шесть часовъ: я, какъ начальникъ богадѣльни, получаю газеты первый, а Татьяна пришла ко мнѣ въ 7 часовъ. Вы, г. судья, знаете катковская газета большая: въ часъ её не прочтешь, я и далъ имъ полицейскій листокъ, а газетъ, сказалъ, не дамъ до утра.

Левашицкая. Я приходила не въ семь, а въ девять часовъ, какъ обыкновенно.

Соболевъ. Только это, черезъ нѣсколько минутъ опять слышу звонокъ. Кто? спрашиваю. За газетами пришли-говорятъ. Ну, тутъ, признаюсь, я ужъ разсердился и сказалъ что-то.

Леваницкая. Да г. Соболевъ и невыслушалъ меня, а прямо обругалъ неприличными словами.

Соболевъ. Не помню я что ей сказалъ. Нынче у дѣтей я спрашивалъ: не бранилъ-ли я Татьяну; они говорятъ, что нѣтъ. Но, признаюсь, я назвалъ её дрянью и по христіански согласенъ попросить у ней за это прощенья. Только я, г. судья, былъ ужъ очень разсерженъ, а потому и сказалъ, что не буду давать имъ газетъ, пускай въ конторѣ на другой день берутъ. Ушла Татьяна; слышу, опять звонокъ; приходитъ ужъ другая, такая толстая и говоритъ, что я пьянъ, но газетъ я все-таки не далъ. У тебя, Татьяна, я готовъ просить прощенья по христіански. Посудите сами, г. судья, вѣдь безпрестанные звонки хоть кого, такъ разсердятъ. Конечно, она невиновата, виноватъ кто посылалъ её, я не пожалѣю двухъ тысячъ рублей, чтобы нанять адвоката, и буду жаловаться. Что за бѣда, что я выбранилъ её, но можно-ли меня, начальника богадѣльни, тянуть за это въ судъ. Вѣдь я послѣ этого, пожалуй, авторитетъ потеряю.

Судья. Слѣдовательно вы сознаетесь, что бранили её.

Соболевъ. Кажется, назвалъ дрянью.

Судья. Она между тѣмъ говоритъ, что вы бранили её неприличными словами.

Соболевъ. Все можетъ быть: я былъ такъ разсерженъ этими звонками. Скажи, Татьяна, какъ я тебя бранилъ?

Леваницкая, приблизившись къ судьѣ, произнесла что-то шепотомъ.

Соболевъ (прислушиваясь). Этого, право, не помню! впрочемъ я согласенъ по христіански просить прощенья. (Леваницкой). И какъ тебѣ, Татьяна, не совѣстно тянуть меня къ суду изъ за такой бездѣлицы? Мнѣ не за себя обидно, мнѣ обидно за мою должность. Вѣдь я тридцать шесть лѣтъ состою начальникомъ этого заведенія; меня вся Москва знаетъ, и Шумахеръ знаетъ меня! — а ты захотѣла срамить меня! Вотъ и нынче я былъ у Шумахера, онъ говоритъ тоже.

Леваницкая. Я никакого господина Шумахера не знаю-съ.

Соболевъ. Коли ты незнаешь, такъ вотъ г. судья знаетъ. А какъ ты смѣла меня пьянымъ назвать? а? за это ты мнѣ, матушка, отвѣтишь.

Леваницкая. Вы хоть здѣсь-то не горячились бы.

Соболевъ. Нѣтъ, голубушка, этого такъ нельзя спустить. Меня вся Москва знаетъ, и тутъ, глядико-съ въ судъ тянутъ.

Судья. Она не говорила, что вы были пьяны, она сказала только въ нетрезвомъ видѣ.

Леваницкая. Я сказала это потому, что отъ г. Соболева очень ужъ пахло виномъ; можетъ онъ и облился водкой, только очень сильно пахло, такъ и несло.

Соболевъ. Вотъ, вы, г. судья, обратите вниманіе на этотъ фактъ: я послалъ къ нимъ, потому боялся, что меня душить придутъ, а мнѣ прислали сказать, что я пьянъ, пьянъ цѣлый годъ, что на меня жаловаться будутъ попечителю и что меня въ оглобли запрягутъ на мѣсто лошади. Нѣтъ-съ, этого нельзя: я все таки начальникъ; я буду на все жаловаться. Ко мнѣ присылаютъ нарочно, чтобы взбѣсить меня. Это все непріятности по службѣ.

Судья. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до вашихъ служебныхъ отношеній. Вы лучше объясните мнѣ: какъ обругали Леваницкую; въ противномъ случаѣ я буду вынужденъ сдѣлать допросъ свидѣтелю.

Соболевъ. Право, г. судья, это интереснѣйшая исторія, стоило-бы её въ газетахъ напечатать, жалко вотъ, что нѣтъ здѣсь стенографа.

Судья приступилъ къ допросу свидѣтеля.

Свидѣтель Филиппъ. Я былъ въ это время, батюшка, тутъ, я тутъ былъ.

Судья. Слышали вы какъ бранилъ Леваницкую г. Соболевъ?

Филиппъ. Нѣту, батюшка, этого я не слыхалъ.

Судья. Вы, можетъ быть, крѣпки на ухо, отъ того и не слыхали.

Филиппъ. Ежели бъ онъ бранился, то, чай, кричалъ-бы, а то нѣтъ, ничего неслыхалъ; онъ небранился.

Соболевъ. Онъ говоритъ вонъ что я небранился; а я скажу напротивъ: бранилъ её, бранилъ.

Судья. Нехотите-ли кончить это дѣло миромъ.

Леваницкая. Вѣдь это ужъ не въ первой онъ меня ругаетъ, я и то два раза ужъ ему прощала.

Судья (Соболеву). Вы дадите обѣщаніе, что не будете впередъ браниться.

Соболевъ. Извѣстно, не буду, если только меня опять неразсердятъ.

Леваницкая. Я пожалуй, и теперь прощу его, только ужъ вы, г. судья, не велите ему больше ругаться.

Соболевъ. А знаешь что, Татьяна, вотъ въ этихъ самыхъ законахъ, что у господина судьи на столѣ лежатъ, написано: если человѣкъ очень ужъ разсердится, то не только выругать, а и по лику погладить можетъ. Слышала?

Леваницкая. Вотъ какъ-же, г. судья, мнѣ прощать-то его, вонъ онъ при васъ и по лику погладить обѣщается.

Соболевъ (торопливо). Ну, ну! вѣдь я такъ, къ слову только сказалъ. Г. судья, я ужъ особо на неё буду жаловаться, что она пьяницей меня назвала.

Судья. Какъ же вы просите у ней прощенія и вмѣстѣ съ тѣмъ хотите на неё жаловаться?

Соболевъ. Ну, пожалуй, я и не буду жаловаться.

Судья объявилъ, что дѣло кончилось мировымъ соглашеніемъ.

Соболевъ (Леваницкой). Ну, Татьяна, что взяла!? Эхъ, жаль, что нѣтъ стенографа, распотѣшила-бы ты публику. Право!

33.

Дѣло объ отставномъ бомбардирѣ Васильѣ Бабичевѣ, судившемся за покушеніе на отравленіе жены своей.

(Окружный судъ).

7-го февраля 1869 года, въ московскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло объ отставномъ бомбардирѣ Васильѣ Бабичевѣ, который обвинялся въ покушеніи на отравленіе жены своей Пела-

геи Евтѣевой. Составъ суда слѣдующій: товарищъ предсѣдателя П. М. Щепкинъ, члены суда, М. М. Сухотинъ и Е. А. Томашевскій; обвинялъ товарищъ прокурора Д. Н. Тихоміровъ, защищалъ присяжный повѣренный М. И Доброхотовъ. Вотъ сущность обвиненія:

Въ 1867 году 31 мая Бабичевъ пришелъ къ женѣ своей Пелагеѣ, которая вмѣстѣ съ дочерью его отъ перваго брака Еленою, содержалась въ пересыльномъ замкѣ, гдѣ находилась, по требованію мужа, для пересылки на родину его въ г. Курскъ, и принесъ имъ два калача. Пелагея съѣла весь калачъ, а Елена только половину, и вскорѣ обѣ почувствовали тошноту, а за тѣмъ послѣдовала рвота. Врачь, осматривая оставшійся кусокъ калача, нашелъ что онъ осыпанъ мышьякомъ. Обѣихъ заболѣвшихъ отправили въ больницу, гдѣ имъ подано медицинское пособіе и онѣ на другой день выздоровѣли. Бабичевъ, узнавши объ этомъ случаѣ, тотчасъ явился и объяснилъ, что калачи принесены имъ, но мышьякомъ они обсыпаны не были и что если бы было это, то можно бы было легко замѣтить, ибо калачи-ситники мукой не посыпаются.

Московская судебная палата предала его суду, принявъ во вниманіе: во 1-хъ, что Бабичевъ по-

стоянно жилъ дурно съ женой своей, которая заявила подозрѣніе, что онъ хотѣлъ отравить её, и во 2-хъ, показаніе тещи Бабичева, пелагеиной матери, подтвержденное двумя свидѣтельницами Ѳедоровою и Ивановою, что Бабичевъ хвастался, что уморитъ жену и женится на другой.

Пелагея Бабичева, сестра ея Аграфена и мать ихъ Лукерья Леонтьева, дали единогласное показаніе, что Бабичевъ буянъ и пьяница; все тащилъ изъ дома вонъ и пропивалъ въ кабакѣ; жестоко билъ безъ всякой причины какъ жену съ дочерью, такъ и тещу. Дочь свою останавливалъ на улицѣ и снималъ съ нея платья, которыя шила ей бабушка, для того чтобы пропить; на родину ее не возилъ, а жилъ съ нею гдѣ-то подъ Москвою, а потомъ опять привезъ назадъ.

Дочь Бабичева Елена, подтвердивъ показаніе это, прибавила что отецъ возилъ ее въ хохлацкую землю въ телѣжкѣ.

Тетка Пелагеи, Дарья Леонтьева объяснила, что ссоры между Бабичевымъ и женою его, ея племянницею, были взаимныя; оба они жаловались другъ на друга довольно часто; билъ-ли онъ дочь свою Елену — она не знаетъ, а, правда, возилъ ее куда-то, должно быть на свою родину.

Подсудимый Бабичевъ: „Все что сказала тетка Дарья — истинная правда. Я всегда ее любилъ, потому что она женщина добрая, прямая; ужъ неправды она не покажетъ; а если дочь моя идетъ противъ меня, такъ это ее подучили мать съ бабушкой. Я не виню столько мою жену, сколько тещу; она всему причиной: она свела мою жену съ Соколовымъ, онъ билъ ее и все тащилъ съ нея и пропивалъ. Я думаю, что жена по наущенію тещи и калачи то съ мышьякомъ сама посылала, чтобы меня только погубить.

Свидѣтельница Ѳедорова: Какъ они всѣ жили промежъ себя я не знаю; а только я не слыхала, чтобы Василій похвалялся извести жену и жениться на другой; слышала я только разъ, что Василій говорилъ, что хочетъ вытребовать къ себѣ жену на свою сторону.

Городовой Гофманъ и крестьянки Кострюкова и Юнчиха сказали, что дѣйствительно между мужемъ и женою бывали ссоры, но что виною тому была жена, державшая себя очень дурно; что она нѣкоторое время въ отсутствіи мужа находилась въ связи съ Соколовымъ и жила съ нимъ на одной квартирѣ; Соколовъ билъ и обиралъ ее, объ этомъ знала и мать и нерѣдко жаловалась свидѣтельницѣ Кострюковой на развратную жизнь своей до-

чери. Василій Бабичевъ дочь свою любилъ, одѣвалъ и обувалъ ее и они, свидѣтели, ни отъ дочери его, ни отъ постороннихъ людей не слыхали ни разу, чтобы онъ билъ ее.

Товарищъ прокурора въ виду всѣхъ обстоятельствъ дѣла, на основаніи 740 ст. уст. уг. суд., по совѣсти, счелъ своею обязанностію отъ обвиненія Бабичева отказаться.

Защитникъ подсудимаго присяжный повѣренный Доброхотовъ вслѣдствіе отказа прокурора поддерживать обвиненіе и обстоятельствъ, обнаруженныхъ слѣдствіемъ, просилъ присяжныхъ оправдать Бабичева.

Присяжные послѣ совѣщанія, *длившагося три четверти часа*, признали бомбардира Василья Бабичева не виновнымъ.

34.

Дѣло о мѣщанинѣ Иванѣ Успенскомъ.

(Окружный судъ).

1869 года марта 15 дня въ Московскомъ Окружномъ судѣ, подъ предсѣдательствомъ Е. Е. Люминарскаго и при членахъ суда К. Н. Линдротъ и В. И. Веселовскомъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, разбиралось дѣло о мѣщанинѣ Иванѣ

Успенскомъ, обвиняемомъ въ покушеніи на убійство съ цѣлію ограбленія. Обвинителемъ былъ товарищъ прокурора Д. П. Тихоміровъ, защитникомъ подсудимаго—кандидатъ правъ князь А. И. Урусовъ. Сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ:

25 Марта прошедшаго 1868 года, въ 5-мъ часу утра, въ квартирѣ, занимаемой кандидатомъ правъ Акимомъ Ивановымъ Брикке, во время отсутствія сына его Николая, послышался сначала шумъ, потомъ раздался крикъ, зовущій на помощь. Кухарка хозяйки дома, гдѣ квартировалъ Брикке, и дворникъ крестьянинъ Акимовъ бросились на шумъ; сверхъ того Акимовъ отперъ калитку и впустивъ прибѣжавшихъ на крикъ о помощи ночнаго сторожа и двухъ городовыхъ. Дверь въ квартиру Брикке была заперта; принялись стучать и Брикке босой, въ одной рубашкѣ отперъ дверь. Въ комнатѣ было темно; когда зажгли принесенную свѣчку, то открылось слѣдующее зрѣлище: рубашка, надѣтая на Брикке была окровавлена, а равно и разбросанныя на полу простыня и подушка; при этомъ одинъ изъ городовыхъ замѣтилъ, что у Брикке изо рта текла кровь. Поодаль стоялъ мѣщанинъ Успенскій, тоже въ одной рубашкѣ и босой. На сдѣланные вопросы Успенскій

объяснилъ, что онъ по знакомству пришелъ въ гости къ Брикке, который оставилъ его у себя ночевать, на что онъ и согласился. Въ продолженіи всей ночи они разговаривали между собою, пили чай и вино. Около четырехъ часовъ утра Брикке началъ собираться спать; но Успенскій уговаривалъ его, чтобы онъ подождалъ лучше своего сына и потомъ отправился-бъ къ заутрени. Брикке, разсердившись на это, ударилъ его по щекѣ. Успенскій, не могши вынести подобнаго оскорбленія, нанесъ Брикке ударъ по виску, вслѣдствіе чего Брикке упалъ на полъ; вѣроятно, разшибся при паденіи и закричалъ о помощи; при чемъ стращалъ Успенскаго, говоря, что ему за это достанется, что онъ покажетъ, какъ его бить. Успенскій во избѣжаніе скандала, убѣждалъ Брикке не производить шуму; но, видя, что тотъ не внимая его убѣжденіямъ, продолжалъ кричать и стучать, Успенскій хотѣлъ рукою зажать ему ротъ, причемъ Брикке укусилъ ему пальцы и выбѣжалъ въ сѣни. Напротивъ того Брикке показалъ совершенно другое. Онъ сказалъ, что знаетъ Успенскаго давно, когда еще тотъ былъ дворникомъ въ домѣ, гдѣ жилъ самъ показатель. Мѣсяца два до настоящаго происшествія, Брикке встрѣтилъ Успенскаго, который и разсказалъ ему, что

онъ теперь служитъ въ духовномъ архивѣ, но жалованье получаетъ маленькое, едва достаточное для скуднаго пропитанія. Брикке, сжалившись надъ его незавиднымъ положеніемъ, предложилъ ему поступить къ нему въ услуженіе, за что онъ будетъ получать отъ него содержаніе и квартиру. Успенскій согласился, но долго не приходилъ. Наконецъ, за два дня до произшествія, то есть 23 марта, онъ пришелъ къ Брикке и ночевалъ у него. Въ этотъ день сынъ Брикке ночевалъ дома. Успенскій все дѣлалъ разпросы, кто живетъ внизу. На слѣдующій день по утру онъ ушелъ со двора, а вечеромъ часу въ десятомъ возвратился назадъ; сынъ Брикке въ это время былъ въ отсуствіи. Брикке въ 11 часовъ вечера, ложась спать, приказалъ ему запереть входную въ квартиру дверь только на крючекъ, для того чтобы не заставлять сына долго стучаться въ случаѣ если онъ вернется домой. Проснувшись часу въ четвертомъ, Брикке увидѣлъ стоявшаго у его постели Успенскаго, который спросилъ его: пришелъ-ли домой его сынъ. На это Брикке отвѣчалъ, что ему это лучше знать, потому что если бы его сынъ пришелъ, то онъ отперъ-бы ему дверь. Тогда Успенскій, наклонившись, схватилъ его за горло, ударилъ его два раза по виску и сталъ

душить. Брикке началъ отбиваться и кричать о помощи. Чтобы заглушить его голосъ Успенскій всунулъ свою руку ему въ ротъ; Брикке схватилъ за руку зубами и продолжалъ кричать. Успенскій схватилъ подушку и хотѣлъ набросить ее къ нему на голову. Въ это время Брикке успѣлъ спустить съ кровати ноги и сталъ стучать ими въ полъ; потомъ, отбившись отъ нападавшаго, онъ бросился къ двери и нашелъ ее запертою не на одинъ крючекъ, но и на ключь. Успенскій старался его удержать, однако Брикке удалось отъ него вырваться и отпереть дверь.

Медицинскимъ осмотромъ обнаружено: у Брикке—царапины на лѣвомъ вискѣ и на концѣ носа; на верхней губѣ пятно краснаго цвѣта, а нижняя губа найдена опухшею и посинѣвшею; на рубашкѣ, подушкѣ и простынѣ—пятна крови; у Успенскаго же—на четырехъ пальцахъ правой руки, у суставовъ, ссажена кожа.

На вопросъ въ судѣ, признаетъ-ли себя Успенскій виновнымъ во взводимомъ на него преступленіи подсудимый отвѣчалъ отрицательно.

Успенскій. У насъ вышла съ Брикке ссора за то, что онъ кощунствовалъ: упрекалъ духовенство лошадинымъ родствомъ и говорилъ будто Спаситель при вшествіи своемъ въ Іерусалимъ ѣхалъ не на ослѣ, а на кобылѣ.

Свидѣтели объяснили, что въ квартирѣ Брикке огонь былъ погашенъ въ 11 часовъ; самоваръ былъ совершенно холодный; ни Брикке, ни Успенскій пьяны не были и никакихъ признаковъ того, что они пили въ эту ночь водку, полиціею не найдено.

Товарищъ прокурора, поддерживая обвиненіе, доказывалъ, что показанія подсудимаго не заслуживаютъ вѣроятія и даже не сходны съ обстоятельствами дѣла; тогда какъ объясненіе Брикке гораздо правдоподобнѣе.

Защитникъ Успенскаго, князь Урусовъ въ своей защитительной рѣчи, между прочимъ сказалъ: „Обвиненіе Успенскаго преувеличено. По моему мнѣнію объясненія Успенскаго болѣе подходятъ къ истинѣ, чѣмъ показанія Брикке. Я полагаю, что вся исторія о покушеніи Успенскаго на убійство Брикке, выдумана этимъ послѣднимъ, чтобы скрыть дѣйствительную причину ссоры и отношенія свои къ Успенскому, которыя разъяснить ему было совѣстно. Если здѣсь и было покушеніе на убійство, то покушеніе это во всякомъ случаѣ было остановлено по собственной волѣ покусившагося. Я думаю, что Успенскій виновенъ лишь въ насильственномъ поступкѣ противъ Брикке, безъ нанесенія тяжкихъ ранъ и увѣчій; такъ что

если обвинить его въ покушеніи на убійство, то это будетъ не просто юридическая ошибка, а юридическое убійство.

Присяжные обвинили мѣщанина Ивана Успенскаго въ нанесеніи кандидату правъ Акиму Иванову Брикке легкихъ ранъ съ намѣреніемъ убить его и завладѣть его имуществомъ, но остановленномъ по собственной волѣ подсудимаго, и судъ приговорилъ его, Успенскаго, заключить на три мѣсяца въ тюрьму.

35.

Дѣло о статскомъ совѣтникѣ Николаѣ Калачевскомъ.

(Окружный судъ).

Въ Московскомъ Окружномъ судѣ 19 марта, 1869 года разсматривалось дѣло, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, объ оскорбленіи словами, нанесенномъ статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Калачевскимъ помощнику секретаря означеннаго Окружнаго суда Торопову, при исполненіи симъ послѣднимъ обязанностей службы.

Вотъ сущность обвиненія: Въ 1868 году 21 августа, статскій совѣтникъ Николай Калачевскій прибылъ въ гражданское отдѣленіе московскаго окружнаго суда и, подошедши къ сидѣвшему за

столомъ помощнику секретаря Торопову, обратился къ нему съ вопросомъ: приготовили-ли для него по производящемуся въ столѣ Торопова дѣлу исполнительный листъ—„Нѣтъ еще“ отвѣчалъ Тороповъ—„Когда же наконецъ онъ будетъ готовъ?“ спросилъ снова Калачевскій, возвышая голосъ. Тороповъ замѣтилъ ему, чтобы онъ не кричалъ въ канцеляріи суда и говорилъ бы повѣжливѣе. На это Калачевскій также громко отвѣчалъ, что онъ не перестанетъ говорить и при томъ прибавилъ: „новыя учрежденія къ черту негодятся“. Тороповъ предложилъ ему отправиться къ предсѣдателю суда и жаловаться ему на медленность; но Калачевскій, не унимаясь, продолжалъ повторять сказанное и потомъ, обращаясь къ Торопову, сказалъ: „И что за народъ здѣсь у васъ набранъ, у васъ въ головѣ чепуха!“

Калачевскій ни при слѣдствіи, ни на судѣ, не призналъ себя виновнымъ. Свидѣтели—помощникъ секретаря Тороповъ и другіе канцелярскіе чиновники показаніями своими подтвердили справедливость обвиненія.

Вслѣдствіе этого, судъ признавая статскаго совѣтника Николая Николаевича Калачевскаго виновнымъ въ оскорбленіи при исполненіи служебныхъ обязанностей помощника секретаря Торопо-

ва, опредѣлилъ: подвергнуть Калачевскаго, согласно 286 ст. улож. о наказ., денежному штрафу въ размѣрѣ пятидесяти руб. серебромъ.

36.

Дѣло о редакторѣ журнала „Развлеченіе“.

(Мировой судъ).

Купецъ Александръ Петровичъ Рытовъ принесъ жалобу мировому судьѣ Яузскаго участка на редактора литературнаго и юмористическаго журнала „Развлеченіе“ коллежскаго совѣтника Ѳедора Богдановича Миллера. Въ жалобѣ этой Рытовъ объяснилъ, что въ журналѣ „Развлеченіе“ съ 1865 года постоянно печатаются оскорбительные для чести его статьи и каррикатуры. Первая статья явилась въ 1865 году въ № 2-мъ и была озаглавлена «Уксусъ четырехъ разбойниковъ», послѣдняя-же статья въ № 4-мъ нынѣшняго 1869 года подъ заглавіемъ „Въ харчевнѣ“. Статьи эти Рытовъ считаетъ направленными противъ его личности на томъ основаніи, что въ 1865 же году въ „Вѣдомостяхъ Московской городской полиціи“ было напечатано объявленіе о продажѣ „уксуса четырехъ разбойниковъ“ въ квартирѣ купца Александра Петровича Рытова и при этомъ было

сказано, что рекомендація товара помѣщена въ № 2-мъ журнала „Развлеченіе“ за 1865 годъ, что ясно показываетъ на связь между этою публикаціею и статьей въ Развлеченіи. Вслѣдствіи этого Рытовъ въ свою очередь напечаталъ въ полицейскихъ Вѣдомостяхъ публикацію, которою объявившему о продажѣ „уксуса четырехъ разбойниковъ“ въ квартирѣ Рытова», предлагалъ обвинить его, Рытова, въ неблаговидныхъ поступкахъ гласно, и говорилъ, что бросать грязью изъ-за угла подло и низко.

Разбирательство по жалобѣ Рытова производилось 20 марта 1869 года, на основаніи 135 ст. Уст. угол. суд., для примиренія сторонъ.

На предложеніе мироваго судьи повѣренному Рытова прекратить это дѣло миромъ послѣдній отвѣчалъ, что довѣритель его, купецъ Рытовъ, ни на какихъ условіяхъ не согласенъ оставить это дѣло, потому что оскорбленіе, нанесенное ему, Рытову, слишкомъ сильно и нанесло ему значительные ущербы, какъ нравственные, такъ и вещественные.

Мировой судья, по случаю нежеланія сторонъ примириться, заключилъ: дѣло это передать прокурорскому надзору.

37.

Дѣло о губернскомъ секретарѣ Сергѣѣ де-Ладвезѣ.

(Мировой судъ).

Въ Московскомъ съѣздѣ мировыхъ судей 2-го Округа, 20 марта 1869 года, разсматривалось дѣло объ обвиненіи губернскаго серкетаря Сергѣя Францовича де-Ладвезъ въ нанесеніи имъ побоевъ извощику Игнатію Степанову. Повѣреннымъ обвинителя былъ кандидатъ правъ князь А. И. Урусовъ, защитникомъ обвиняеиаго явился помощникъ присяжнаго повѣреннаго П. Л. Розенбергъ. Обстоятельства дѣла слѣдующія:

4 Января 1869 же года, къ живущему въ домѣ г. Ланскоранскаго г. Щепкину пріѣхалъ г. Черкесовъ; извощикъ, привезшій этого послѣдняго, остановился около подъѣзда, напротивъ оконъ квартиры Щепкина. Въ то время на дворъ въѣхалъ г. де-Ладвезъ и сталъ руками дѣлать Степанову знаки, по видимому, для того, чтобы тотъ отъѣхалъ; но извощикъ показывалъ ему, что мѣста для проѣзда достаточно. Тогда де-Ладвезъ выскочилъ изъ саней и нанесъ извощику Степанову три удара по лицу; извощикъ-же только уклонялся отъ этихъ ударовъ.

По осмотру врача у Игнатія Степанова оказалось: ссадина на носу и небольшая опухоль верхней губы, испачканной кровью.

Свидѣтели г. Черкесовъ и г-жа Щепкина объяснили, что всю эту сцену они видѣли изъ окна.

Обвиняемый Де-Ладвезъ показалъ: „Когда я въѣхалъ въ ворота дома Ланскоранскаго, то не могъ подъѣхать къ подъѣзду, потому что тутъ стоялъ извощикъ Степановъ и загораживалъ мнѣ дорогу; я требовалъ, чтобы онъ отъѣхалъ въ сторону; но извощикъ продолжалъ стоять, не трогаясь, молча. Я былъ взбѣшенъ этимъ и, спрыгнувъ съ саней, хотѣлъ ударить его, только не ударилъ потому, что онъ ловко уклонился. Показаніе г. Черкесова я считаю несправедливымъ и пристрастнымъ, ибо извощикъ Степанъ самъ подалъ поводъ ко всему случившемуся.“

Защитникъ обвиняемаго Розенбергъ прибавилъ къ этому, что рѣшеніе мироваго судьи г. Багриновскаго, приговорившаго его довѣрителя на основаніи 12, 142 и 119 ст. Уст. о наказ., нал. мир. суд., къ аресту при городскомъ арестантскомъ домѣ на три мѣсяца, онъ считаетъ неправильнымъ, потому что тутъ было только оскорбленіе дѣйствіемъ, а не насиліе, и притомъ вызванное самимъ обиженнымъ, и вслѣдствіе того полагаетъ, что

поступокъ Де-Ладвезъ подходитъ подъ 135, а не подъ 142 ст. Уст. о наказаніяхъ.

Повѣренный обвинителя князь Урусовъ сказалъ: „Я самъ готовъ просить съѣздъ мировыхъ судей объ уменьшенія наказанія виновному. Онъ уже достаточно наказанъ тою огласкою, которой подвергся, и этотъ урокъ, по всей вѣроятности, непройдетъ для него безслѣдно: на будущее время онъ остережется такихъ поступковъ, отъ которыхъ разбивается въ кровь лице."

Съѣздъ рѣшилъ: подвергнуть губернскаго секретаря Сергѣя Де-Ладвезъ десятидневному аресту при городскомъ арестантскомъ домѣ.

38.

Дѣло о крестьянинѣ Александрѣ Шубинѣ, обвинявшемся въ убійствѣ жены.

(Окружный судъ.)

Крестьянинъ Александръ Никитинъ Шубинъ, тридцати двухъ лѣтъ отъ роду, находился въ работникахъ у Моисеева, содержателя ломовыхъ извощиковъ; а жена его, Шубина, вмѣстѣ съ малолѣтною дочерью, жила на свѣчномъ каллетовскомъ заводѣ въ кухаркахъ. Въ одномъ изъ дворовъ этого завода имѣются два балагана: одинъ

изъ нихъ служилъ столовой, гдѣ обѣдали и ужинали плотники, работавшіе на заводѣ, а другой, въ которомъ находилась печь, служилъ помѣщеніемъ для жены Шубина, молодой двадцати восьмилѣтней женщины, Анны Степановой. Мужъ прежде навѣщалъ её, но въ послѣднее время онъ два раза былъ выгоняемъ съ завода по просьбѣ жены. Причиною такого обращенія ея съ мужемъ было то, что она вступила въ близкія связи съ рабочимъ того завода Петромъ Платоновымъ. 1867 года 26 августа, днемъ, Александръ Шубинъ пришелъ къ своей женѣ въ гости, но въ балаганѣ её не засталъ. Подозрѣвая давно уже её въ невѣрности и желая окончательно убѣдиться въ томъ, онъ залѣзъ подъ печку и пролежалъ тамъ до вечера. Когда наконецъ Анна Степанова пришла, онъ вылѣзъ изъ своего убѣжица и сталъ проситься у ней ночевать. Анна не согласилась и побѣжала къ своему любовнику Платонову съ просьбою выгнать отъ нея мужа. Въ то время, когда она изчезла изъ балагана, Александръ Шубинъ снова схоронился подъ печку. Воротившись и не видя мужа, жена Шубина въ другой разъ отправилась къ Петру Платонову сказать ему, чтобы онъ не трудился, что мужъ ея ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, рабочіе, ужинавшіе въ сто-

ловой, услыхали произнесенныя кѣмъ-то слова: „за одно быть въ сибири!“ что-то тяжелое рухнулось на полъ и вслѣдъ за тѣмъ кто-то по щепкамъ пробѣжалъ въ садъ. Въ это время на дворѣ было уже темно. Рабочіе, выскочивъ изъ-за стола, побѣжали въ садъ и схватили тамъ Шубина; потомъ зажгли огонь и увидали лежавшую не подалеку отъ балагана АннуСтепанову съ разрубленной головой, изъ которой вывалился на землю мозгъ; возлѣ нея лежалъ топоръ, принадлежавшій одному изъ плотниковъ и находившійся въ кухнѣ. Анна въ безчувственномъ состояніи отвезена была въ больницу, гдѣ черезъ трое сутокъ и умерла отъ нанесенной ей раны, которая, по мнѣнію врача, принадлежала къ числу безусловно смертельныхъ. Вотъ сущность обвинительнаго акта.

Дѣло это уже три раза назначалось къ слушанію, но все было откладываемо по разнымъ причинамъ. Наконецъ, 2 апрѣля 1869 года, оно разсматривалось въ Московскомъ Окружномъ Судѣ, подъ предсѣдательствомъ П. М. Щепкина, при членахъ суда Томашевскомъ и Павловскомъ; обвинялъ товащищъ прокурора Костылевъ, защищалъ присяжный повѣренный Щелканъ.

Шубинъ. „Я не хотѣлъ убивать жену, мнѣ самому теперя жалко её. И самъ назнаю, какъ все

это случилось. Прихожу это я къ ней, сталъ проситься ночевать, а она пошла за Платономъ, чтобы меня, значитъ, выгнать, я и спрятался подъ печку. Они пришли и не нашли меня, потомъ, уходя, Платоновъ шутя возми и толкони мою жену. Ну, тутъ я нестерпѣлъ, выскочилъ изъ подъ печки, схватилъ топоръ и, нагнавши жену, хватилъ её по головѣ; она грохнулась наземь и слова не промолвила, а Платоновъ убѣжалъ, а то и ему не миновать бы того-же: я-бы и его уходилъ. Потомъ я бросилъ топоръ въ сторону и побѣжалъ въ садъ, тутъ меня и поймали."

Платоновъ, сознавшись въ любовной связи съ Анной Степановой Шубиной, показалъ, что въ то время, когда совершено было убійство, онъ возлѣ нея не былъ и въ балаганъ съ нею не приходилъ.

По отзывамъ однодеревенцевъ подсудимаго, онъ былъ человѣкъ хорошій, характеръ имѣлъ мягкій, съ женою въ деревнѣ жилъ дружно, она вела ссбя хорошо и они не замѣчали, чтобы она имѣла съ кѣмъ-нибудь любовную связь.

Другіе свидѣтели, рабочіе каллетовскаго завода, ничего новаго не показали и объ отношеніяхъ жены Шубина къ Платонову отозвались незнаніемъ.

Товарищъ Прокурора, поддерживая обвиненіе, приводилъ въ доказательство, что Александръ Шубинъ нанесъ женѣ своей Аннѣ ударъ топоромъ не сзади а спереди; наконецъ онъ, Шубинъ, долженъ былъ знать, что ударъ топоромъ будетъ смертеленъ, а потому онъ и долженъ быть обвиненъ въ убійствѣ жены своей въ запальчивости и раздраженіи и, по бостоятельствамъ дѣла, признанъ заслуживающимъ снисхожденія.

Защитникъ подсудимаго, присяжный повѣренный Щелканъ говорилъ, что въ настоящемъ случаѣ онъ не видитъ убійства, что тутъ существуетъ лишь нанесеніе раны, отъ которой послѣдовала смерть. Потомъ онъ выразилъ сомнѣніе, можетъ-ли подвергаться всей тяжести отвѣтственности за преступленіе мужъ, убѣжденный въ измѣнѣ своей жены, и наконецъ, принимая во вниманіе почти двухлѣтнее заключеніе подсудимаго, полагаетъ, что не будетъ неумѣстенъ и приговоръ оправдательный.

Присяжные признали крестьянина Александра Шубина виновнымъ въ нанесеніи женѣ своей Аннѣ Степановой удара топоромъ, влѣдствіе чего послѣдовала ей смерть. Судъ постановилъ: лишивъ Шубина всѣхъ правъ и преимуществъ,

лично и по состоянію ему присвоенныхъ, отдать его въ арестантскія роты на три года.

39.

Дѣло объ убійствѣ эконома Чудова монастыря Стефана.

(Окружный судъ).

7-го апрѣля 1869 года въ московскомъ окружномъ судѣ, по 3-му отдѣленію, подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя г. Дейера, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, разсматривалось весьма замѣчательное дѣло о цеховомъ Сергѣѣ Павловѣ Ларіоновѣ, обвиняемомъ въ убійствѣ, съ обдуманнымъ заранѣе умысломъ, съ цѣлью ограбленія, эконона Московскаго Чудова монастыря, іеромонаха Стефана. Обвинялъ товарищъ прокурора г. Крушинскій; защищалъ присяжный повѣренный г. Фальковскій. Зала суда не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ присутствовать при этомъ процессѣ. Хотя обстоятельства этого дѣла и извѣстны публикѣ; но мы тѣмъ не менѣе напомнимъ ихъ.

9-го декабря прошедшаго 1868 года, настоятель Чудова монастыря увѣдомилъ пристава городской части, что казначей названнаго монастыря, іеромонахъ Стефанъ, найденъ въ кельѣ своей, въ по-

стели, убитымъ. По осмотрѣ трупа, голова найдена разрубленною въ нѣсколькихъ мѣстахъ; одежда и постель окровавленными; на полу лужи крови. Происшествіе это въ свое время возбудило много толковъ въ обществѣ. Подозрѣніе въ убійствѣ Стефана пало на прислуживавшаго покойному цеховаго Сергѣя Павлова Ларіонова. На другой-же день, т. е. 10 числа, онъ былъ задержанъ въ трактирѣ Андреева и тотчасъ же во всемъ сознался; при чемъ объяснилъ, что къ совершенію преступленія этого, его побудило желаніе „покутить."

Подсудимый еще очень молодой человѣкъ: ему въ сентябрѣ истекшаго года только минуло 21 годъ; но на видъ онъ еще моложавѣе; волосы и глаза темные; черты лица его не заключаютъ въ себѣ рѣшительно ничего отталкивающаго, а напротивъ весьма симпатичны; держитъ себя довольно прилично; говоритъ тихимъ мягкимъ голосомъ, опустивъ голову, и видъ имѣетъ очень печальный. За рѣшеткою, напротивъ его и присяжныхъ засѣдателей, на столѣ и на полу, лежатъ вещественныя доказательства совершеннаго имъ преступленія: окровавленные топоръ, постель, одежда, желѣзный сундукъ и другія вещи.

На вопросы г. товарища предсѣдателя Ларіоновъ далъ слѣдующія показанія: отецъ его былъ крѣ-

постнымъ человѣкомъ княгини Грузинской; самъ показатель въ дѣтствѣ учился въ пречистенскомъ начальномъ училищѣ, выучился тамъ читать, писать и счету; потомъ отецъ взялъ его изъ училища, когда ему было десять лѣтъ, и отдалъ въ ученье типографскому дѣлу. Здѣсь онъ былъ первые годы ученикомъ, наконецъ сдѣлался самъ мастеромъ, пристрастился къ чтенію книгъ духовнаго содержанія и вскорѣ возъимѣлъ желаніе посвятить себя монастырской жизни. Между тѣмъ отецъ Ларіонова Павелъ, вышедши изъ крѣпостной зависимости, получилъ мѣсто у кн. Бѣлосельской-Бѣлозерской, къ которой въ домъ нерѣдко хаживалъ одинъ священникъ, доводившійся экономy Стефану двоюроднымъ братомъ. Священникъ этотъ, узнавъ о желаніи Сергѣя Ларіонова идти въ монастырь, рекомендовалъ его Стефану, который и взялъ мальчика къ себѣ. Сергѣй получалъ отъ Стефана готовую пищу и 10 рубл. сер. въ мѣсяцъ жалованья, только одежда была его собственная. За это онъ обязанъ былъ вести Стефану счеты и прислуживать ему. Жилъ Сергѣй въ каморкѣ, въ сѣняхъ. Іеромонахъ полюбилъ его, ничего отъ него не скрывалъ, вмѣстѣ съ нимъ считалъ всегда деньги и потомъ клалъ ихъ въ комодъ; онъ даже сообщилъ ему, что недостаетъ

сколько-то монастырскихъ денегъ и что ему, Стефану, придется пополнить недостачу изъ своихъ собственныхъ денегъ. Ларіоновъ сталъ пошаливать: таскать деньги изъ комода старика и прокучивать ихъ съ товарищами. Всѣхъ денегъ перетаскалъ онъ, какъ говоритъ, рублей до двухсотъ. Сначала экономъ не замѣчалъ этихъ кражъ, но потомъ замѣтилъ и выговаривалъ ему, убѣждая исправиться. Убить Стефана Ларіоновъ не имѣлъ никакого намѣренія, а пришла эта мысль мгновенно, неожиданно для нёго самаго. Прокутивъ съ товарищами Николинъ день и слѣдующій, т. е. субботу, Сергѣй въ воскресеніе 8 числа ходилъ къ ранней обѣднѣ и встрѣтился съ знакомымъ своимъ, который и сталъ приглашать его на новую пирушку. Ларіонову самому хотѣлось кутнуть, да денегъ не было. Когда отецъ Стефанъ пришелъ отъ поздней обѣдни и, по обыкновенію, сѣлъ за чай, Ларіонову впервые пришла мысль убить его. Послѣ чаю экономъ легъ отдохнуть, а Сергѣй пошелъ въ трапезу за кушаньемъ для себя, зашелъ въ сарай и захватилъ топоръ, которымъ кололи дрова. Возвратясь назадъ, онъ увидѣлъ что къ нему идетъ отецъ его Павелъ и, боясь чтобы тотъ не помѣшалъ ему совершить задуманное, вышелъ къ нему на встрѣчу.

Отецъ посовѣтовалъ ему навѣстить мать, которая была больна и лежала въ больницѣ — Хорошо — сказалъ онъ: коли успѣю, нынче зайду — и, прибавивъ, что экономъ уѣхалъ, простился съ своимъ отцемъ. Войдя въ спальню Стефана, онъ увидѣлъ, что тотъ заснулъ и, схвативъ топоръ, ударилъ его по головѣ. Сколько ударовъ нанесъ онъ ему не помнитъ, потому что дѣйствовалъ какъ бы въ забытьи. Покончивъ съ нимъ, онъ залѣзъ въ комодъ, вынулъ оттуда три кошелька: ситцевый, шерстяной и бисерный, ссыпалъ всѣ деньги въ послѣдній кошелекъ, а два первыхъ бросилъ; вскрылъ кувертъ съ шестьнадцатью рублями, которые тоже взялъ къ себѣ; хотѣлъ было сломать и желѣзный сундукъ, гдѣ хранились монастырскія деньги, только силы не хватило. Потомъ Сергѣй Ларіоновъ сбросилъ съ себя окровавленное платье, вымылъ руки испачканныя тоже кровью, и надѣлъ другое платье. Только что онъ совершилъ все это и заперъ дверь, какъ явился братъ убитаго, заштатный пономарь, но Сергѣй и отъ него отдѣлался, сказавъ, что отецъ-экономъ уѣхалъ куда-то. Наконецъ онъ вышелъ изъ монастыря и отправился къ своему пріятелю Ивану Семенову. Вмѣстѣ они пошли на красную площадь, гдѣ Сергѣй купилъ себѣ шаль, а Ивану

перчатки, и, взявъ извощика поѣхали въ сухаревскую гостинницу; послали оттуда за публичной женщиной и съ нею отправились въ трактиръ Андреева. Попировавъ тамъ, они снова вернулись въ сухаревскую, гдѣ и кутили всю ночь: пили шампанское и другое вино, дарили половыхъ..... Когда деньги всѣ были истрачены, Ларіоновъ поѣхалъ на Спиридоновку къ своему куму, занялъ у него 30 рублей, да еще у одного своего знакомаго Ѳедорова — 5 рублей и снова начался пиръ, и эти деньги были также истрачены—„Если бы 10 числа меня не арестовали — закончилъ свои Показанія Ларіоновъ: то я самъ бы выдалъ себя.“ показанные ему кошельки и другія вещи онъ призналъ за принадлежащіе отцу Стефану, а окровавленную одежду за свою.

Изъ показаній свидѣтелей мы приводимъ лишь показаніе отца архимандрита, который говорилъ, что хотя и видалъ Ларіонова въ церкви, но полагаетъ, что онъ дѣлалъ это не изъ любви къ Богу, а изъ любви къ праздности: ибо онъ не любилъ труда; какъ только покойный отецъ Стефанъ уходилъ изъ монастыря, такъ вслѣдъ за нимъ уходилъ Богъ вѣсть куда и Ларіоновъ. Наконецъ архимандриту такъ стала ненравиться безпорядочность поведенія Сергѣя Ларіонова, что

онъ вынужденъ былъ сказать эконому Стефану, что не потерпитъ болѣе присутствія Ларіонова въ монастырѣ; но Стефанъ всегда защищалъ своего любимца и вѣрилъ въ возможность его исправленія.

Г. Товарищъ прокурора сказалъ, что, по его мнѣнію, настоящее дѣло не представляетъ никакихъ затрудненій при его разрѣшеніи, такъ какъ собственное сознаніе подсудимаго въ совершенномъ имъ преступленіи, поличное и вещественныя доказательства, а равно показанія свидѣтелей, даютъ для этого достаточно данныхъ.

Защитникъ Ларіонова, г. Фальковскій, просилъ гг. присяжныхъ засѣдателей обратить вниманіе на чистосердечное признаніе, незрѣлость и легкомысліе его кліента „Я ограничусь — продолжалъ онъ—лишь тѣми обстоятельствами, что подсудимому исполнилось совершеннолѣтіе только 21-го сентября прошедшаго года, а въ началѣ декабря того же года онъ уже является преступникомъ. И какъ совершаетъ онъ это преступленіе? Онъ совершаетъ его самымъ необдуманнымъ образомъ и не принимаетъ никакихъ мѣръ къ сокрытію его: онъ оставляетъ въ комнатахъ свое окровавленное платье, кутитъ съ товарищемъ; наконецъ самъ хочетъ отдаться въ руки правосудія. Все это вид-

но какъ изъ произведеннаго слѣдствія, такъ и изъ показаній самого Ларіонова; а словамъ его можно вѣрить, потому что всѣ показанія его согласны съ истиною. Обратите наконецъ вниманіе на его прежнюю безупречную жизнь, что ясно видно изъ собранныхъ судомъ справокъ. Характеръ его измѣнился подъ вліяніемъ монастырской жизни, вслѣдствіе возможности легко добывать деньги и слабаго надзора за его поведеніемъ. Если бы покойный отецъ экономъ построже присматривалъ за его поступками, то, вѣроятно, поступки эти были бы другіе, и Ларіоновъ неочутился бы здѣсь, на скамьѣ обвиняемыхъ. Натура подсудимаго не совсѣмъ испорчена; это доказывается его показаніями: онъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ хитростямъ и уловкамъ, не старается нисколько выгородить себя, а говоритъ одну правду, говоритъ даже то, что можетъ его компрометировать передъ судомъ и что онъ легко могъ бы скрыть. Общество ожидаетъ строгаго преслѣдованія виновнаго; но, господа, нельзя-же и закрыть сердце для снисхожденія къ виновному, если онъ того по совѣсти заслуживаетъ.“

Г. товарищъ предсѣдателя, изложивъ уже извѣстныя обстоятельства этого дѣла, обратилъ между прочимъ, вниманіе гг. присяжныхъ на то, что

подсудимый Ларіоновъ совершилъ убійство не изъ крайности, ибо никакой нужды неимѣлъ; не вслѣдствіи обиды, ибо іеромонахъ Стефанъ его любилъ и защищалъ, чего и самъ подсудимый не отрицаетъ. Между тѣмъ Ларіоновъ крадетъ у Стефана деньги, кутитъ на нихъ и наконецъ задумываетъ убить его и приводитъ этотъ умыселъ въ исполненіе. Правда, средства для сокрытія преступленія не искусны; но это ничто иное, какъ обыкновенная особенность молодыхъ преступниковъ. Правда, показанія его сходны съ истиною; но преступленіе совершено съ обдуманностью, и причины, побудившія его къ совершенію онаго, безнравственны; а потому преступленіе это и подходитъ подъ 1453 ст. п. 4 (1152) и 129 ст. Улож. о наказаніяхъ.

Присяжные признали цеховаго Сергѣя Павлова Ларіонова, 21 года, виновнымъ въ убійствѣ эконома московскаго Чудова монастыря іеромонаха Стефана, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, съ цѣлію ограбленія, и судъ приговорилъ его, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ *на двадцать лѣтъ*.

Обвиненный, выслушавъ этотъ приговоръ, заплакалъ.

40.

Дѣло о потѣхѣ торговцевъ Смоленскаго рынка надъ собакой.

(Мировой судъ).

Обстоятельства этого дѣла слѣдующія: 10-го февраля 1869 года торговцы Смоленскаго рынка и проходящіе были поражены бѣгающей по улицѣ огненной собакой, которая появилась въ 1-мъ кварталѣ Хамовнической части, по направленію отъ лавки Бычкова, и, перебѣжавъ черезъ улицу, вскочила въ лавку купца Вялова, откуда была выброшена за ногу работниками Вялова опять на улицу и у воротъ одного дома схвачена была стоявшими тутъ извощиками, которые и потушили снѣгомъ на ней огонь, стоявшій столбомъ съ полъаршина. Послѣ этого помянутая собака, принадлежавшая какому-то Озерову, скрылась.

Это возмутительное обращеніе съ животнымъ торговцевъ Смоленскаго рынка вызвало законное преслѣдованіе, и виновные въ томъ, по приговору г. мироваго судьи хамовническаго участка, были подвергнуты заслуженному наказанію.

Дѣло это, по жалобѣ прикащика торговца Бычкова, было перенесено въ 1-й округъ московскаго

мироваго съѣзда, гдѣ оно 7-го апрѣля 1869 года и разсматривалось.

Товарищъ прокурора, по выслушаніи обстоятельствъ дѣла, далъ заключеніе, что подобныя дѣла начинаются по жалобамъ частныхъ лицъ, а такъ какъ это дѣло началось по заявленію полиціи, то въ отношеніи прикащика Бычкова рѣшеніе мироваго судьи Хамовническаго участка слѣдуетъ отмѣнить.

Мировой съѣздъ рѣшилъ: отмѣнить приговоръ мироваго судьи Хамовническаго участка со всѣми послѣдствіями онаго въ отношеніи прикащика торговца Бычкова.

41, 42, 43.

I. Дѣло о сынѣ коллежскаго регистратора Михаилѣ Раевскомъ. II. Объ отставномъ рядовымъ Степанѣ Мироновичъ. III. О взысканіи денегъ купцомъ Ситинымъ съ купца Нефедови.

(Мировой судъ.)

8 Апрѣля 1869 года, у мироваго судьи Городскаго учистка, между прочими, производились разбирательства по слѣдующимъ дѣламъ:

I.

Судья вызываетъ сына коллежскаго регистратора Михаила Ѳедорова Раевскаго. Является Раевскій — молодой человѣкъ, небогато одѣтый.

Судья. Московское Губернское Правленіе обвиняетъ васъ, что вы, въ теченіе 9 мѣсяцевъ со времени выдачи вамъ изъ онаго свидѣтельства, не избрали себѣ рода жизни и не приписались къ податному состоянію.

Раевскій. Капиталу нѣту; мѣста нигдѣ не найдешь, да никто и не беретъ съ этимъ свидѣтельствомъ.

Судья. А свидѣтельство гдѣ?

Раевскій. Потерялъ-съ.

Судья. Что вы еще можете сказать?

Раевскій. Больше ничего-съ.

Судья постановилъ рѣшеніе: подвергнуть Раевскаго штрафу въ 10 рублей серебромъ, а въ случаѣ его несостоятельности, аресту на 2 сутокъ при городскомъ арестантскомъ домѣ и потомъ обязать его избрать родъ жизни въ срокъ, назначенный губернскимъ правленіемъ. Раевскій рѣшеніемъ этимъ остался доволенъ.

II.

Купеческій сынъ Тулиновъ представилъ 5 апрѣля въ полицію отставнаго рядоваго лейбъ-уланскаго полка Степана Прохорова Мироновича за то, что отъ попросилъ у него милостыню, когда онъ былъ въ зеркальномъ ряду; при чемъ Тулиновъ объяснилъ, что, представляя Мироновича въ полицію, онъ исполнялъ тѣмъ „долгъ гражданина“ преслѣдовать тунеядцевъ.

Судья (Мироновичу). Васъ обвиняютъ въ прошеніи милостыни. Вы чѣмъ занимаетесь?

Мироновичъ. Я ваше высокоблагородіе двадцать пять лѣтъ выслужилъ; мнѣ теперича шестьдесятъ четыре года; хожу я по святымъ мѣстамъ, Богу молюсь, какія мои занятія!

Судья. Зачѣмъ милостыню просите?

Мироновичъ. Чтожъ, ваше высокоблагородіе, нешто я дурное что сдѣлалъ?.. Только что отъ Сергія Преподобнаго пришелъ, цѣлый день ничего неѣлъ; ни знакомыхъ, ни родныхъ у меня здѣсь нѣтъ, денегъ тоже нѣтъ, а отъ дурнаго спаси Господи! И попросилъ Христа ради.

Судья. Это запрещено.

Мироновичъ. Простите, ваше высокоблагородіе! Я здѣсь только проходомъ, уйду и нога моя въ

Москвѣ не будетъ. На седьмой десятокъ мнѣ перевалило, а слава те, Господи, въ казаматахъ никогда не сиживалъ.

Мировой судья, руководствуясь 119 ст., опредѣлилъ сдѣлать ему внушеніе.

Судья. Смотрите-же, впередъ не просите никогда милостыни.

Мироновичъ. Никогда, ваше высокоблагородіе, только отсюда вынеси Господь!

III.

Купецъ Ситинъ взыскиваетъ съ купца Нефедова по документу 160 рублей серебр.

Судья (показывая документъ Нефедову). Этотъ документъ вами выданъ?

Нефедовъ (разсматриваетъ пристально документъ). Такъ точно-съ.

Судья. И вы сознаете себя должнымъ г. Ситину 160 р. с.?

Нефедовъ. Оно точно-съ, я долженъ, только не столько-съ.

Судья. Сколько-же?

Нефедовъ. Это доподлинно не могу доложить вашей милости, а поменьше-съ. У меня на нихъ счетецъ....

Сытинъ (перебивая Нефедова). Какой счетецъ?

Нефедовъ. Такъ точно-съ, счетецъ за товаръ, что вы брали.

Сытинъ. Когда какой товаръ я у васъ бралъ?

Нефедовъ. Тамъ все прописано.

Сытинъ (горячо къ судьѣ) г. судья, прошу васъ записать эту клевету. О, я этого неоставлю?

Судья. Какую клевету записать?

Сытинъ. Онъ говоритъ что у него есть счетъ.

Судья. Да развѣ это клевета?

Сытинъ. Клевета-съ и я прошу записать это.

Судья. Никакой тутъ клеветы нѣтъ. (Нефедову) Гдѣ-же этотъ счетъ?

Нефедовъ (ободрившись). Онъ у молодца,—въ деревню уѣхалъ, пріѣдетъ я вамъ и представлю этотъ счетъ.

Судья (Сытину). Вы согласны подождать уплаты до представленія г. Нефедовымъ счета?

Сытинъ. Нѣтъ-съ ни какъ не желаю этого, а ежели вы, господинъ судья не запишите этой клеветы, я протестовать буду, потому обидно.

Судья. Можете. (Нефедову) Счетъ вашъ подписанъ г. Сытинымъ.

Нефедовъ. Никакъ нѣтъ-съ.

Судья. Не желаете ли покончить какъ нибудь это дѣло миромъ?

Обѣ стороны не согласились и судья постановилъ взыскать съ Нефедова, въ пользу Сытина 160 рублей серебромъ.

44 и 45.

I. Дѣло объ купчихѣ Надеждѣ Кирпичевой. II. Дѣло о кражѣ у дворянина Степанова.

(Мировой судъ.)

11 апрѣля 1869 года у мироваго судьи арбатскаго участка, должность котораго исполняетъ мировой судья смоленскаго участка, г. Каринскій, разбирались, между прочими, слѣдующія два курьезныя дѣла.

I.

Крестьянка Марья Филиппова заявила полиціи жалобу, что проживающая арбатской части, 1 квартала, купчиха Надежда Александрова Кирпичева нанесла ей жестокіе побои, отъ которыхъ она чувствуетъ себя больною. Г-жа Кирпичева съ своей стороны объяснила, что никакихъ побой Филипповой не наносила; что Филиппова ввязалась въ ссору между работниками, вовсе до нее не касавшуюся, и когда она, Кирпичева, сказавъ ей, что

это не ея дѣло, взяла за руку, чтобы отвести въ кухню, то Филиппова легла на полъ и стала кричать, что ее бьютъ. Свидѣтели, выставленные обѣими сторонами, дали показаніе согласное съ объясненіемъ Кирпичевой. По осмотру врача ни боевыхъ знаковъ, ни поврежденій въ здоровьѣ у Филипповой неоказалось.

На судъ явилась обвинительница Филиппова, повѣренный Кирпичевой и свидѣтели.

По прочтеніи полицейскаго акта, сущность котораго изложена выше, судья обратился къ Филипповой и спросилъ её, что можетъ прибавить къ своему обвиненію.

Филиппова (говоритъ плачевнымъ голосомъ, на распѣвъ). Я ужъ, батюшко, не знаю, что у васъ тамъ въ бумагахъ написано; а только Надежда Александровна меня всячески позорила, повалила на полъ, била кулаками... Кричитъ: тащите её, шельму, на снѣгъ, пусть околѣваетъ; а коли кричать станетъ, глотку ей заткните. Я вотъ ради этакого Свѣтлаго Христова праздника по сю пору больна... Батюшко, мировой судья, прикочнитесь хоша вы ко мнѣ... Животъ пухнетъ...

Судья (перебивая). Да говорите обыкновеннымъ голосомъ, къ чему вы хнычетѣ.

Филипова (тѣмъ-же голосомъ). Я, батюшко, чело-

вѣкъ больной; она меня какъ шваркнула-то! Черезъ нее я, можетъ, на вѣкъ несчастною буду.

Судья. Васъ осматривалъ докторъ?

Филиппова. Дохтуръ осматривалъ, не потаю этого, не хочу души сквернить для такихъ денъ.

Судья. Ну, онъ не нашелъ никакихъ признаковъ, что васъ били.

Филиппова. Это ужъ, батюшко, какъ ихней милости угодно было, этого я ничего не знаю: потому я человѣкъ темный. А теперича, батюшко, мировой судья, отчего у меня животъ пухнетъ?

Судья. Этого я не знаю. Вы скажите мнѣ: чего вы хотите.

Филиппова. Спросите обо всемъ свидѣтелевъ, авось они для такихъ денъ не покривятъ душою.

Судья. Въ актѣ свидѣтели опровергаютъ ваше показаніе.

Филиппова. Хоша они и привергаютъ меня, потому что сами къ Надеждѣ Александровнѣ приверженность большую имѣютъ... а я уповаю на Господа батюшку, да на мироваго судью.

Судья. Стало быть вы желаете, чтобы я спросилъ свидѣтелей.

Филиппова. Отецъ ты мой родной, ничего я и сказать не могу, какъ вашей милости будетъ угодно; а я какъ есть человѣкъ убитый.

Судья приступилъ къ допросу свидѣтелей.

Цеховая Захарова показала, что Филиппова жила у Кирпичевой въ кухаркахъ; что 15 Марта она ввязалась въ ссору работниковъ и хозяйка сказала ей: что ты мѣшаешься не въ свое дѣло, иди въ кухню. Но Филиппова продолжала браниться. Кирпичева, желая положить этому конецъ, взяла её за руку, чтобы отвести въ кухню; тогда Филиппова легла ничкомъ на полъ и стала кричать, что её бьютъ, душатъ.

Филиппова (свидѣтельницѣ). Катерина Ивановна, воздохни на Господа Бога, убойся Его! У насъ у всѣхъ смерть-то на носу сидитъ: не нынче, такъ завтра... душу ты губишь свою; напрасно ты говоришь все это; вы меня замертво подняли.

Захарова. Я говорю правду.

Филиппова. Исправь тебя Господи, ради Свѣтлаго Воскресенія, такъ-то. Другой свидѣтель рядовой Николаевъ, показалъ тоже самое, что и Захарова, что Филиппова сама легла на полъ и стала кричать.

Филиппови (вздыхая). Дай Богъ тебѣ, батюшка, лечь такъ для Воскресерья Христова.

Остальные свидѣтели: цеховые — Александръ Юдинъ Усовъ, Николай Гавриловъ и мѣщанинъ Александръ Максимовъ дали показанія, во всемъ

согласныя съ показаніями Захаровой и Николаева.

Судья (Филиповой). Вотъ я и свидѣтелей спросилъ: всѣ они показываютъ противъ васъ.

Филиппова. А Господь то батюшка гдѣ: Онъ все видѣлъ. Они всѣ подвержены Надеждѣ Александровнѣ: Александръ-то Юдичъ съ Надеждой Александровной и пьетъ и ѣстъ изъ одной ложки. Вотъ какъ передъ Богомъ говорю: изувѣчила она меня, врозь разбила.

Судья. Этого я не вижу: вы слава Богу цѣлы.

Филиппова. Охъ, хо, хо! Батюшка, батюшко мой, что тутъ видѣть-то. Я одна, а они всѣ на меня; я на васъ, да на ваше здоровье...

Судья. Ну, будетъ. Нехотите-ли вы прекратить это дѣло?

Филиппова. Я во всемъ, батюшко, на ваше здоровье надѣюсь, вы, да Богъ, одно для меня прибѣжище.

Судья. Я васъ спрашиваю: хотите-ли вы кончить это дѣло?

Филиппова. Какъ вашей милости угодно будетъ, я, значитъ, на все согласно, только вы на мое оскорбленье потрудитесь.

Судья. Что же вы желаете деньги получить съ г-жи Кирпичевой за оскорбленіе?

Филиппова. Деньги, деньги, батюшка, потому хотя я и на вѣкъ несчастной быть должна, а зла лиходѣйкѣ своей не желаю—Господь съ нею.

Судья. Сколько-же вы хотите получить.

Филиппова. Сколько вы, кормилецъ и защитникъ мой, положите.

Судья. Ну пять, десять рублей.

Филиппова. Нѣтъ, батюшка, мировой судья, десяти рублевъ мало: потому сколько они меня по кварталамъ мучили, всѣ жилы изъ меня повытянули. Вотъ, Александръ Юдичъ знаетъ все, только говорить не хочетъ, потому у нихъ съ Надеждой Александровной ленъ не дѣленъ...

Судья. Перестаньте говорить вздоръ.—(Постановляетъ рѣшеніе: считать Кирпичеву по суду оправданною, а Филлиппову обязать вознаградить ее за убытки).—Довольны-ли вы?

Повѣренный Кирпичевой изъявляетъ удовольствіе.

Филиппова. Гдѣ-же законы-то эти?

Судья. Вы пустяковъ не болтайте, а отвѣчайте: довольны вы моимъ рѣшеніемъ, или нѣтъ?

Филиппова. Нѣтъ, батюшка мировой судья, не довольна, какъ есть недовольна; вы бы приступились ко мнѣ, хошь бы оскорбленьемъ удовлетворили меня; я несчастною стала, не бойсь сама-то

Надежда Александровна схоронилась, не пошла ко кресту евангелію, а подставнаго прислала.

Судья (перебиваетъ). Такъ вы не довольны?

Филиппова. Совсѣмъ недовольна и жалиться буду—это ужъ за первый долгъ сочту.

II.

На вызовъ судьи являются арестантъ Гаврило Егоровъ, молодой парень съ простоватымъ лицемъ, Анна Филиппова—типъ субреттки—молоденькая дѣвушка, недурная изъ себя, но очевидно *пожившая* и дворянинъ Павелъ Николаевъ Степановъ—высокій черноватый молодой человѣкъ, одѣтый по-русски довольно небрежно, немножко *подъ шефе.*

Судья (Степанову). Вы обвинитель.

Степановъ. Такъ точно-съ. Но я хочу заявить вамъ, что означенная Анна Филипьева попала сюда по ошибкѣ.

Судья. Какъ, по ошибкѣ?

Степановъ. Очень просто-съ. Она въ кражѣ не участвовала, а воровала вмѣстѣ съ Гавриломъ Егоровымъ Агаѳья Ѳедорова. Она здѣсь.

Судья. Но въ полицейскомъ актѣ показана Анна Филиппова.

Степановъ. Дѣйствительно-съ, но это ошибка. Я и полиціи заявлялъ, что означенная Анна Филипьева ни въ чемъ не причинна, только полиція не приняла означеннаго заявленія, я долженъ былъ взять ее на поруки.

Судья. Странно! (Аннѣ Филипповой). Вы можете удалиться.—Агафья Ѳедорова!

За рѣшетку выходитъ Агафья Ѳедорова, тоже молодая, не дурная собою дѣвушка, но постарше Филипповой.

Судья (Степанову). Въ чемъ вы обвиняете ихъ.

Степановъ. Означенный дворникъ Егоровъ укралъ у меня ватное одѣяло, которымъ я, значитъ, покрывался, и подушку, и прежде онъ воровалъ у меня разныя вещи, а она (указываетъ на Агаѳью Ѳедорову) помогала ему.

Судья (Егорову и Ѳедоровой). Что скажете вы противъ этого?

Гаврило Егоровъ (апатично). Ничего этого я не знаю; вольно ему говорить; все это облыжно; на кой лядъ мнѣ ихнее одѣяло.

Агаѳья Ѳедорова (сквозь слезы). Я, господинъ судья, честная дѣвушка; я никогда такими художествами не занималась. Грѣхъ вамъ, Павелъ Николаичъ, напраслину на меня взводить! Все дѣло-то, господинъ судья, изъ за того, что мамаша

Павла Николаича велѣла давно прогнать Анну Филипповну, да Павелъ Николаичъ все-таки держалъ ее, а потомъ онъ за что-то разсердился на нее и чтобы выместить зло взялъ и придумалъ это; послѣ они опять сошлись другъ съ другомъ и помирились; онъ вмѣсто ея-то и припуталъ меня. Вы видите какой онъ.

Степановъ (Ѳедоровой). А позвольте узнать зачѣмъ вы одѣяло въ сундукъ спрятали.

Ѳедорова. Меня сама Анна Филипповна упросила спрятать (Егорову) помнишъ, Гаврило?

Егоровъ. При мнѣ чай.

Степановъ. Я, господинъ судья, сдѣлался боленъ, вотъ и рецепты есть (вынимаетъ изъ кармана пачку аптечныхъ сигнатуръ).

Судья. Этого не нужно.

Степановъ (пряча ихъ снова въ карманъ). Очень хорошо-съ. Такъ когда я сдѣлался боленъ, то и перешелъ въ комнаты къ маменькѣ: у меня очень холодно-съ; одѣяло осталось въ моей комнатѣ на постели, а когда я выздоровѣлъ и перебрался къ себѣ, означенное одѣяло очутилось въ сундукѣ.

Судья. Чѣмъ-же вы можете доказать, что она намѣревалась украсть ваше одѣяло?

Степановъ. Кромѣ того, она самоваръ мой взяла, и теперь онъ у ней стоитъ. Какъ только она при-

детъ, такъ непремѣнно какая нибудь пропажа случиться; я ужъ не велѣлъ пускать ее. А что на счетъ доказательствъ, такъ даже Арина знаетъ, извольте ее спросить.

Судья. Гдѣ-же эта Арина?

Степановъ (кричитъ). Арина, поди сюда, тебя зовутъ!

Судья. Такъ какъ она находилась здѣсь и слѣдовательно слышала весь разговоръ, то я не могу допустить ее въ качествѣ свидѣтельницы. Какія вы имѣете еще доказательства?

Степановъ (заминаясь). Вотъ рецепты, пожалуй...

Судья. Это не доказательство.

Степановъ (поспѣшно указываетъ на Егорова). Да вотъ онъ знаетъ (Егорову). Вѣдь при тебѣ Агаѳья Ѳедорова укладывала одѣяло.

Судья. Вы его кажется, тоже обвиняете?

Степановъ. Точно такъ-съ; потому у нихъ это все сообща было.

Судья. Такъ зачѣмъ-же вы его спрашиваете; онъ не можетъ быть свидѣтелемъ въ этомъ дѣлѣ.

Степановъ. Я для того спросилъ его, чтобы сбить ихъ.

Судья. Этого нельзя.

Степановъ. Ну, такъ я и спрашикать не буду; а вѣдь Агаѳья Ѳедорова, г. судья, смутилась. Это ужъ доказательство.

Ѳедорова. Ничуть я не смутилась, не отчего! а путаете вы безъ толку, что въ голову придетъ.

Судья (Степанову). Всѣ ваши слова ничего не доказываютъ; чѣмъ еще можете вы подтвердить обвиненіе.

Степановъ (въ раздумьѣ). Чѣмъ-же еще-то въ самомъ дѣлѣ.

Судья. Это ужъ ваше дѣло.

Степановъ (оживляясь). Да, у меня свидѣтелей много, вотъ здѣсь человѣкъ пять сидятъ, и дома еще, коли угодно, съ десятокъ найду (послѣ краткой паузы). А впрочемъ, пожалуй, я и кончу это дѣло: мнѣ все равно (возвышая голосъ и указывая на Агаѳью Ѳедорову). Только какъ она смѣетъ Анну Филипьевну порочить. Когда я бываю пьянъ, я ей деньги вѣрю даже; говорю: Аннушка возьми и сбереги.

Судья. Стало быть вы обвиняете Ѳедорову изъ мести?

Степановъ. Никакъ нѣтъ-съ, я единственно изъ человѣколюбія... потому, думаю, что они, по вашему внушенію, сознаются, а они не хотятъ, ну, и я не хочу, прекращаю это дѣло и баста.

Ѳедорова. А я не хочу кончить это дѣло такъ. Вы меня осрамили передъ всѣми.

Судья (Степанову). Въ самомъ дѣлѣ, какъ это вы обвиняете двухъ человѣкъ въ кражѣ, не имѣя на то никакихъ данныхъ.

Степановъ. У меня есть данныя, г. судья.

Судья. Какія?

Степановъ. Вотъ напримѣръ Матрена здѣсь... это мать дѣтей... то есть мать одной дѣвочки, которая знаетъ, что у меня вьюшки пропали. Впрочемъ я не хочу ничего, я прекращаю дѣло.

Судья. И впередъ, совѣтую вамъ, не начинать подобныхъ.

ОЧЕРКИ.

1.

Новая промышленность.

Вмѣстѣ со введеніемъ мировыхъ учрежденій, появились у насъ особаго рода промышленники, зарабатывающіе себѣ деньги тѣмъ, что сами навязываются на скандалъ и потомъ начинаютъ искать съ васъ за обиду, разумѣется, *гражданскимъ порядкомъ*; nolens volens, а придется вамъ дать имъ какую-нибудь бездѣлицу, чтобы только развязаться съ ними и избѣгнуть огласки.

На дняхъ сижу я на пречистенскомъ бульварѣ; ко мнѣ подошли два знакомыхъ мнѣ господина, оба уже пожилыхъ лѣтъ, отцы семейства, и, поздоровавшись со мною, сѣли возлѣ меня на ска-

мейкѣ. Затѣмъ одинъ изъ нихъ, назову его хоть г. А., подалъ мнѣ какую-то записочку, написанную на клочкѣ сѣрой бумаги.

— „Вотъ, батюшка, прочтите-ка,—сказалъ онъ. „Вы, молодые люди, думаете, что нашъ братъ, старикъ, ни на что ужъ не годится, анъ нѣтъ! мы вотъ еще какія записочки получаемъ".

Вотъ содержаніе записочки, которую я прочелъ:

„Милай друкъ Андилъ мой пряма іди і бири подруку я буду набульварі врозовоі шляпі"

— „Ну чтожъ, отвѣчалъ я: ваше счастье!"

— „Нѣтъ-съ нахальство-то какое! дерзость-то какая!"

„Замѣтьте — заговорилъ вдругъ г. А. съ горячностью: ко мнѣ—человѣку женатому, у котораго, извините, дѣти старше васъ,—и вдругъ подходитъ какой-то оборванецъ и осмѣливается подать эту записку: „отъ барышни" говоритъ... ха, ха, ха, нечего сказать — хороша *барышня*!"

— „Да онъ, можетъ быть, по ошибкѣ подалъ вамъ эту записку" замѣтилъ я.

— „Сначала и я такъ думалъ. Ты, говорю, любезнѣйшій, не ошибся-ли. Никакъ нѣтъ-съ, гово-

ритъ, они вамъ приказали отдать, они васъ хорошо запримѣтили.“

— „Странно!“

— „Да вы вотъ у Ивана Иваныча разспросите: онъ вамъ разскажетъ, какой случай съ нимъ былъ, въ такомъ же родѣ. Разскажите Иванъ Иванычъ“— обратился онъ къ своему товарищу.

— „Развѣ я не разсказывалъ вамъ“?—спросилъ меня Иванъ Иванычъ.

— „Нѣтъ, нѣтъ, разскажите пожалуйста“.

— „Извольте. Прекурьезная исторія! недавно провожалъ я одного своего знакомаго за границу. На прощаньи мы роспили съ нимъ по бутылочкѣ винца; я человѣкъ непривычный къ вину; ну, меня, понимаете, и разобрало. Не ловко же, сами согласитесь, явиться къ женѣ въ такомъ видѣ,—тѣмъ болѣе, что она у меня женщина строгихъ правилъ. Очень хорошо-съ. Я и вздумалъ выпить бутылочку сельтерской да по бульвару пройтись, чтобы освѣжиться. Точно такимъ-же манеромъ какъ и къ нимъ (при этихъ словахъ Иванъ Ивановичъ указалъ на г. А), подходитъ ко мнѣ неизвѣстный человѣкъ, повидимому, лакей и подаетъ мнѣ записочку, почти что такого-же содержанія, то есть тоже иди прямо и бери подъ руку, только съ нѣкоторыми

варіантами, понимаете. Съ пьяну-то мнѣ и вздумалось тряхнуть стариной: я и отправился. Вижу, точно гуляетъ какая-то дѣвица по бульвару, только не въ розовой шляпкѣ, а въ гарибальдинкѣ, впрочемъ такъ и въ запискѣ было сказано. Я посмотрѣлъ на нее—улыбается, и не дурна шельма! я подошелъ къ ней, заговорилъ, потомъ какъ взялъ её подъ руку, какъ она завизжитъ; а тутъ откуда ни возьмись три человѣка съ кокардами на фуражкахъ, одинъ изъ нихъ съ усищами такими. Какъ, милостивый государь, въ публичномъ мѣстѣ вы позволяете себѣ дѣлать насиліе дамамъ!“ Я туда-сюда—„Къ мировому пойдемте, къ мировому“. Что тутъ станете дѣлать! Слава Богу еще что время-то было дообѣденное и народу на бульварѣ почти не было, а то просто срамъ, позоръ! Сопротивляться мнѣ было даже опасно: потому могли полицію пригласить. Дѣлать нечего, пошелъ къ мировому. Вотъ, какъ сошли мы съ бульвара и пошли переулкомъ, одно изъ сопровождавшихъ меня лицъ, въ качествѣ *благородныхъ* свидѣтелей и говоритъ мнѣ въ полголоса: „жалко мнѣ васъ, право: напечатаютъ въ газетахъ, скандалъ... лучше бы вамъ какъ-нибудь помириться, не доходя до суда“?—„Я готовъ, говорю: скажите только: какъ!“—„Давайте сто рублей, я все улажу“—Я и больше

бы далъ, только бы развязаться съ ними, но по счастію со мною всего на всего было рублей пятнадцать, да мелочи тамъ бездѣлица. Я ему и говорю, что у меня всего пятнадцать рублей и бумажникъ ему показалъ.—„Ну, дѣлать нечего, давайте пятнадцать рублей: человѣкъ вы, я вижу, хорошій“.—Я отдалъ деньги да поскорѣе на извощика, да домой. Еще Бога благодарилъ, что дешево отдѣлался. Вотъ и съ ними должно быть такую же штуку хотѣли съиграть“.

— „Безъ сомнѣнія“—подтвердилъ г. А. „Мошенники—одно слово! А у меня есть до васъ просьба“ обратился онъ ко мнѣ.

— „Я съ удовольствіемъ готовъ исполнить её, если только смогу“, отвѣчалъ я.

— „Вы, я знаю, пописываете кое-что, тамъ стишки разные, разсказцы... нельзя-ли вотъ и этотъ случай отпечатать въ предохраненіе другимъ“.

— „И въ поученіе молодымъ людямъ“ — прибавилъ Иванъ Ивановичъ.

И—ъ.

2.

Таинственная незнакомка.

Карлъ Карловичъ Эзельманъ, красильщикъ съ фабрики одного русскаго купца, былъ въ гостяхъ у своего пріятеля Франца Христіановича Катценкопфъ, сапожныхъ дѣлъ мастера изъ Берлина, какъ гласила вывѣска; хотя, между нами, господа, почтеннѣйшій г. Катценкопфъ никогда въ Берлинѣ не былъ, а родился, росъ и учился гдѣ-то въ Финляндіи.

У Франца Христіановича была вечеринка по случаю дня рожденія супруги его Амаліи Рудольфовны. Вечеринка эта имѣла характеръ чисто нѣмецкій. Молодежь съ систематическимъ усердіемъ танцовала подъ звуки разбитаго фортепіяно, по клавишамъ котораго безъ всякаго милосердія стучала костлявыми пальцами фрейленъ Шарлота, единственный и весьма уже зрѣлый плодъ Франца Христіановича и Амаліи Рудольфовны; люди пожилые, солидные — одни играли въ карты или въ лото по маленькой, другіе пили пиво, курили дешевыя сигары и толковали о политикѣ, при чемъ безпрестанно слышались восклицанія въ родѣ:

смотрительной хозяйки было уже убрано, началъ также прощаться съ семействомъ Катценкопфовъ.

— Мой другъ, останься здѣсь, здѣсь такъ прекрасно—говорилъ подгулявшій немножко хозяинъ.

— О нѣтъ, мой другъ, пора: я живу такъ далеко—возражалъ Эзельманъ, меланхолически взглянувъ на опустѣвшій столикъ.

— Но мы ляжемъ вмѣстѣ и Мальхенъ дастъ намъ немного шнапсу, и мы проведемъ... но тутъ гостипріимный хозяинъ внезапно прикусилъ языкъ, встрѣтивъ строгій взглядъ своей супруги.

— Мнѣ очень удивительно кажется, Францъ, что ты удерживаешь господина Эзельмана, которому такъ далеко ѣхать слѣдуетъ.

— Эзельманъ дѣйствительно жилъ не близко.

— Ну, прощай другъ, Карлъ — сказалъ Катценкопфъ, обнимая Эзельмана.

— Прощай другъ, Францъ — промолвилъ Эзельманъ въ свою очередь! — Прощайте мадамъ, прощайте фрейленъ.

Эзельманъ вышелъ на улицу; было темно; фонари тускло освѣщали путь его; но онъ шелъ бодро, весело, напѣвая извѣстную пѣсенку:

„Ты знаешь край, гдѣ зрѣютъ апельсины“...

По дорогѣ ему встрѣтились извощичьи дрожки.

— Исфошникъ, зуда! — крикнулъ Карлъ Карловичъ.

— Куда прикажете, сударь — спросилъ извощикъ?

— На Москва-рѣкъ, на шипокъ.

— Полтинникъ.

— Швейна! — проворчалъ Карлъ Карловичъ и пошелъ дальше.

— Сколько дадите! прокричалъ въ слѣдъ ему извощикъ.

— Нишево.

Эзельманъ рѣшился дойти до дому пѣшкомъ. Идя дорогою онъ размышлялъ сначала о грубости и необразованности русскаго мужика, потомъ перешелъ къ разнымъ воспоминаніямъ; вдругъ пересѣкла ему дорогу какая-то дама, высокаго роста, довольно стройная, въ шляпкѣ съ опущеннымъ вуалемъ. Нужно знать, что Карлъ Карловичъ, не смотря на то, что имѣлъ уже пятьдесятъ лѣтъ, былъ женатъ и немного даже плѣшивъ, чувствовалъ неодолимое влеченіе къ прекрасному полу и никогда не избѣгалъ случая приволокнуться, только чтобы все это было шито да крыто.

— Вы не боитесь ходить такъ поздно?— спросилъ онъ по нѣмецки, догнавши незнакомку.

— Я не понимаю — сказала она чуть слышнымъ голосомъ.

— Ви русской?

— Да, русская.

— О, я люблю ошенъ русской. Я говорилъ: вы небойтесь прохаживать такой поздній время.

— Здѣсь, слава Богу, ни лѣсъ.

— О, для такой горошенькій особъ, опасни чѣмъ лѣзъ, нашъ столицъ. Позволите ви мнѣ справаживать ви.

— Я васъ не знаю.

— Ахъ такъ позволяйте ви мнѣ съ вами знакомымъ сдѣлать.

Незнакомка молчала.

— Позволяйте мнѣ вашу ручка въ моя рука взять — продолжалъ неотвязчивый Эзельманъ и хотѣлъ было взять ея руку; но незнакомка этого не позволила, замѣтивъ весьма деликатно, что идти рядомъ можно, а рукамъ давать волю не слѣдуетъ.

Такая скромность еще болѣе подзадорила Карла Карловича, и чтобы произвести на нее наивыгоднѣйшее впечатлѣніе, онъ даже приглашалъ её на завтра обѣдать въ эрмитажъ и, обѣщаясь заѣхать за нею, спросилъ: гдѣ она живетъ и нельзя-ли ему зайти къ ней хотя на минуточку. Незнакомка

сказала ему свой адресъ, но принять его у себя отказалась, говоря, что она живетъ съ маменькой. Тогда Карлъ Карловичъ предложилъ ей проводить её до дому, на что она согласилась и они оба завернули въ глухой переулокъ съ безконечно тянущимися заборами.

— О какъ я шастливъ, што ви посволяйтъ мнѣ ви проваживать — воскликнулъ восторженно Эзельманъ, обхватывая талію незнакомки; но въ эту самую минуту онъ получилъ такой ударъ въ голову, отъ котораго лишился чувствъ.

Очнулся Карлъ Карловичъ поутру въ частномъ домѣ. Ему объяснили, что онъ былъ поднятъ, обобранный до нитки и съ разбитой головой въ N—скомъ переулкѣ, обходомъ. Несчастный Эзельманъ просилъ чтобы его немедленно отправили домой, что и было исполнено.

— Мой Богъ, что съ тобою, Карлъ! вскричала жена, когда его привезли домой.

— О это была ужасная исторія, Луиза—отвѣчалъ онъ; — пошли за докторомъ.

Карлъ Карловичъ пролежалъ цѣлый мѣсяцъ въ постели; впрочемъ этотъ несчастный случай принесъ ему и нѣкоторую пользу въ нравственномъ и финансовомъ отношеніи: онъ сдѣлался гораздо

скромнѣе, въ гостяхъ долго не засиживался и не тратился такъ, какъ прежде на хорошенькихъ модистокъ и субретокъ.

Когда, по выздоровленіи, его знакомые спрашивали, что случилось съ нимъ, онъ разсказывалъ всегда, о цѣлой шайкѣ вооруженныхъ разбойниковъ, которая будто бы напала на него въ N—скомъ переулкѣ и ограбила его до-чиста. „О это была ужасная исторія!“ прибавлялъ онъ, вздыхая.

E—ръ.

3.

Дешевые товары.

— Матушка, Марья Петровна, здравствуйте, Христосъ воскресъ!

— Воистину воскресъ, родная моя.

Обѣ поцѣловались.

— Ваши всѣ здоровы-ли?—спрашиваетъ Марья Петровна свою знакомую.

— Слава Богу; только вотъ Кондратій Иванычъ изсушилъ совсѣмъ.

— Охъ, голубушка! и мой вѣдь Сидоръ Данилычъ закургузилъ.

— Вашъ покрайности хоть пьетъ-то не постоянно, а мой каждый день пьянъ.

— Повѣришь-ли, Анна Васильевна, я бы молебны по всѣмъ церквамъ отслужила, въ Кеевъ пѣ-

шкомъ-бы пошла, кабы мой-то пилъ также какъ вашъ кажный день, только бы характеръ свой смирилъ.

— На счетъ этого мой-то слава те Господи еще ничего; да вѣдь недостатки-то вотъ...

— Пріѣдетъ это изъ городу пьяный, ну, и не кажись на глаза. Али вотъ праздничное дѣло, кому радость, а мнѣ мука: рѣдкій праздникъ безъ колотушекъ обойдется. Тверезый ничего; а какъ выпьетъ этого зелья, и почнетъ ко всѣмъ придираться.

— Нѣтъ, мой смиренъ, все только про Ерибальду, про... какъ его лѣшаго, прости Господи! и не выговоришь; начнетъ это собирать разныхъ нѣмецкихъ царей и все про нихъ толкуетъ: слушаешь, слушаешь, да и терпѣнье потеряешь, прикрикнешь на него: будетъ, молъ, срамиться-то— ну, и уйдетъ спать; а то до пѣтуховъ пробурчитъ.

— У меня Сидоръ Данилычъ.... да сохрани Господи крикнуть на него—разразитъ! Однако заболталась я съ вами.

— Вы куда торопитесь-то?

— Да на дешовые, матушка.

— И я туда-же. Надо вотъ дылдѣ-то своей купить на платьишко, да и самой тоже.

— Такъ пойдемте вмѣстѣ: по дорогѣ. Я тоже своимъ дурищамъ хочу купить кой-чего; нельзя, знаете, матушка Анна Васильевна, дѣвки на возрастѣ. — Давно я не видала васъ. Что дочка ваша не просватана еще?

— Сватался одинъ на святкахъ, да по всему видно, что стрекулистъ: такъ ничего обстоятельнаго нѣтъ.

— Вотъ тоже и я говорю своимъ: ой дѣвки! не смотрите вы на рожу да на одёжу; иной и не казистъ изъ себя и одѣтъ не ахти-мнѣ, а съ капиталомъ; а другой и красивъ, и франтъ; за то въ одномъ карманѣ блоха на арканѣ, въ другомъ вошь на цѣпи.

— Это точно, Марья Петровна; нынче народъ такъ и наровитъ обмануть. Однако пойдемте поскорѣе, а то, пожалуй, придемъ къ шапочному разбору.

— И то, мать моя.—И разговаривающія ускорили шаги.

Въ рядахъ, особенно въ ножевой линіи, около лавокъ давка, шумъ и гамъ; безпрестанно слы-

шатся: почемъ? уступите, двадцать и три четверти, заверни, ахъ, батюшки, кошелекъ вытащили ой, ой, совсѣмъ задавили! и тому подобные возгласы. Анна Васильевна и Марья Петровна съ отвагою бросились въ это море человѣческихъ головъ и исчезли въ его пучинѣ, много усилій стоило этимъ храбрымъ дамамъ достигнуть вожделѣнной пристани: наконецъ таки онѣ всякими правдами и неправдами, не щадя живота своего, протискались къ одной лавкѣ, гдѣ красовались различныя ткани, разложенныя самымъ соблазнительнымъ образомъ.

— Есть у васъ барежъ? спросила Марья Петровна у метавшагося изъ стороны въ сторону сидѣльца.

— Есть-съ, сударыня, покажи Иванъ.

— Покажите-ка мнѣ какіе у васъ ситчики есть, только поблагороднѣй — сказала Анна Васильевна.

— Сію минуту-съ: повремените, сдѣлайте милость.

— Почемъ этотъ барежъ? освѣдомлялась Марья Петровна.

— Весь остатокъ возьмете, сударыня?

— А сколько аршинъ?

— Двадцать два съ четвертью, по тридцати копѣекъ.

— Это дорого: пятнадцать копѣекъ. — Охъ, батюшко, чтой-то пихаешься такъ! сказала наша покупщица, обертываясь назадъ.

— Нѣтъ-съ, пятнадцать нельзя-съ. Ежели угодно по своей цѣнѣ двадцать пять.

— Двадцать, такъ и быть, больше не дамъ.

— Извольте, извольте, сударыня.

Между тѣмъ Анна Васильевна покупала ситецъ. „Этотъ ужъ больно глазастъ — говорила она: нѣтъ ли помельче.“

— Вотъ, сударыня, ужъ самый благородный, первый сортъ-съ.

— Сколько за аршинъ.

— Тридцать пять копѣекъ-съ.

— Что вы, что вы! это дорого; возьмите двадцать копѣекъ.

— Такихъ цѣнъ нѣтъ, сударыня.

— Чай линючій?

— Мы линючихъ не держимъ-съ, это вы напрасно говорить изволите.

— Берите-же двадцать — говоритъ Анна Васильевна, у которой на ситецъ глаза разгорѣлись.

— Никакъ нельзя-съ: себѣ убытокъ будетъ.

— Ну двадцать пять.

— Для васъ ужъ развѣ, какъ для благородной дамы, извольте двадцать восемь: ей Богу себѣ въ убытокъ.

— Больше ни за что не дамъ—произнесла Анна Васильевна рѣшительнымъ голосомъ.

— Ну, что дѣлать! извольте — сколько аршинъ отмѣрить прикажете?

— Двадцать.

Наконецъ, наши пріятельницы вышли изъ рядовъ, обремененныя покупками. Лица ихъ были покрыты потомъ, обѣ дышали тяжело.

— Мы, Марья Петровна, до Серпуховскихъ воротъ доѣдемъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ ужъ вы, матушка, ко мнѣ пожалуйте чайку откушать.

— Далеко, право; дома-то меня заждутся.

— Авось тамъ немаленькая дочка-то осталась. Нѣтъ, ужъ сдѣлайте милость, Анна Васильевна, ко мнѣ; а то неравно мой-то выпивши... оно все для опаски-то лучше... При чужихъ-то авось посовѣстится. Мы чайку напьемся вмѣстѣ, настоечки отвѣдаемъ.

Противъ послѣдняго соблазна Анна Васильевна не могла устоять; къ тому-же она разсчитывала,

что все-таки полпути она проѣдетъ на чужой счетъ. И такъ она согласилась.

Долго торговалась Марья Петровна съ извощиками; наконецъ какой-то согласился довезти ихъ на Зацѣпу за четвертакъ. Онѣ вскарабкались на дрожки, извощикъ стегнулъ свою сивку и та затрусила.

Вотъ, пріѣхали онѣ къ небольшому двух-этажному полукаменному дому, на воротахъ котораго была прибита доска съ надписью: „Палушкина Сідара Данілава.“ Марья Петровна расплатилась съ извощикомъ, который тщетно взывалъ къ ней: „надо бы, молъ, прибавить“, и вмѣстѣ съ своей гостьей вошли чрезъ скрипучую калитку на дворъ.

— Что, дома самъ?—робко спросила Марья Петровна у своей кухарки Устиньи, встрѣтившей ихъ въ сѣняхъ.

— Дома, спитъ, — лаконически отвѣчала она.

— Грузенъ?

— Знамо дѣло.

— Давно дома-то?

— Съ полчаса.

— Ну, слава Тебѣ Господи! проспитъ долго. Ты поставь самоваръ, Устинья, да закусочки приготовь.

— Ладно, идите.

— Вотъ я у васъ нѣтъ, нѣтъ, а все-таки побываю; а вы шутка-ли съ именинъ моихъ не были—заговорила Анна Васильевна.

— Все некогда, родимая моя, то да се, такъ вотъ и не видишь какъ время идетъ.

— Оно такъ-то такъ. Ахъ, здравствуйте красавицы мои, все-то вы хорошѣете; кралички мои!— говорила Анна Васильевна цѣлуясь съ двумя дочерьми хозяйки, краснощекими, сдобными юницами.

Пока Устинья приготовила закуску и поставила самоваръ, Марья Петровна стала развертывать покупки свои, видѣть которыя дочери ея ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ.

— Каковъ барежъ-то, а посм... далѣе Марья-Петровна не могла продолжать; глаза ея съ ужасомъ остановилась на двухъ огромныхъ дырахъ на купленномъ ею барежѣ. — „Ахъ мошенники! ахъ грабители!“ завопила бѣдная женщина. Но бѣда, какъ говорится, одна не приходитъ: шерстяная матерія, купленная ею, оказалась гнилою.

— Вы ужъ, матушка Анна Васильевна, и вы, дѣвки голубушки, самому-то ничего не говорите, Христа ради,—молила Полушкина: авось Богъ милостивъ, сойдетъ куда-нибудь: прислугѣ подарить можно.

Анна Васильевна въ свою очередь показала покупки. Правда, полотно было весьма подозрительнаго достоинства, за то ситецъ оказался превосходнымъ.

— Какая вы, погляжу я, мастерица покупать — говорила хозяйка, скрывая невольную зависть.

Между тѣмъ подали на столъ самоваръ и закуску. Марья Петровна и Анна Васильевна выпили рюмки по четыре настойки и принялись за чаепитіе.

— „Ахъ, обдайте-ка ситецъ-то свой кипяткомъ“ — сказала вдругъ Марья Петровна: не линючій-ли; отъ этихъ разбойниковъ все станется.

— Нѣтъ, вѣдь меня не проведешь — проговорила Анна Васильевна съ гордой самоувѣренностью: я знаю, что этотъ цвѣтъ не линяетъ. Да вотъ посмотрите, пожалуй.—Съ этими словами она взяла ножницы, отрѣзала кусочекъ ситцу, положила въ полоскательную чашку обдала горячей водой, потомъ взяла мыла и.... но намыливать было незачѣмъ: ситецъ былъ очевидно изъ самыхъ линючихъ....

Сердитая пресердитая и притомъ немного подвыпившая шла домой Анна Васильевна, держа въ

рукахъ узелъ съ несчастными покупками; а мужъ ея, губернскій секретарь Кедроливанскій благодушно разсказывалъ кухаркѣ своей о политикѣ Бисмарка, не предчувствуя грядущей бури.

N—ъ.

КОНЕЦЪ.

КОНСЕРВАЦИЯ

14.11.03.